P. G. Wodehouse

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

НА ВЫРУЧКУ ЮНОМУ ГАССИ

ЭТОТ НЕПОДРАЖАЕМЫЙ ДЖИВС

ВПЕРЕД, ДЖИВС!

ПОСОВЕТУЙТЕСЬ С ДЖИВСОМ

NEO-Классика

Пелам Гренвилл Вудхаус

На выручку юному Гасси. Этот неподражаемый Дживс. Вперед, Дживс! Посоветуйтесь с Дживсом

«АСТ»

1915, 1923, 1925, 1930

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

На выручку юному Гасси. Этот неподражаемый Дживс. Вперед, Дживс! Посоветуйтесь с Дживсом / П. Вудхаус — «АСТ», 1915, 1923, 1925, 1930 — (NEO-Классика)

ISBN 978-5-17-112105-1

Сборник известный, самый популярный, самый любимый читателями всего мира вот уже много десятилетий британский юмористический цикл. Цикл, каждое из произведений которого, будь оно романом, повестью или рассказом, – настоящий эталон неподражаемого английского юмора. Снова и снова непутевый, но обаятельный шалопай-аристократ Берти Вустер попадает в немыслимые передряги, а хитроумный камердинер-эрудит Дживс помогает ему выпутаться из, казалось бы, совершенно безвыходных положений. Ну а мы снова и снова перечитываем истории их приключений и каждый раз смеемся, будто читаем их впервые!..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-112105-1

© Вудхаус П., 1915, 1923, 1925, 1930
© АСТ, 1915, 1923, 1925, 1930

Содержание

На выручку юному Гасси[1] 6
Этот неподражаемый Дживс[2] 18
Глава 1 19
Глава 2 25
Глава 3 30
Глава 4 35
Глава 5 42
Глава 6 47
Глава 7 51
Глава 8 55
Глава 9 61
Глава 10 67
Глава 11 74
Глава 12 81
Глава 13 86
Глава 14 97
Конец ознакомительного фрагмента. 106

Пелам Гренвилл Вудхаус
На выручку юному Гасси
Этот неподражаемый Дживс
Вперед, Дживс!
Посоветуйтесь с Дживсом

Pelham Grenville Wodehouse
EXTRICATING YOUNG GUSSIE
THE INIMTABLE JEEVES
CARRY ON, JEEVES
VERY GOOD, JEEVES

Серия «NEO-Классика»

Печатается с разрешения The Trustees of the P. G. Wodehouse Estate и литера-турных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1915, 1923, 1925, 1930
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

На выручку юному Гасси[1]

Тетя Агата преподнесла мне свой сюрприз еще до завтрака. И в этом она вся. Я бы, конечно, мог и дальше распространяться о том, какие люди бывают грубые и бесчувственные. Но довольно будет сказать, что она подняла меня совершенно ни свет ни заря. Не было еще и половины двенадцатого, когда недремлющий Дживс оборвал мой безмятежный сон сообщением:

– Вас желает видеть миссис Грегсон, сэр.

Я подумал: лунатик она, что ли, блуждает по ночам? Но пришлось все-таки вылезти из-под одеяла и закутаться в халат. Я слишком хорошо знаю свою тетю – если она желает меня видеть, значит, она меня увидит. Такой человек.

Она сидела в кресле, прямая, будто доску проглотила, и смотрела перед собой в пространство. Когда я вошел, она смерила меня неодобрительным взглядом, от которого у меня всегда позвоночник размягчается, как студень. Тетя Агата – железная женщина, что-то вроде старой королевы Елизаветы, я так себе представляю. Она помыкает своим мужем Спенсером Грегсоном, несчастным старикашкой, который играет на бирже. Помыкает моим двоюродным братом Гасси Мэннеринг-Фиппсом. И его матерью, своей невесткой. И, что хуже всего, мною. У нее акулий глаз и твердые моральные устои.

Есть, наверно, на свете люди, что называется, твердокаменные, с нервами-канатами, эти, возможно, способны ей противостоять; но если вы обыкновенный смертный вроде меня и любите жить тихо и спокойно, вам при ее приближении ничего другого не остается, как свернуться в клубок и молить небо о спасении. Чего захочет от вас тетя Агата, то вы и сделаете, знаю по собственному опыту. А если не сделаете, то будете потом недоумевать, с чего это народ в старину так волновался, когда попадал в немилость к испанской инквизиции?

– Привет, привет, тетя Агата! – поздоровался я.

– Берти, – произнесла она, – у тебя кошмарный вид. Просто забулдыга какой-то.

Я ощущал себя расклеившимся почтовым пакетом. Я вообще с утра пораньше бываю не в наилучшей форме. Что я ей и объяснил.

– Это называется, с утра пораньше? Я уже три часа как позавтракала и все это время прохаживалась по парку, собираясь с мыслями.

Лично я, если бы мне пришлось позавтракать в полдевятого утра, прохаживался бы после этого не по парку, а по набережной, выбирая место, где сподручнее утопиться и положить конец своим страданиям.

– Я чрезвычайно обеспокоена, Берти. Оттого и решила обратиться к тебе.

Вижу, она к чему-то клонит, и тогда я слабым голосом проблеял Дживсу, чтобы принес чаю. Но она его опередила.

– Каковы твои ближайшие планы, Берти? – начала она.

– Н-ну, я думал немного погодя выползти куда-нибудь пообедать, потом, может быть, заглянуть в клуб, а потом, если хватит пороху, рвануть в Уолтон-Хит и сыграть партию в гольф.

– Меня не интересуют твои ползки и рывки. Я спрашиваю, есть ли у тебя на предстоящей неделе какие-нибудь серьезные дела?

Я почуял опасность.

– А как же, – отвечаю. – Уйма дел. Пропасть! Ни одной свободной минуты!

– Какие же это дела?

– Н-ну… Э-э-э… Точно не знаю.

---

[1] © Перевод. И. Бернштейн.

– Ясно. Я так и думала. Нет у тебя никаких дел. Прекрасно. В таком случае немедленно поезжай в Америку.

– В Америку?

Не забывайте, что все это происходило на голодный желудок и в такую рань, когда только-только успел проснуться жаворонок в поле.

– Да, в Америку. Думаю, даже ты слышал, что существует на свете такая земля?

– Но почему в Америку?

– Потому что там сейчас твой двоюродный брат Гасси. Он где-то в Нью-Йорке, и я не могу с ним связаться.

– Что он там делает?

– Дурака валяет, вот что.

Для того, кто знает Гасси так же хорошо, как я, это могло означать все что угодно.

– В каком смысле?

– Влюбился бог весть в кого и потерял голову.

Это, учитывая его прошлые заслуги, звучало правдоподобно. С тех пор как Гасси достиг совершеннолетия, он только и делал, что влюблялся бог весть в кого и терял голову. Такой у него характер. Но поскольку взаимностью ему не отвечали, до сих пор потеря головы обходилась без скандалов.

– Я думаю, Берти, тебе известно, отчего Гасси уехал в Америку. Ты знаешь, какие расточительные привычки были у твоего дяди Катберта.

Имелся в виду покойный папаша моего кузена, бывший глава нашего рода, и надо признать, что тут тетка была права. Никто не относился к дяде Катберту лучше, чем я, но всем известно, что в делах финансовых он просто не имел себе равных во всей английской истории. У него была мания просаживания денег. Если он ставил на лошадь, она обязательно захромает в середине скачки. Если играл в рулетку, то исключительно по своей особой системе – и в Монте-Карло при его появлении от радости вывешивали флаги и били в колокола. Вообще милейший дядя Катберт был такой страстный расточитель, что даже мог в сердцах обозвать управляющего вампиром и кровопийцей за то, что тот не дал ему вырубить в имении лес, чтобы разжиться еще тысчонкой фунтов.

– Он оставил твоей тете Джулии крайне мало денег, далеко не достаточно для дамы, занимающей ее положение. На достойное содержание Бичвуда требуются большие суммы. Дорогой Спенсер хоть и помогает чем может, но его средства не безграничны. Так что ясно, почему Гасси пришлось отправиться в Америку. Он не отличается умом, зато очень хорош собой, он не носит титула, но Мэннеринг-Фиппсы – одна из самых старинных и знатных фамилий в Англии. С собой он повез прекрасные рекомендательные письма, и когда от него пришло сообщение, что он познакомился с самой обворожительной красавицей на свете, я от души порадовалась. И в следующих письмах он продолжал восхвалять ее до небес. Но сегодня утром получено письмо, где он выражает уверенность, как бы между прочим, что у нас нет классовых предрассудков и мы не посмотрим на девушку косо из-за того, что она – артистка варьете.

– Вот это да!

– Просто гром среди ясного неба. Зовут ее Рэй Дэнисон, и он пишет, что она выступает «с сольником по высшему разряду». Что это за непристойный «сольник», я не имею ни малейшего представления. А далее он еще с гордостью добавляет, что «у Мозенштейна на прошлой неделе она подняла на ноги весь зал». Кто такая эта Рэй Денисон, неизвестно, кто таков мистер Мозенштейн и кого и как она у него поднимала на ноги, не могу тебе сказать.

– Ух ты, получается, это самое, как говорится, злой рок семьи, а?

– Не понимаю тебя.

– Ну, тетя-то Джулия, вы же знаете. Голос крови. Что досталось по наследству, не отмоешь добела, и так далее.

– Не болтай глупостей, Берти.

Однако, как бы то ни было, а совпадение тут явное. Об этом у нас в семье не говорят и вот уже двадцать пять лет как стараются забыть, но факт тот, что тетя Джулия, мать Гасси, была когда-то артисткой варьете, притом отличной, как мне рассказывали. Когда дядя Катберт ее впервые увидел, она играла в пантомиме в «Друри-лейн». Это было, еще когда меня не было. Но задолго до того, как я подрос и стал понимать, что происходит, наша семья приняла меры: тетя Агата, закатав рукава, занялась педагогической работой. В результате даже через микроскоп невозможно было отличить тетю Джулию от стопроцентных, прирожденных аристократок. Женщины осваиваются с новой ролью удивительно быстро.

Один мой приятель женат на Дэйзи Тримбл, бывшей актрисе Лондонского мюзик-холла, и меня теперь всякий раз так и подмывает, уходя, пятиться от нее задом. Однако же неоспоримый факт: у Гасси в жилах течет эстрадная кровь, и, возможно, она сейчас в нем заговорила.

– А что, – оживился я, проблемы наследственности меня всегда интересовали. – Может быть, это станет фамильным обычаем, как в книжках описывают: «Проклятие Мэннеринг-Фиппсов». Теперь каждый глава рода должен будет породниться браком с эстрадным миром. Отныне и навсегда, из поколения в поколение. Как вы думаете?

– Ради бога, Берти, не болтай чепухи. По крайней мере один глава нашего рода с эстрадным миром не породнится, а именно Гасси. Ты поедешь в Америку и остановишь его.

– Но почему же я?

– Почему ты? Не выводи меня из терпения, Берти! Неужели ты совершенно лишен семейных чувств? Если тебе лень самому заслужить почет, по крайней мере можешь приложить усилия и не позволить Гасси покрыть позором нашу семью. Ты поедешь в Америку, потому что ты его двоюродный брат, потому что вы всегда были близки, потому что ты единственный из нашей родни, у кого нет совершенно никаких занятий, кроме гольфа и ночных клубов.

– Я еще играю в аукцион.

– Да еще дурацких карточных игр по притонам. Если же этих причин тебе не довольно, то ты поедешь потому, что об этом прошу тебя я как о личном одолжении.

Понимай так, что только попробуй я отказаться, и она тогда употребит все свои прирожденные таланты на то, чтобы моя жизнь стала адом. И смотрит на меня неотрывно мерцающим взором. Ну, в точности как описано в «Старом Моряке».

– Итак, Берти, ты отправляешься незамедлительно?

Я ответил без запинки:

– А как же! Конечно.

Тут вошел Дживс с чаем.

– Дживс, – сказал я, – в субботу мы уезжаем в Америку.

– Очень хорошо, сэр, – ответил он. – Какой костюм вы наденете?

Нью-Йорк – большой город, удобно расположенный на краю Америки, так что сошел с корабля, и ты уже на месте, дальше никуда ехать не надо. Заблудиться невозможно. Выбираешься на воздух из большого сарая, спускаешься по ступеням и оказываешься в Нью-Йорке. Единственное, против чего мог бы возразить здравомыслящий пассажир, это – что выпускают на твердую землю возмутительно рано, просто чуть свет. Я поручил Дживсу пронести багаж мимо пиратов, которые подозревали, что под новыми рубашками у меня в чемоданах не иначе как зарыт клад, а сам сел в такси и приехал в гостиницу, где проживал Гасси. Там я затребовал у целого взвода солидных портье за конторкой, чтобы мне его вызвали.

И тут я испытал первый удар. Гасси там не оказалось. Я умолял их еще раз хорошенько подумать, и они еще раз хорошенько подумали, но безрезультатно. Никакой Огастус Мэннеринг-Фиппс у них не значился.

Признаюсь, мне стало не по себе. Я очутился один-одинешенек в чужом городе без малейших признаков Гасси. Что же делать? Я вообще по утрам не особенно ясно соображаю; черепушка у меня подключается к работе только во второй половине дня, и я никак не мог взять в толк, что теперь делать. Однако инстинкт повлек меня к двери в глубине вестибюля, я вошел и очутился в просторном помещении, во всю заднюю стену там тянулась огромная картина, а под картиной – стойка, и за ней несколько парней в белом раздают выпивку. У них в Нью-Йорке выпивкой распоряжаются мужчины, а не женщины. Надо же такое придумать!

Я безоговорочно поручил себя заботам одного бармена в белом одеянии. Он оказался свойским малым, я описал ему положение вещей и спросил, что он мне в связи с этим порекомендует. Он сказал, что на такой случай всегда советует принять порцию напитка «Молниеносный», состав его собственного изобретения. Им пользуются, по его словам, зайцы, готовясь к поединку с медведями гризли, и известен только один случай, когда медведь выстоял до конца третьего раунда. Ну, я пропустил на пробу пару стаканчиков, и можете себе представить: парень сказал истинную правду. Допивая вторую порцию, я вдруг ощутил, что с души у меня свалилась огромная тяжесть, и, бодрый, пошел осматривать город.

К моему удивлению, на улицах оказалось полно народу. Люди торопливо шагали по тротуарам, как будто на дворе ясный день, а не сумерки рассвета. Пассажиры в трамваях стояли буквально друг у друга на головах. Спешили на работу и по делам, так надо понимать. Удивительные люди!

Но что самое странное, когда немного опомнишься, это мощное извержение энергии уже не кажется таким дивом. Впоследствии я разговаривал с людьми, которые тоже побывали в Нью-Йорке, и на них всех этот город произвел такое же впечатление. Должно быть, что-то есть особенное, будоражащее в здешнем воздухе, озон, наверно, или какие-нибудь там фосфаты. Чувство свободы, если можно так выразиться. Оно проникает в кровь, бодрит, внушает, что и вправду –

Господь на небесах,
И в мире полный порядок,

и пусть ты даже надел с утра разные носки, это совершенно не важно.

Чтобы вы яснее это себе представили, скажу, что, переходя через перекресток, который у них там называется Таймс-сквер, я все время радостно ощущал, что от тети Агаты меня отделяют три тысячи миль океанских глубин.

Забавная вещь: когда ищешь иголку в стоге сена, найти ее не удается, как ни старайся. Но если тебе совершенно безразлично, пусть бы ты эту иголку никогда больше и не увидел, тогда стоит прислониться к стогу, и она тут же впивается тебе в бок. Походив туда-сюда, полюбовавшись достопримечательностями, пока целебный напиток доброго бармена проникал во все поры моего организма, я уже чувствовал, что мне все равно, хоть бы я с Гасси никогда в жизни больше не увиделся, и вдруг смотрю, он собственной персоной заходит в какой-то подъезд дальше по улице.

Я его окликнул, но он не услышал, тогда я бросился вдогонку и поймал его, когда он входил в офис на втором этаже. На двери офиса значилось: «Эйб Райсбиттер, эстрадный агент», а из-за двери доносился многоголосый шум.

Гасси обернулся и увидел меня.

– Берти! А ты-то что тут делаешь? Откуда ты взялся? Когда приехал?

– Высадился сегодня утром. Я заехал в твой отель, но тебя там не оказалось. Там вообще даже не слышали о тебе.

– Я сменил имя и фамилию. Теперь меня зовут Джордж Уилсон.

– Это еще почему?

– А ты попробуй поживи здесь под именем Огастус Мэннеринг-Фиппс, увидишь. Почувствуешь себя последним ослом. Я не знаю, в чем тут дело, но в Америке почему-то нельзя зваться Огастусом Мэннеринг-Фиппсом. Но есть еще и другая причина. Потом расскажу. Берти, я влюбился в самую замечательную девушку на свете.

Бедняга глядел на меня по-кошачьи, приоткрыв рот и ожидая поздравлений, у меня просто не хватило духу сказать ему, что мне все уже известно и что я прибыл сюда со специальной целью вставить ему палки в колеса.

Словом, я его поздравил.

– Спасибо, старик, – сказал он. – Немного преждевременно, но я надеюсь, конец будет хороший. Пошли зайдем, и я тебе все расскажу.

– Зачем тебе сюда? Какая-то сомнительная контора.

– Тут все взаимосвязано. Сейчас объясню.

Мы открыли дверь с надписью: «Комната ожидания». Там было набито столько народу, я в жизни не видел такой тесноты. Стены выпучивались.

Гасси указал на собравшихся:

– Артисты мюзик-холла. Рвутся на прием к старому Эйбу Райсбиттеру. Сегодня первое сентября, первый день эстрадного календаря. Ранняя осень – это весна мюзик-холла, – воспользовался Гасси красочным оборотом, он вообще у нас в своем роде поэт. – На исходе августа по всей стране вдруг пышным цветом расцветают певицы варьете, быстрее начинает бежать кровь в жилах у бродячих велоакробатов, и прошлогодние «гуттаперчивые мальчики», очнувшись от летней спячки, принимаются для разминки завязываться узлом. То есть я хочу сказать, начинается новый сезон, и все бросаются за ангажементами.

– Да, но ты-то здесь при чем?

– Я? Мне нужно кое о чем переговорить с Эйбом. Если увидишь, что вон из той двери выходит толстяк с пятьюдесятью семью подбородками, сразу хватай его, потому что это и будет Эйб. Он из числа тех деляг, которые каждый свой шаг наверх отмечают новым подбородком. Говорят, в девятисотых годах у него их было только два. Если уцепишь Эйба, помни, что для него я Джордж Уилсон.

– Ты сулился объяснить мне, что это за история с Джорджем Уилсоном, старина, – напомнил я Гасси.

– Видишь ли, вот какое дело…

Но тут миляга Гасси вдруг смолк, подскочил и с неописуемой живостью бросился навстречу чрезвычайно толстому субъекту, внезапно появившемуся в дверях. Остальные, кто там был, тоже устремились к нему со всех ног, но Гасси получил преимущество на старте, и певцы, танцоры, жонглеры, акробаты и исполнители скетчей, по-видимому признав, что победа – за ним, отхлынули обратно и расположились снова на прежних местах, а мы с Гасси прошли вслед за толстяком в кабинет. Мистер Райсбиттер закурил сигару и посмотрел на нас из-за крепостного вала своих подбородков.

– Слушай сюда, что я тебе скажу, – обратился он к Гасси.

Гасси изобразил на лице почтительное внимание. Мистер Райсбиттер задумался и нанес через стол по плевательнице сокрушительный удар прямой наводкой.

– Слушай сюда, – повторил он. – Я смотрел тебя на репетиции, как обещал мисс Денисон. Для любителя ты не так уж и плох. Тебе надо еще многому научиться, но данные у тебя есть. Короче, предлагаю тебе ангажемент на четыре выступления в день, если ты согласен на тридцать пять монет. Это все, что я могу для тебя сделать, да и того бы не сделал, если бы она не хлопотала за тебя. Решай сам, как хочешь. Ну, что?

– Я согласен, – сдавленным голосом проговорил Гасси. – Спасибо.

В коридоре, когда мы вышли, Гасси радостно загоготал и шлепнул меня по спине.

– Ура, Берти, старина, все в ажуре. Я самый счастливый человек в Нью-Йорке.

– И что теперь?

– Понимаешь ли, как я начал тебе объяснять, когда вошел Эйб, папаша моей Рэй сам тоже был артистом варьете. Давно, конечно, еще до нас, но я помню, о нем говорили. Джо Дэнби. Он пользовался известностью в Лондоне перед тем, как уехать в Америку. Славный старик, но упрям как мул. Он не соглашался, чтобы Рэй вышла за меня, поскольку я не артист. Слышать не желал. Ну так вот, если помнишь, я в Оксфорде недурно пел. Рэй изловила старого Райсбиттера и вытянула у него обещание, что он послушает меня на репетиции и, если ему понравится, раздобудет мне ангажемент. Он ее очень уважает. Она натаскивала меня целый месяц, добрая душа. И вот теперь, как ты слышал, он дал мне ангажемент на четыре выступления в день за тридцать пять долларов в неделю.

Я схватился за стену, чтобы не упасть. Действие бодрящего напитка, полученного от доброго друга в гостиничном баре, уже частично выветрилось, и я определенно ощутил некоторую слабость. Смутно, словно в тумане, я представил себе, как тете Агате сообщают о намерении главы семейства Мэннеринг-Фиппс выступать на эстраде. Тетя Агата дорожит фамильной честью Мэннеринг-Фиппсов почти как одержимая. Мэннеринг-Фиппсы были старинным и знатным семейством, еще когда Вильгельм Завоеватель бегал босиком и пулял из рогатки. Столетие за столетием они обращались к монархам по имени и одолжали герцогов, когда подходил срок вносить еженедельную квартплату; и теперь любой неразумный поступок любого из Мэннеринг-Фиппсов мог бы, по мнению тети Агаты, бросить тень на их блистательный фамильный герб. Что теперь скажет тетя Агата, получив ужасное известие, – помимо того, понятно, что виноват во всем я, – вообразить было мне не под силу.

– Поехали обратно в гостиницу, Гасси, – предложил я. – Там есть один отличный малый, который умеет смешивать напиток под названием «Коктейль молниеносный». Что-то подсказывает мне, что я сейчас в нем нуждаюсь. Только сначала, прости, я отлучусь на минуту, мне надо послать телеграмму.

Было совершенно ясно, что тетя Агата ошиблась в выборе и отправила вызволять Гасси из когтей американского мюзик-холла совсем не того человека. И теперь мне нужна подмога. Я было подумал вызвать сюда тетю Агату, но здравый рассудок сказал мне, что это уж будет чересчур. В помощи я, конечно, нуждался, но все-таки не до такой же степени. И тут мне пришло в голову удачное решение: я послал срочную телеграмму матери Гасси.

– О чем это ты телеграфировал? – поинтересовался Гасси.

– Да так. Мол, прибыл благополучно и тому подобное, – ответил я ему.

Первое выступление Гасси на эстраде состоялось в следующий понедельник в одном из обшарпанных залов на окраине, где крутили кино, а между сеансами давали разные концертные номера. На то, чтобы его как следует вышколить, ушло много труда. В сочувствии и поддержке с моей стороны Гасси нисколько не сомневался, и я, естественно, не мог обмануть его доверия. Единственная моя надежда, возраставшая с каждой репетицией, состояла в том, что на первом же выступлении он провалится с таким треском, что больше никогда не посмеет показаться перед публикой. А так как это автоматически поставило бы крест на задуманной свадьбе, я решил ему не мешать.

Гасси работал, не ведая устали. Субботу и воскресенье мы с ним от зари до зари провели в душной музыкальной комнатке издательства, чьи песни он должен был исполнять. На рояле, посасывая сигарету, целый день барабанил низенький неутомимый субъект с крючковатым носом. В том, о чем пел Гасси, он, похоже, был лично заинтересован.

Вот Гасси, откашлявшись, запевает:

– Я вышел на перро-о-он,
Там ждет меня ваго-о-о-он.

СУБЪЕКТ *(проиграв аккорды):* Вот как? Кого, ты говоришь, он ждет?
ГАССИ *(раздосадованный помехой):* Меня он дожидается!
СУБЪЕКТ *(удивленно*): Тебя?
ГАССИ *(настаивая на своем):* И в путь не отправляется!
СУБЪЕКТ (недоверчиво): Не может быть.
ГАССИ: Прощайте все, я уезжаю в Орегон!
СУБЪЕКТ: Ну не знаю, лично я живу в Йонкерсе.

И так по всей песне. Сначала бедняга Гасси просил его перестать, но субъект сказал, что нет, так всегда делается. Для придания номеру живости. Он обратился ко мне и спросил, как я считаю, нужно придать номеру живости или нет, и я ответил, что очень даже нужно, чем больше, тем лучше. И тогда он сказал Гасси: «Вот видишь?» Так что пришлось Гасси смириться и терпеть.

Другая песня, которую он себе подобрал, была из так называемых «страдательных». Он сказал мне, понизив голос, что выбрал эту песню, потому что ее пела его девушка Рэй в тот раз у Мозенштейна и еще где-то, когда поднимался на ноги весь зал. Она полна для него священных ассоциаций.

Вы не поверите, но оказалось, что Гасси получил предписание выйти на эстраду и начать выступление не когда-нибудь, а в час дня. Я ему сказал, что они, наверно, шутят, ведь он в это время как раз уйдет обедать, но Гасси возразил, что при четырех выходах в день первый выход всегда в час. И вообще ему теперь, наверно, будет не до обедов, пока он не перейдет в высший разряд выступающих по одному разу в день. Я принялся было выражать ему сочувствие, но выяснилось, что он и меня тоже ждет там в час дня. Я-то думал заглянуть попозже вечером, когда он – если еще останется жив – выйдет со своим номером в четвертый раз; но я не из тех, кто бросает друга в беде, поэтому мне пришлось оставить мысль о легком обеде в симпатичной харчевне, которую я приглядел на Пятой авеню, и поехать вместе с ним. Когда я занял свое место в зале, шел какой-то кинофильм – один из так называемых «вестернов», где ковбой вскакивает на коня и мчится по степи, не разбирая дороги, со скоростью сто пятьдесят миль в час, спасаясь от преследования шерифа, но не знает он, бедняга, что все напрасно, потому что у шерифа у самого есть конь, и тот конь не моргнув набирает скорость триста миль в час. Я уже собрался было закрыть глаза и забыться дремотой, пока не объявят номер Гасси, но тут заметил, что рядом со мной сидит поразительно хорошенькая девушка.

Вернее, нет, буду честным: войдя в зал, я заметил среди зрителей поразительно хорошенькую девушку и поспешил занять место рядом с ней. А теперь сидел и пожирал ее глазами. Ну, что бы им не включить полный свет? Обидно же. Такое очаровательное создание с огромными глазами и прелестной улыбкой. И вся эта красота в полумраке пропадала, можно сказать, зазря.

Но тут свет в зале и в самом деле зажгли, и оркестр заиграл мотив, который даже при моем отсутствии музыкального слуха показался мне знакомым. А в следующее мгновение из-за кулисы, пританцовывая, вышел Гасси в лиловом фраке и коричневом цилиндре, жалобно улыбнулся публике, споткнулся нога за ногу, покраснел и запел песню про Орегон.

Это было катастрофически плохо. Страдалец был так скован, что даже лишился голоса. Песня про Орегон звучала глухо, как отдаленное эхо тирольского йодля, проникающее сквозь толщу шерстяного одеяла.

И у меня, впервые с тех пор, как я удостоверился в его намерении пойти в артисты мюзик-холла, пробудилась некоторая надежда. Конечно, жаль беднягу, но, с другой стороны, не приходилось отрицать, что дело принимало благоприятный оборот. Ни один директор мюзик-холла на всем белом свете не согласится платить по тридцать пять долларов в неделю за такое исполнение. Это будет первое и последнее выступление Гасси на эстраде. Здесь ему придется

поставить точку в своей артистической карьере. Старик Дэнби скажет: «Беру назад руку моей дочери». И я уже представлял себе, как поведу Гасси на ближайший трансатлантический лайнер и в целости и сохранности передам в Лондоне с рук на руки тете Агате.

Гасси с горем пополам допел свою песню и уковылял за кулисы под гробовое молчание публики. Но после минутного перерыва появился снова.

Теперь он пел о том, что никто его не любит. Сама по себе песня была не такая уж безумно жалобная – обычный набор: «при луне», «в тишине», «обо мне» и так далее в том же духе, но в трактовке Гасси она звучала до того заунывно, что в публике тут и там начали сморкаться, а перед рефреном я уже и сам готов был прослезиться из-за того, как плох наш мир, где столько всяких огорчений.

Гасси подошел к рефрену, и тут случилось нечто невероятное. Моя прекрасная соседка вдруг встала, вскинула голову и тоже запела. «Тоже» – это только так говорится, а на самом деле она с первой же ноты забила Гасси просто насмерть, словно пронзила навылет. А я оказался в центре общего внимания. Все лица в зале были повернуты ко мне. Я не знал куда деваться, съежился в кресле и мечтал только о том, чтобы можно было поднять воротник.

Смотрю на Гасси и вижу: с ним произошла разительная перемена. Он приободрился, прямо расцвел. Девушка, надо сказать, пела отлично, и ее пение подействовало на Гасси тонизирующе. Она допела рефрен, он его подхватил, они повторили его уже вдвоем, и кончилось тем, что Гасси удалился со сцены популярным певцом и любимцем публики. Зал кричал «бис!» и успокоился, только когда выключили освещение и опять пустили кино.

Немного опомнившись, я пробрался к нему. Гасси сидел за сценой на ящике, такой ошарашенный, будто ему только что было видение.

– Ну разве она не чудо, Берти? – восторженно сказал он мне. – Я даже не знал, что она будет в зале. Она выступает эту неделю в «Аудиториуме» в дневном концерте и теперь едва поспеет к звонку. Могла опоздать, но все-таки приехала, чтобы поддержать меня. Она – мой добрый ангел, Берти. Она спасла меня. Если бы не ее помощь, я прямо даже не знаю, что могло произойти. Я так перетрусил, совсем не соображал, что делаю. А теперь, когда первое мое выступление прошло удачно, можно уже больше ничего не опасаться.

Я порадовался, что отправил матери Гасси телеграмму. Мне явно нужна будет ее помощь. Ситуация вышла из-под контроля.

Всю следующую неделю я ежедневно виделся с Гасси и был представлен той девушке. Я даже познакомился с ее папашей, грозным стариканом с густыми бровями и решительным выражением лица. А в среду приехала тетя Джулия. Миссис Мэннеринг-Фиппс, она же моя тетушка Джулия, – самая величавая леди изо всех, кого я знаю. Она держится не так наступательно, как тетя Агата, однако в ее присутствии я с детских лет всегда ощущал себя жалким червем. Притом что она-то как раз меня не пилила и не дергала. Разница между этими тетками состоит в том, что тетя Агата обращается со мной так, будто я лично виноват перед нею за все беды и грехи мира, тогда как тетя Джулия меня скорее жалеет, чем винит. И не будь это историческим фактом, я бы ни за что не поверил, что она когда-то выступала в мюзик-холле. Тетя Джулия выглядит и держится как театральная герцогиня. Так и кажется, что она в данную минуту обдумывает, не велеть ли дворецкому сказать старшему лакею, чтобы сервировал второй завтрак в Голубой гостиной, выходящей окнами на западную террасу. Воплощенное достоинство. А на самом деле двадцать пять лет назад, как рассказывали мне старики, которые были тогда светскими юнцами, она их всех приводила в восторг, выступая в «Тиволи» в сценке под названием «Чайный переполох», где танцевала в облегающем трико и исполняла песенку с припевом: «Тарарарам-пам-пам, парарарам-там-там, эй-хо!»

Есть такие вещи, которые просто невозможно себе представить – в частности, как тетя Джулия поет: «Тарарарам-пам-пам, парарарам-там-там, эй-хо!»

Мы поздоровались, и через пять минут тетя Джулия уже перешла к делу:

– Что случилось с Гасси? Из-за чего ты меня вызвал, Берти?

– Это длинная история, – ответил я. – И довольно запутанная. Если можно, я передам ее вам отдельными сериями. Сначала на пару минут заедем в «Аудиториум», хорошо?

Девушке Рэй продлили ангажемент еще на неделю, поскольку первая неделя прошла с шумным успехом. Ее номер состоял из трех песен. Костюм и декорации были прекрасные. Голос у нее – чудесный. Внешность – очаровательная. И в общем и целом можно сказать, что выступление ее было ну просто конфетка.

Пока мы усаживались на свои места, тетя Джулия молчала. А усевшись, сказала вроде как со вздохом: «Я двадцать пять лет не была в мюзик-холле».

И больше – ни слова, сидит себе молча и не отрываясь смотрит на сцену.

Примерно через полчаса объявили имя Рэй Денисон. Публика захлопала.

– Обратите внимание на этот номер, тетя Джулия, – говорю я ей.

Она словно не слышит.

– Двадцать пять лет! Прости, что ты сказал, Берти?

– Обратите внимание на этот номер и потом скажете мне ваше мнение.

– А кто это? – Она прочла имя. – Рэй. Ах!

– Первая серия, – сказал я. – Девушка, с которой помолвлен Гасси.

Девушка закончила свой номер, и зал поднялся с мест. Ее никак не хотели отпускать. Она много раз выходила. А когда наконец убежала совсем, я обернулся к тете Джулии:

– Ну что?

– Мне нравится, как она работает. Чувствуется настоящая артистка.

– А теперь, если не возражаете, мы отправимся на дальнюю окраину.

Мы спустились в метро и приехали туда, где Гасси в очередь с кинофильмами отрабатывал свои тридцать пять долларов в неделю. По счастью, уже через десять минут после нашего приезда подошла его очередь выйти на эстраду.

– Вторая серия, – сказал я. – Гасси.

Сам не знаю, чего я от нее ожидал. Но, во всяком случае, не молчания. Однако тетя Джулия словно окаменела и безмолвно смотрела на Гасси все время, пока он мямлил про луну, тишину и так далее. Я ей искренно сочувствовал: каково-то ей было видеть своего единственного сына в лиловом фраке и коричневом цилиндре! Но важно было, чтобы она как можно скорее разобралась в ситуации. Если бы я попробовал растолковать ей все своими словами, без наглядности, я бы проговорил целые сутки, но она бы все равно не уразумела, кто на ком женится и почему.

А вот что меня всерьез удивило, так это насколько лучше прежнего пел миляга Гасси. К нему вернулся голос, и песни в его исполнении звучали совсем неплохо. Мне его выступление напомнило одну ночь в Оксфорде, когда Гасси, тогда восемнадцатилетний паренек, после веселого ужина распевал «А ну, пошли все вместе вдоль по Стрэнду», стоя при этом по колено в университетском фонтане. Он пел так же вдохновенно, как тогда.

Наконец он удалился за кулисы, тетя Джулия еще немного посидела как каменная, а затем обернулась ко мне. Глаза ее странно блестели.

– Что все это значит, Берти? – спросила она тихим, но слегка дрогнувшим голосом.

– Гасси пошел в артисты мюзик-холла, потому что иначе отец девушки не позволял ей выйти за него замуж, – объяснил я. – Теперь, если вы не против, давайте сгоняем на Сто тридцать третью улицу, и вы сможете с ним потолковать. Это такой старикан с бровями, он будет у меня Третьей серией. Я сведу вас с ним, и на этом моя роль, надеюсь, будет закончена. Дальше – дело за вами.

Они проживали в просторной квартире вдали от городского центра, с виду ужасно дорогой, а в действительности наполовину дешевле, чем модные «студии» где-нибудь на сороковых улицах. Нас проводили в гостиную, и к нам вышел старик Дэнби.

– Добрый день, мистер Дэнби, – начал было я. Но дальше этого мне пойти не пришлось, потому что у моего локтя раздался тихий возглас.

– Джо! – охнула тетя Джулия и, покачнувшись, ухватилась за спинку дивана.

На мгновенье старик Дэнби замер, глядя на нее, а затем челюсть у него отвисла, и брови взлетели кверху.

– Джули!

Они стали трясти друг другу руки с такой силой, что я уже забеспокоился, как бы у них не вывихнулись плечи.

Лично я не приспособлен к внезапным переменам. От того, как сразу преобразилась тетя Джулия, у меня голова пошла кругом. Какая уж там гранд-дама! Она зарделась, заулыбалась. Я бы даже сказал, – хотя и не полагается говорить такие вещи про собственную тетю, – что она залилась смехом. А старый Дэнби, который в обычное время похож на помесь римского императора с рассерженным Наполеоном Бонапартом, вел себя совершенно как мальчишка.

– Джо!

– Джули!

– Милый, милый старина Джо! Вот уж не думала, что снова встречусь с тобой!

– Откуда ты взялась, Джули?

Мне было непонятно, что все это значит, и я ввернул реплику, чтобы не оставаться в стороне:

– Мистер Дэнби, моя тетя Джулия хотела бы переговорить с вами.

– Я тебя сразу узнала, Джо!

– Я не видел тебя двадцать пять лет, детка, но ты ничуть не изменилась.

– Господи, Джо! Я ведь уже старуха.

– Как ты здесь очутилась? Надо думать, – старик Дэнби слегка помрачнел, – ты приехала с мужем?

– Моего мужа давно уже нет в живых, Джо.

Старик Дэнби покачал головой.

– Напрасно ты вышла замуж за человека не нашей профессии, Джули. Я ничего дурного не хочу сказать про покойного… не помню его фамилию, никогда не мог запомнить… но такая артистка, как ты, нет, не следовало тебе за него выходить. Мне в жизни не забыть, в какой восторг ты всех приводила, когда пела «Тарарарам пам-пам, пararарарам там-там, эй-хо!»

– А как ты играл в этой сценке, Джо! Помнишь, как ты падал на спину и скатывался по ступеням? Я всегда говорила, что, как ты, из наших никто больше не умеет падать на спину.

– Теперь-то и я не мог бы так.

– А помнишь, Джо, какой у нас был успех, когда мы выступали в «Кентербери»? Ты только подумай, в «Кентербери» теперь демонстрируют кинофильмы да Великий Могол еще ангажирует французские ревю!

– Я рад, что ничего этого не вижу.

– Джо, объясни мне, почему ты уехал из Англии?

– Как тебе сказать? Надоело… Захотелось перемен. Да нет, я скажу тебе правду, детка. Мне нужна была ты, Джули. Ты ушла от нас и вышла замуж за этого своего обожателя, не помню фамилии, и это меня совершенно сломило.

Тетя Джулия смотрела на него во все глаза. Она вообще из тех женщин, которые, что называется, хорошо сохранились. Сразу видно, что двадцать пять лет назад она была загляденье как хороша. Она и теперь почти, можно сказать, красавица. Большие карие глаза, пышные седые волосы и цвет лица – как у семнадцатилетней девушки.

– Джо, ты что, хочешь мне сказать, что ты сам был ко мне неравнодушен?

– Ну конечно, я был к тебе неравнодушен. Иначе почему бы я всегда ставил тебя в центр на авансцене, когда мы играли «Чайный переполох»? Почему держался в глубине сцены, пока ты пела «Парарарам там-там»? Помнишь, как я купил тебе пакет сдобных булочек по пути в Бристоль?

– Да, но…

– А как в Портсмуте я принес тебе бутерброд с ветчиной?

– Джо!

– А в Бирмингаме – тминный пряник? Что это все должно было означать, по-твоему? Ясно, что я любил тебя. Я постепенно набирался смелости, чтобы признаться тебе в любви, а ты вдруг взяла и вышла за того типа с тростью. Потому я и дочери моей не разрешил выйти за этого парнишку Уилсона, если он не пойдет на эстраду. Она у меня артистка…

– Да, Джо, прекрасная артистка.

– Ты ее видела? Где?

– Сегодня в «Аудиториуме». Но, Джо, не запрещай ей выйти замуж за того, кого она любит. Он ведь тоже артист.

– Грошовый.

– Джо, ты тоже вначале был грошовым артистом. Не смотри на него свысока из-за того, что он начинающий. Я понимаю, по-твоему, он твоей дочери не чета, но…

– А ты что, знаешь этого Уилсона?

– Он – мой сын.

– Твой сын?!

– Да, Джо. И я только что смотрела его выступление. Ты не представляешь себе, как я при этом им гордилась. У него определенно талант. Это судьба, Джо. Он мой сын, и он стал артистом! Если бы ты знал, Джо, через какие трудности я прошла ради него! Из меня сделали благородную леди. Я никогда в жизни так не выкладывалась, как тогда, чтобы усвоить роль настоящей знатной дамы. От меня требовалась совершенная достоверность, чего бы мне это ни стоило, иначе, говорили мне, мальчик будет стыдиться меня. Это было немыслимо трудно. Не год и не два мне приходилось постоянно следить за собой – вдруг, не дай бог, перепутаю слова или совершу какой-нибудь промах. И я справилась с ролью, потому что не хотела, чтобы сын меня стыдился. Но на самом деле я только и мечтала вернуться на сцену, к себе, к своим.

Старик Дэнби подскочил к ней, схватил ее за плечи.

– Возвращайся, Джули! – воскликнул он. – Твой муж умер, твой сын выступает в мюзик-холле. Твое место здесь! Прошло двадцать пять лет, но я по-прежнему люблю тебя. Всегда любил. Ты должна вернуться. Твое место здесь, детка!

Тетя Джулия охнула, посмотрела на него растерянно и произнесла почти шепотом:

– О, Джо!

– Ты тут, детка. Ты вернулась, – вдруг осипнув, сказал старик Дэнби. – Подумать только… Двадцать пять лет!.. Но ты вернулась и больше не уедешь!

Она покачнулась, шагнула и упала в его объятия.

– Ах, Джо! Джо! Джо! – бормотала она. – Обними меня. Не отпускай. Заботься обо мне!

Тут я попятился и, обессиленный, выполз из комнаты. Сколько-то я в состоянии выдержать, но всему есть предел. Я ощупью выбрался на улицу и крикнул такси.

Позже вечером меня посетил Гасси – ворвался ко мне в номер с таким видом, будто купил эту гостиницу, а заодно и весь город.

– Берти, – сказал он. – У меня такое чувство, будто все это мне снится.

– Я бы тоже не прочь, чтобы все это мне только снилось, старина, – отозвался я и еще раз покосился на телеграмму от тети Агаты, прибывшую полчаса назад. Все это время я то и дело поглядывал на нее.

– Мы с Рэй заехали вечером к ним на квартиру, и представляешь, кого мы там застали? Мою мамашу! Она сидела рука в руку со стариком Дэнби.

– Да?

– А он сидел рука в руку с нею.

– Вот как?

– Они поженятся.

– Вот именно.

– И мы с Рэй поженимся.

– Да уж наверно.

– Берти, старичок, я безумно счастлив. Гляжу вокруг, и все, куда ни взгляну, прекрасно. А мамаша так поразительно переменилась. Помолодела на двадцать пять лет. Она и старый Дэнби собираются возобновить «Чайный переполох» и поехать с ним по стране.

Я встал.

– Гасси, старина, – сказал я, – оставь меня, ладно? Мне надо побыть одному. По-моему, у меня воспаление мозга или что-то в таком духе.

– Прости, дружище. Наверно, тебе вреден нью-йоркский климат. Когда ты думаешь вернуться в Англию?

Я снова покосился на телеграмму тети Агаты.

– Лет через десять, если повезет.

Гасси ушел, а я взял со стола и перечитал телеграмму. В ней было написано: «Что происходит? Мне приехать?»

Несколько минут я сосал кончик карандаша и наконец сочинил ответ. Это была нелегкая работа, но я справился.

«Нет, – написал я, – сидите дома. Прием в мюзик-холлы окончен».

Этот неподражаемый Дживс[2]

[2] © Перевод. А. Балясников.

Глава 1
Дживс шевелит мозгами

– А, Дживс, привет, привет! – сказал я.

– Доброе утро, сэр.

Дживс бесшумно ставит на столик рядом с кроватью чашку чая, и я с наслаждением делаю первый глоток. Самое то – как и всегда. Не слишком горячий, не слишком сладкий, не чересчур слабый, но и не излишне крепкий, молока ровно столько, сколько требуется, и ни единой капли не пролито на блюдце. Поразительная личность этот Дживс. Безупречен во всем до чертиков. Всегда это говорил и сейчас повторю. К примеру, все мои прежние слуги вваливались по утрам в комнату, когда я еще спал, и весь день испорчен. Другое дело Дживс – у него это словно телепатия: всегда точно знает, когда я проснулся. И вплывает в комнату с чашкой чая ровно через две минуты после того, как я возвращаюсь в этот мир. Просто никакого сравнения.

– Как погодка, Дживс?

– Чрезвычайно благоприятная, сэр.

– Что в газетах?

– Небольшие трения на Балканах, сэр. Кроме этого, ничего существенного.

– Хотел спросить, Дживс, вчера вечером в клубе один тип уверял меня, что можно смело ставить последнюю рубашку на Корсара в сегодняшнем двухчасовом забеге. Что скажете?

– Я бы не торопился следовать его совету, сэр. В конюшнях не разделяют его оптимизма.

Все – вопрос исчерпан. Дживс знает. Откуда – сказать не берусь, но знает. Было время, когда я рассмеялся бы, поступил по-своему и плакали бы мои денежки, но это время прошло.

– Кстати о рубашках, – сказал я. – Те лиловые, что я заказывал, уже принесли?

– Да, сэр. Я их отослал обратно.

– Отослали?

– Да, сэр. Они вам не подходят, сэр.

Вообще-то, мне эти рубашки очень понравились, но я склонил голову перед мнением высшего авторитета. Слабость характера? Не знаю. Считается, что слуга должен только утюжить брюки и все такое прочее, а не распоряжаться в доме. Но с Дживсом дело обстоит иначе. С самого первого дня, как он поступил ко мне на службу, я вижу в нем наставника, философа и друга.

– Несколько минут назад вам звонил по телефону мистер Литтл, сэр. Я сообщил ему, что вы еще спите.

– Он ничего не просил передать?

– Нет, сэр. Упомянул о некоем важном деле, которое он хотел бы с вами обсудить, но не посвятил меня в детали.

– Ладно, думаю, мы увидимся с ним в клубе.

– Без сомнения, сэр.

Нельзя сказать, чтобы я, что называется, дрожал от нетерпения. Мы вместе учились с Бинго Литтлом в школе и до сих пор частенько видимся. Он племянник старого Мортимера Литтла, который недавно ушел на покой, сколотив неслабое состояние. (Вы наверняка слышали о «противоподагрическом бальзаме Литтла» – «Лишь только вспомнил о бальзаме – затанцевали ноги сами».) Бинго ошивается в Лондоне на денежки, которые в достаточном количестве получает от дяди, так что он ведет вполне безоблачное существование. И хотя Дживсу он говорил про какое-то важное дело, ничего мало-мальски важного у него случиться не могло. Открыл, наверное, новую марку сигарет и хочет со мной поделиться впечатлением, или еще что-нибудь в таком же роде. Словом, портить себе завтрак и беспокоиться я не стал.

После завтрака я закурил сигарету и подошел к открытому окну взглянуть, что творится в мире. День, вне всякого сомнения, обещал быть превосходным.

– Дживс, – позвал я.

– Сэр? – Дживс убирал со стола посуду, но, услышав голос молодого хозяина, почтительно прервал свое занятие.

– Насчет погоды вы абсолютно правы. Потрясающее утро.

– Бесспорно, сэр.

– Весна и все такое.

– Да, сэр.

– Весной, Дживс, живее радуга блестит на оперении голубки.

– Во всяком случае, так меня информировали, сэр.

– Тогда вперед! Давайте трость, самые желтые туфли и мой верный зеленый хомбург. Я иду в парк кружиться в сельском хороводе.

Не знаю, знакомо ли вам чувство, которое охватывает человека в один прекрасный день где-то в конце апреля – начале мая, когда ватные облака бегут по светло-голубому небу, подгоняемые ласковым западным ветром. Испытываешь душевный подъем. Одним словом, романтика – ну, вы меня понимаете. Я не отношусь к числу горячих поклонников слабого пола, но в это утро я был бы не прочь, чтобы мне позвонила очаровательная блондинка и попросила, скажем, спасти ее от коварных убийц. И тут на меня словно выплеснули ушат ледяной воды: я столкнулся с Бинго Литтлом в нелепом малиновом галстуке с подковами.

– Привет, Берти, – сказал Бинго.

– Боже милостивый, старик! – гаркнул я. – Что это за ошейник? Откуда он у тебя? И зачем?

– А, ты про галстук? – Он покраснел. – Я… э-э-э… мне его подарили.

Видно было, что он смущен, и я переменил тему. Мы протопали еще немного и плюхнулись на стулья на берегу Серпантина.

– Дживс сказал, у тебя ко мне какое-то дело.

– А? Что? – Бинго вздрогнул. – Ах, да-да. Разумеется.

Я ждал, что он осветит наконец главный вопрос повестки дня, но он, похоже, не жаждал открывать прения на эту тему. Разговор совсем завял. Бинго сидел, остекленело уставившись в пространство.

– Послушай, Берти, – произнес он после паузы продолжительностью эдак в час с четвертью.

– Берти слушает!

– Тебе нравится имя Мейбл?

– Нет.

– Нет?

– Нет.

– А тебе не кажется, что в нем скрыта какая-то музыка, словно шаловливый ветерок ласково шелестит в верхушках деревьев?

– Не кажется.

Мой ответ его явно разочаровал, но уже через минуту он снова воспрянул духом.

– Ну разумеется, не кажется. Всем известно, что ты бессердечный червь, лишенный элементарных человеческих чувств.

– Не стану спорить. Ладно, выкладывай. Кто она?

Я догадался, что бедняга Бинго в очередной раз влюбился. Сколько я его помню – а мы вместе учились еще в школе, – он постоянно в кого-то влюбляется, как правило, по весне, она оказывает на него магическое действие. В школе у него скопилась уникальная коллекция фотографий актрис, а в Оксфорде его романтические наклонности стали притчей во языцех.

– Я договорился встретиться с ней во время обеда, если хочешь, пошли со мной, заодно и пообедаем вместе, – сказал он, взглянув на часы.

– Очень своевременное предложение, – согласился я. – Где вы обедаете? В «Ритце»?

– Около «Ритца».

Географически он был точен. Примерно в пятидесяти ярдах к востоку от «Рица» есть убогая забегаловка, где подают чай и кексы, таких заведений в Лондоне пруд пруди, и в нее-то – хотите верьте, хотите нет – мой школьный друг юркнул с проворством спешащего в родную норку кролика. Я и глазом моргнуть не успел, как мы уже протиснулись за столик и расположились над тихой кофейной лужицей, оставшейся от предыдущих посетителей.

Должен признаться, что я был в некотором недоумении. Нельзя сказать, что Бинго купается в деньгах, но все же с презренным металлом у него дело обстоит неплохо. Не говоря уже о том, что он получает приличную сумму от дяди, в этом году он удачно играл на скачках и закончил сезон с положительным балансом. Тогда какого дьявола он приглашает девушку в эту богом забытую харчевню? Во всяком случае, не оттого, что он на мели.

Тут к нам подошла официантка. Довольно миленькая девица.

– А разве ты не собираешься подождать… – начал было я, решив, что это уж слишком даже для Бинго: мало того, что он приглашает девушку на обед в такую дыру, так еще набрасывается на корм до ее прихода. Но тут я взглянул на его лицо и осекся.

Старик сидел, выпучив глаза. Циферблат его стал пунцово-красным. Все это очень напоминало картину «Пробуждение души», выполненную в алых тонах.

– Здравствуйте, Мейбл, – сказал он и судорожно глотнул воздух.

– Здравствуйте, – сказала девушка.

– Мейбл, это мой приятель Берти Вустер, – сказал Бинго.

– Рада познакомиться, – сказала она. – Прекрасное утро.

– Замечательное.

– Вот, видите, я ношу ваш галстук, – сказал Бинго.

– Он вам очень к лицу, – сказала девушка.

Лично я, если бы мне кто-то сказал, что подобный галстук подходит к моему лицу, тотчас же встал бы и двинул ему как следует, невзирая на пол и возраст; но бедолага Бинго прямотаки зашелся от радости и сидел, самодовольно ухмыляясь самым омерзительным образом.

– Что вы сегодня закажете? – спросила девушка, переводя разговор в практическое русло.

Бинго благоговейно уставился в меню.

– Мне, пожалуйста, чашку какао, холодный пирог с телятиной и ветчиной, кусок фруктового торта и коржик. Тебе то же самое, Берти?

Я взглянул на него с возмущением. Подумать только, он был моим другом все эти годы, неужели он воображает, что я могу нанести такую обиду собственному желудку?

– Или, может, возьмем по куску мясного пудинга и зальем все это газировкой? – продолжал Бинго.

Знаете, даже страшно становится, как подумаешь, до чего может довести человека любовь. Ведь я хорошо помню, как этот убогий, который сидел сейчас предо мной и как ни в чем не бывало рассуждал о коржиках и газировке, подробно объяснял метрдотелю ресторана «Клэриджс», как именно шеф-повар должен приготовить для него *«жареный морской язык под соусом из королевских креветок и шампиньонов»,* пообещав, что отошлет блюдо обратно на кухню, если окажется что-то не так. Чудовищно! Просто чудовищно!

Булочка с маслом и кофе показались мне единственным мало-мальски безвредным кушаньем из всего меню, явно составленного самыми зловредными членами семейства Борджиа для того, чтобы свести счеты со своими заклятыми врагами, поэтому я выбрал только булочку и маленькую чашку кофе, и Мейбл наконец ушла.

– Ну, как? – спросил Бинго с восторженным выражением лица.

Я догадался, что ему не терпится узнать мое мнение о только что покинувшей нас деве-отравительнице.

– Очень мила, – сказал я.

Но этого ему показалось мало.

– Признайся, что ты в жизни не встречал такой изумительной девушки, – с блаженной улыбкой произнес он.

– Да-да. Разумеется, – ответил я, желая успокоить дуралея. – Где вы познакомились?

– На благотворительном балу в Камберуэлле.

– Но что, ради всего святого, ты делал на благотворительном балу в Камберуэлле?

– Твой Дживс предложил мне пару билетов. Сказал, что это на какие-то благотворительные цели, уже не помню, что именно.

– Дживс? Вот уж не думал, что подобные вещи его интересуют.

– Ему тоже нужно иногда встряхнуться. Как бы то ни было, он был там и развлекался на все сто. Я сперва не собирался идти, а потом зашел просто так, из любопытства. Господи, Берти, как подумаю, что я мог пропустить!

– А что ты мог пропустить? – спросил я; он совсем заморочил мне голову, и я туго соображал.

– Мейбл, тупица. Если бы я не пошел, так не встретил бы Мейбл.

– А… Ну да.

После этого Бинго впал в транс и вышел из него, только чтобы затолкать в себя пирог и коржик.

– Берти, – произнес он, – мне нужен твой совет.

– Валяй.

– Вернее, совет, но не твой, поскольку от твоих советов еще никому не было проку. Ведь всем известно, что ты законченный осел. Только не подумай, что я хочу тебя обидеть.

– Нет, что ты. Какие обиды…

– Не мог бы ты изложить все своему Дживсу – а вдруг он что-нибудь придумает. Ты же мне рассказывал, как он не раз помогал твоим друзьям выходить из самых безнадежных ситуаций. Насколько я понял, он у тебя вроде домашнего мозгового центра.

– До сих пор еще ни разу не подводил.

– Тогда изложи ему мое дело.

– Какое дело?

– Мою проблему.

– А в чем проблема?

– Ну как же, недотепа, в моем дяде, разумеется. Как ты думаешь, что на все это скажет мой дядя? Да ведь если я все ему так, с бухты-барахты, выложу, с ним родимчик случится прямо на каминном коврике.

– Заводится с полоборота?

– Его непременно нужно подготовить. Только вот как?

– Да, как?

– Я ведь говорил, от тебя не будет никакого проку. Ты что, не знаешь, что, если он урежет мое содержание, я останусь на бобах? Так что изложи все Дживсу, и посмотрим, не выгонит ли он на меня такую редкую дичь, как счастливый конец. Скажи, что мое будущее в его руках и что, если прозвонят свадебные колокола, он может рассчитывать на мою признательность, вплоть до полцарства. Ну, скажем, до десяти монет. Согласится Дживс пошевелить мозгами, если ему будут светить десять фунтов?

– Вне всякого сомнения, – сказал я.

Меня нисколько не удивило, что Бинго вздумал посвятить Дживса в сугубо личную проблему. Я и сам бы в первую очередь подумал о Дживсе, если бы попал в какую-то переделку.

Как я не раз имел возможность убедиться, у него всегда полно блестящих идей. Уж если кто может помочь бедняге Бинго, так это Дживс.

В тот же вечер я изложил ему суть проблемы.

– Дживс!

– Сэр?

– Вы сейчас ничем не заняты?

– Нет, сэр.

– Я имею в виду – я вас ни от чего не оторвал?

– Нет, сэр. Я взял себе за правило читать в это время суток какую-нибудь поучительную книгу, но, если вам требуются мои услуги, я вполне могу прервать это занятие или отложить его вовсе.

– Дело в том, что мне нужен ваш совет. Насчет мистера Литтла.

– Молодого Литтла, сэр, или старшего мистера Литтла, его дяди, проживающего на Паунсби-Гарденз?

Впечатление такое, что Дживс знает все. Просто поразительно. Я дружу с Бинго, можно сказать, всю жизнь, но понятия не имею, где именно обитает его дядя.

– Откуда вы знаете, что он живет на Паунсби-Гарденз? – спросил я.

– Я в добрых отношениях с поварихой мистера Литтла-старшего, сэр. Точнее, у нас достигнуто взаимопонимание.

Признаюсь, я был потрясен. Мне и в голову не приходило, что Дживса занимают такие вещи.

– Вы хотите сказать… вы помолвлены?

– Можно сказать, что это равнозначно помолвке, сэр.

– Ну и ну!

– У нее выдающиеся кулинарные таланты, сэр, – сказал Дживс, словно считая себя обязанным оправдаться. – А что вы меня хотели спросить насчет мистера Литтла?

Я выложил ему все как есть.

– Вот так обстоят дела, Дживс, – сказал я. – Думаю, наш долг немного сплотиться и помочь Бинго положить этот шар в лузу. Расскажите мне о старом Литтле. Что он за гусь?

– Весьма своеобразная личность, сэр. Удалившись от дел, он сделался большим затворником и теперь по большей части предается радостям застолья.

– Короче говоря – обжирается, как свинья?

– Я бы не взял на себя смелость воспользоваться подобным определением, сэр. Скорее он из тех, кого принято называть гурманом. Очень трепетно относится к тому, что ест, и потому особенно высоко ценит искусство мисс Уотсон.

– Поварихи?

– Да, сэр.

– Тогда лучше всего запустить к нему Бинго сразу после хорошего ужина. Когда он будет в размягченном состоянии.

– Сложность в том, сэр, что в настоящее время мистер Литтл на диете в связи с сильным приступом подагры.

– Это может спутать нам карты.

– Вовсе нет, сэр. Я полагаю, что несчастье, случившееся со старшим мистером Литтлом, можно обратить на пользу вашему молодому другу. Не далее как вчера я разговаривал с камердинером мистера Литтла, и тот сообщил мне, что сейчас его основная обязанность – читать мистеру Литтлу вслух по вечерам. На вашем месте, сэр, я бы посоветовал молодому мистеру Литтлу начать самому читать своему дяде.

– Понимаю: операция «Преданный племянник». Старикан тронут благородством юноши, верно?

– Отчасти так, сэр. Но в еще большей степени я рассчитываю на выбор литературы, которую будет читать своему дяде молодой мистер Литтл.

– Ну нет, тут особенно не разгуляешься. У Бинго симпатичная физиономия, но в литературе он дальше спортивного раздела в «Таймс» не пошел.

– Это препятствие можно преодолеть. Я был бы счастлив сам выбирать книги для чтения мистеру Литтлу. Возможно, мне следует несколько пояснить мою мысль.

– Признаться, пока я не уловил, в чем суть.

– Метод, который я беру на себя смелость вам предложить, называется в рекламном деле «методом прямого внедрения» и состоит во внушении какой-либо идеи путем многократного повторения. Вы, возможно, и сами сталкивались с действием этой системы.

– Ну да, это когда тебе все время талдычат, что то или иное мыло лучшее в мире, ты попадаешь под влияние, бросаешься в ближайшую лавку и покупаешь целую дюжину?

– Абсолютно верно, сэр. Тот же метод лежит в основе всех успешных пропагандистских кампаний, проводившихся во время последней войны. И мы смело можем им воспользоваться, чтобы изменить отношение дяди вашего друга к проблеме классовых различий. Если мистер Литтл-младший начнет изо дня в день читать своему дяде рассказы, повести и романы, в которых брак с особой более низкого социального положения считается не только возможным, но и достойным восхищения, я думаю, это подготовит мистера Литтла-старшего к восприятию известия о том, что его племянник собирается жениться на простой официантке.

– А разве есть такие книги? В газетах пишут только о тех, где супруги ненавидят друг дружку и спят и видят, как бы поскорее разбежаться в разные стороны.

– Да, сэр, существуют и другие книги, рецензенты редко удостаивают их вниманием, но широкая публика охотно читает. Вам никогда не попадалась в руки «Все ради любви» Рози М. Бэнкс?

– Нет.

– А «Алая роза лета» того же автора?

– Нет, не попадалась.

– Моя тетя, сэр, является обладательницей полного собрания сочинений Рози М. Бэнкс. Мне не составляет никакого труда позаимствовать у нее их столько, сколько может потребоваться младшему мистеру Литтлу. Это очень легкое и увлекательное чтение.

– Что ж, пожалуй, стоит попробовать.

– Во всяком случае, я настоятельно рекомендовал бы этот метод, сэр.

– Значит, договорились. Завтра же чешите к тете и тащите две-три штуки, да позабористее. Попытка – не пытка.

– Истинная правда, сэр.

Глава 2
Свадебные колокола отменяются

Три дня спустя Бинго доложил, что Рози М. Бэнкс – именно то, что требуется, и, несомненно, годится для применения во всех воинских частях и соединениях. Старый Литтл сперва было взбрыкнул и попытался противиться смене литературной диеты – он, дескать, не большой любитель беллетристики и всю жизнь придерживался исключительно солидных периодических изданий; но Бинго сумел усыпить его бдительность и прочел ему первую главу «Все ради любви» прежде, чем тот успел опомниться, и после этого книги мисс Бэнкс пошли «на ура». С тех пор они прочли «Алую розу лета», «Сумасбродку Мертл», «Фабричную девчонку» и добрались до середины «Сватовства лорда Стратморлика».

Все это Бинго сообщил мне охрипшим голосом, глотая гоголь-моголь на хересе. Он признался, что наш план, превосходный во всех отношениях, обладает одним недостатком: чтение вслух пагубно отражается на его здоровье, голосовые связки не выдерживают напряжения и начинают сдавать. Он смотрел в медицинской энциклопедии и по симптомам определил, что его болезнь называется «лекторский синдром». Но зато главное: дело явно шло на лад, и, кроме того, после вечерних чтений его всякий раз оставляли ужинать; а, как я понял с его слов, никакие, самые красноречивые рассказы не дают даже отдаленного представления о кулинарных шедеврах поварихи старого Литтла. Когда страдалец живописал кристальную прозрачность бульонов, на глазах у него стояли слезы. И то сказать – после того как он несколько недель перебивался с коржика на газировку, любая нормальная пища должна была доставлять ему райское наслаждение.

Старик Литтл был лишен возможности принимать действенное участие в этих пиршествах, но, по словам Бинго, выходил к столу и, покончив со своей порцией овсяной затирухи, вдыхал запах подаваемых блюд и рассказывал о деликатесах, которые ему доводилось пробовать в прошлом, а также обсуждал меню роскошного ужина, который он закатит, когда врачи снова приведут его в форму; так что, думаю, он по-своему тоже получал от всего этого удовольствие. Как бы там ни было, дела шли очень даже неплохо, и Бинго признался, что у него есть план, с помощью которого он надеется успешно завершить операцию. В чем состоит его план, он мне рассказывать не стал, но заверил, что это верняк.

– Мы добились определенных успехов, Дживс, – сказал я.

– Мне доставляет большое удовлетворение это слышать, сэр.

– Мистер Литтл говорит, когда они дошли до финала «Фабричной девчонки», его дядюшка ревел, как новорожденный теленок.

– Вот как, сэр?

– Когда лорд Клод заключает девушку в свои объятия и говорит…

– Я знаком с этой сценой, сэр. Бесспорно, трогательный эпизод. Моя тетя тоже его очень любит.

– Мне кажется, мы на верном пути.

– Думаю, что так, сэр.

– Похоже, это еще один ваш триумф, Дживс. Я всегда говорил и никогда не устану повторять, что по мощи интеллекта вы на голову выше всех великих мыслителей нашего времени. Прочие – лишь толпа статистов, провожающих вас почтительными взглядами.

– Большое спасибо, сэр. Я стараюсь.

Примерно через неделю после этого ко мне ввалился Бинго и сообщил, что подагра перестала мучить его дядю и врачи разрешают ему с завтрашнего дня есть нормальную пищу безо всяких ограничений.

– Между прочим, – сказал Бинго, – он приглашает тебя завтра на обед.

– Меня? С какой стати? Он же понятия не имеет о моем существовании.

– А вот и имеет. Я ему про тебя рассказывал.

– Что же ты, интересно, ему наплел?

– Ну, много чего. Как бы там ни было, он хочет с тобой познакомиться. И мой тебе совет, дружище, – приходи, не пожалеешь. Завтрашний обед, могу тебя заверить, будет сногсшибательный.

Не знаю, отчего, но уже тогда мне почудилось в словах Бинго что-то подозрительное, я бы даже сказал, зловещее. Он явно темнил и недоговаривал.

– Тут что-то нечисто, – сказал я. – С чего это вдруг твой дядя приглашает на обед человека, которого в глаза не видел?

– Уважаемый мистер олух, я тебе только что объяснил: он знает, что ты мой самый близкий друг, что мы вместе учились и так далее.

– Ладно, допустим. Но ты-то с чего так об этом хлопочешь?

Бинго замялся.

– Я же сказал, у меня есть одна идея. Я хочу, чтобы ты сообщил дяде о моих намерениях. У меня просто духу не хватит.

– Что? Еще чего!

– И это говорит мой друг!

– Да, но всему есть предел!

– Берти, – с укором произнес он. – Когда-то я спас тебе жизнь.

– Когда это?

– Разве нет? Значит, кому-то другому. Но все равно, мы вместе росли, и все такое. Ты не можешь меня подвести.

– Ну ладно, ладно. Но когда ты заявляешь, будто у тебя не хватит духу на какую-то наглость, ты себя недооцениваешь. Человек, который…

– Значит, договорились, – сказал Бинго. – Завтра в час тридцать. Смотри не опаздывай!

Должен признаться, что чем больше я размышлял о предстоящей мне миссии, тем меньше мне нравилась вся эта затея. Допустим, Бинго прав, и обед действительно будет шедевром кулинарного искусства. Не все ли равно, какие кулинарные изыски значатся в меню, если тебя спустят с лестницы прежде, чем ты успеешь покончить с супом. Однако слово Вустеров свято, нерушимо и прочее и прочее, и на следующий день ровно в час тридцать я нетвердой походкой поднялся по ступеням крыльца дома номер шестнадцать по Паунсби-Гарденз и позвонил. А через полминуты я уже стоял в гостиной и пожимал руку самому толстому человеку, какого мне в жизни доводилось видеть.

Вне всякого сомнения, девизом семьи Литтл было «разнообразие видов». Сколько я помню Бинго, он всегда был долговязым и тощим, кожа да кости. Зато его дядя сумел повысить среднестатистический вес членов семьи до уровня гораздо выше нормы. Когда мы обменялись рукопожатием, моя рука буквально утонула в его ладони, и я всерьез забеспокоился, удастся ли ее оттуда извлечь без специального водолазного снаряжения.

– Мистер Вустер – я счастлив… я польщен… большая честь…

Я понял, что Бинго – с какой-то тайной целью – расхвалил меня сверх всякой меры.

– Ну, что вы… – смутился я.

Толстяк отступил на шаг, по-прежнему не выпуская мою руку.

– Вы так молоды и уже столько успели сделать!

Я был совершенно сбит с толку. У нас в семье, это в первую очередь относится к тете Агате, которая жучит меня с самого рождения, принято считать, что я – полный ноль, впустую растративший жизнь, и что с тех пор, как в первом классе я получил приз за лучший гербарий полевых цветов, я не сделал ничего, чтобы вписать свое имя на скрижали славы. Вероятно, он

меня с кем-то спутал, решил я, но тут в холле зазвонил телефон, вошла горничная и сказала, что меня просят к аппарату. Я пошел, взял трубку и услышал голос Бинго.

– Привет, – сказал он. – Прибыл? Молодец! Я знал, что на тебя можно положиться. Послушай, старик, дядя очень тебе обрадовался?

– Просто без ума от счастья. Ничего не понимаю.

– Все идет как надо. Я звоню, чтобы тебе объяснить. Дело в том, старина, что я сказал ему, будто ты – автор книг, которые я ему читал. Ты ведь не против?

– Что?

– Я сказал, что Рози М. Бэнкс – твой литературный псевдоним, так как ты человек очень скромный и застенчивый и не хочешь, чтобы на обложке стояло твое имя. Теперь он тебя послушается. Будет внимать каждому твоему слову. Блестящая идея, верно? Думаю, даже сам Дживс не сумел бы придумать ничего лучше. Так что давай, дружище, поднажми хорошенько и, главное, помни, что он должен прибавить мне содержание. Когда я женюсь, я не смогу прожить на ту сумму, которую сейчас от него получаю. Если предполагается, что в финальных кадрах фильма я держу свою невесту в объятиях, содержание должно быть по крайней мере удвоено. В общем, ты все понял. Счастливо!

И он повесил трубку. В этот момент прозвучал гонг, и радушный хозяин затопал вниз по лестнице с таким грохотом, словно в подвал ссыпали тонну угля.

Вспоминая об этом обеде, я всегда испытываю чувство горечи и сожаления. Такой пир выпадает на долю простого смертного раз в жизни, а я оказался не в состоянии его по достоинству оценить. Подсознательно-то я понимал, что это выдающееся произведение кулинарного искусства, но так нервничал из-за положения, в которое попал по милости Бинго, что не мог прочувствовать его до конца – с таким же успехом я мог жевать осиновые опилки.

Старый Литтл с места в карьер залопотал о литературе.

– Мой племянник, вероятно, рассказывал вам, что я за последнее время прочел многие ваши книги, – начал он.

– Да, он об этом упоминал. Ну и… э-э-э… как вам мои опусы-покусы?

Он посмотрел на меня с нескрываемым благоговением.

– Должен признаться, мистер Вустер, когда племянник читал мне вслух ваши романы, слезы то и дело наворачивались мне на глаза. Я поражен, что такой молодой человек, как вы, сумел так глубоко проникнуть в самую суть человеческой природы, так умело играть на струнах сердца своих читателей, создать книги столь правдивые, столь трогательные и столь злободневные!

– Ничего особенного, у меня это врожденное…

Крупные капли пота катились у меня по лбу. В жизни не попадал в более идиотское положение.

– В столовой слишком жарко? – участливо спросил он.

– Нет-нет, что вы. Ничуть.

– Значит, дело в перце. Если есть изъян в искусстве моей поварихи – хотя я в этом сомневаюсь, – то это лишь склонность излишне педализировать перцовую ноту в мясных блюдах. Кстати, как вы находите ее кухню?

Я обрадовался, что разговор ушел от моего вклада в сокровищницу мировой литературы, и с воодушевлением воспел хвалу ее кулинарным талантам.

– Рад это слышать, мистер Вустер. Я, возможно, слишком пристрастен, но, по-моему, эта женщина – гений.

– Вне всякого сомнения!

– Она служит у меня семь лет и за все время ни на йоту не опускала планку высочайших кулинарных стандартов. Разве что однажды, зимой семнадцатого года, придирчивый гур-

ман мог бы упрекнуть ее в недостаточной воздушности соуса. Но тот случай особый. Тогда на Лондон было совершено несколько воздушных налетов, и они не на шутку напугали бедную женщину. Однако в этом мире за все удовольствия надо платить, мистер Вустер, и я в этом смысле – не исключение. Семь лет я жил в постоянном страхе, что кто-то переманит ее к себе на службу. Я знал, что она получала подобные предложения – и весьма щедрые предложения. Можете представить себе мое смятение, мистер Вустер, когда сегодня утром гром все-таки грянул. Она официально известила меня об уходе.

– О господи!

– Ваше участие лишний раз свидетельствует о выдающихся душевных качествах автора «Алой розы лета». Но я счастлив вам сообщить, что худшее позади. Дело только что улажено. Джейн остается.

– Молоток!

– Действительно, молоток – хотя я не знаком с этим выражением. Не помню, чтобы оно попадалось мне на страницах ваших произведений. Кстати, возвращаясь к книгам, должен признать, что наряду с пронзительной трогательностью повествования на меня огромное впечатление произвела ваша жизненная философия. Лондон весьма и весьма выиграл бы, мистер Вустер, если бы в этом городе жило побольше таких людей, как вы.

Это заявление полностью противоречило жизненной философии тети Агаты: она никогда не упускала возможности подчеркнуть, что именно из-за таких типов, как я, Лондон становится все менее и менее подходящим местом для жизни нормальных людей.

– Позвольте вам сказать, мистер Вустер, что я восхищен вашим полным пренебрежением пережитками одряхлевшего общественного строя. Да, восхищен! У вас достало широты взгляда заявить, что общественное положение – лишь штамп на золотом и что, если воспользоваться замечательными словами лорда Блетчмора из «Фабричной девчонки», «каким бы низким ни было происхождение женщины, если у нее доброе сердце – она ничем не хуже самой знатной дамы».

– Я рад. Вы действительно так считаете?

– Да, мистер Вустер. Стыдно признаться, но было время, когда я, подобно многим другим, был рабом идиотских предрассудков, придавал значение классовым различиям. Но с тех пор как прочел ваши книги…

Можно было не сомневаться. Это была очередная победа Дживса.

– Значит, вы не видите ничего предосудительного в том, что молодой человек, занимающий высокое общественное положение, женится на девушке, принадлежащей к так называемым «низшим классам»?

– Совершенно ничего предосудительного, мистер Вустер.

Я сделал глубокий вдох, чтобы сообщить ему радостную новость.

– Бинго – ну, знаете, ваш племянник – хочет жениться на официантке.

– Это делает ему честь, – сказал старый Литтл.

– Вы его не осуждаете?

– Наоборот, одобряю.

Я сделал еще один глубокий вдох и коснулся меркантильной стороны вопроса.

– Надеюсь, вы не сочтете, будто я лезу не в свое дело, но… э-э-э… как насчет… этого самого? – выговорил я.

– Боюсь, что не совсем вас понимаю.

– Ну, я имею в виду его содержание и все такое. В смысле денег, которые вы так любезно ему выплачиваете. Он рассчитывает, что вы ему немножко подкинете сверх прежней суммы.

Старый Литтл с видом глубокого сожаления отрицательно покачал головой:

– Увы, это невозможно. Видите ли, в моем положении приходится экономить каждый пенни. Я готов и впредь выплачивать племяннику прежнее содержание, но никак не смогу его увеличить. Это было бы несправедливым по отношению к моей жене.

– Жене? Но ведь вы не женаты!

– Пока нет. Но я рассчитываю сочетаться браком в самое ближайшее время. Женщина, которая в течение стольких лет так замечательно меня кормила, сегодня утром оказала мне честь и приняла мое предложение руки и сердца. – Его глаза торжествующе сверкнули. – Теперь пусть попробуют у меня ее отнять! – с вызовом произнес он.

– Молодой мистер Литтл несколько раз пытался связаться с вами по телефону, сэр, – сказал мне Дживс, когда вечером я вернулся домой.

– Ничего удивительного, – сказал я. Вскоре после обеда я отправил ему с посыльным записку, в которой изложил результаты переговоров.

– Мне показалось, он чем-то взволнован.

– Еще бы! Кстати, Дживс, призовите на помощь все ваше мужество, стисните зубы: боюсь, у меня для вас плохая новость. Этот ваш план, насчет чтения книжек старому Литтлу, дал осечку.

– Книги его не переубедили?

– В том-то и беда, что переубедили. Дживс, мне очень неприятно вам это говорить, но ваша невеста – мисс Уотсон, словом, эта повариха, – так вот, она, если выразиться кратко, предпочла богатство скромному достоинству, если только вы понимаете, что я имею в виду.

– Сэр?

– Она оставила вас с носом и выходит замуж за старого Литтла.

– В самом деле, сэр?

– Вы, я гляжу, не слишком расстроены.

– Честно говоря, сэр, я предвидел подобный поворот событий.

Я взглянул на него с удивлением.

– Тогда чего ради вы сами предложили этот план?

– Сказать по правде, сэр, я ничего не имею против разрыва дипломатических отношений с мисс Уотсон. Более того, я этого очень даже хочу. При всем бесконечном уважении, которое я питаю к мисс Уотсон, я давно понял, что мы не подходим друг другу. Так вот, другая юная особа, с которой у меня достигнуто взаимопонимание…

– Черт меня подери, Дживс! Так есть и другая?

– Да, сэр.

– И давно?

– Уже второй месяц, сэр. Она сразу же произвела на меня неизгладимое впечатление, когда мы познакомились на благотворительном балу в Камберуэлле.

– Чтоб мне провалиться! Но ведь это не…

Дживс многозначительно кивнул.

– Именно так, сэр. По странному совпадению, это та самая девушка, которую молодой мистер Литтл… Я положил сигареты на журнальный столик. Спокойной ночи, сэр.

Глава 3
Коварные замыслы тети Агаты

Другой на моем месте наверняка бы казнился и страдал после провала матримониальных планов Бинго. Я хочу сказать, будь у меня более тонкий душевный склад и возвышенная натура, я бы ужасно расстроился. А так, среди разных прочих забот, я особенно не огорчался. К тому же не прошло и недели после этого трагического события, как Бинго уже снова радостно бил копытом, точно дикая газель.

Никто так легко не оправляется после неудач, как Бинго. Его можно сбить с ног, но невозможно нокаутировать. Пока он увивается вокруг очередной пассии, он томится и вздыхает с полной отдачей. Но как только получает от ворот поворот и дама сердца просит его – в порядке личного одолжения – оставить ее в покое, он вскоре снова беззаботно насвистывает как ни в чем не бывало. Мне доводилось наблюдать это не раз и не два, так что можете мне поверить.

Так что я из-за Бинго особенно не расстраивался. Впрочем, если говорить честно, и ни по какому иному поводу. Да и вообще в то время настроение у меня было превосходное. Все шло как нельзя лучше. В трех забегах лошади, на которых я поставил приличные суммы, пришли к финишу первыми, вместо того чтобы присесть отдохнуть в середине дистанции, как обычно поступают четвероногие, когда я делаю на них ставки.

Добавлю к этому, что погода по-прежнему стояла наивысшего качества, мои новые носки были признаны широкой общественностью как «самое то», и, в довершение всего, тетя Агата укатила во Францию и по крайней мере в ближайшие полтора месяца не будет меня поучать и воспитывать. А те, кто знаком с тетей Агатой, согласятся со мной, что уже одно это – неописуемое счастье.

Вот почему, принимая утреннюю ванну, я вдруг с особой остротой ощутил, что в целом свете нет ничего, что могло бы испортить мне настроение, и, орудуя губкой, запел ну прямо как соловей. Мне казалось, что все положительно к лучшему в этом лучшем из миров.

Но вы замечали, что слишком хорошо в жизни долго не бывает? Только разомлеешь от блаженства и тут же получишь по шее. Не успел я вытереться, одеться и притопать в гостиную – как вот оно, началось: на каминной полке лежало письмо от тети Агаты.

– О господи, – простонал я, когда прочел его.

– Сэр? – переспросил Дживс. Он неслышно хлопотал по хозяйству в глубине комнаты.

– Это от тети Агаты, Дживс. От миссис Грегсон.

– Да, сэр.

– Вы бы не отзывались так равнодушно, если бы знали, что она пишет, – сказал я с горьким смехом. – Проклятие пало на наши головы, Дживс. Она хочет, чтобы я приехал к ней в… как бишь этот чертов курорт называется… в Ровиль-сюр-Мер. О господи!

– Полагаю, мне следует начать укладывать вещи, сэр?

– Боюсь, что так.

Очень трудно объяснить людям, незнакомым с тетей Агатой, каким образом ей удалось забрать надо мной такую власть. Я от нее не завишу ни в финансовом отношении, ни вообще. Но такой уж у нее характер. Еще когда я был совсем маленьким и позже, когда пошел в школу, тете стоило бровью повести, и я исполнял все, чего она требовала, и я до сих пор не вышел из-под гипноза. У нас в семье народ по преимуществу рослый, в тете Агате пять футов девять дюймов росту, крючковатый нос, волосы с сильной проседью – общее впечатление довольно внушительное. Как бы там ни было, мне даже в голову не пришло отказаться под каким-нибудь благовидным предлогом. Раз она сказала ехать в Ровиль, ничего другого не остается, как послать за билетами.

– Как вы думаете, в чем дело, Дживс? Зачем я ей понадобился?

– Затрудняюсь вам сказать, сэр.

Ну, да что там говорить. Мне оставалось лишь одно призрачное утешение, что-то вроде голубого проблеска между черными грозовыми тучами: в Ровиле я смогу продемонстрировать шелковый кушак, который купил полгода назад, да так ни разу и не решился надеть. Такой широкий, наподобие шарфа, его наматывают вокруг талии и носят вместо жилета. До сих пор я не смог набраться смелости, чтобы выйти в нем на люди, так как знал, что Дживс встанет на дыбы: кушак был довольно яркого малинового цвета. Но я надеялся, что в таком месте, как Ровиль, где веселье бьет ключом и царит свойственная французам joie de vivre[3], глядишь – как-нибудь и проскочит.

На следующее утро, получив положенную порцию качки на пароме и тряски в вагоне ночного поезда, я прибыл в Ровиль – довольно симпатичный городок, в котором джентльмен, не обремененный такой обузой, как тетка, мог бы славно скоротать недельку-другую. Он похож на большинство французских курортов – бесконечные пляжи, отели и казино. Гостиница, которой выпало несчастье попасться на глаза моей тете, называлась «Отель Де-Люкс», и к тому моменту, когда я туда прибыл, среди персонала не осталось ни одного человека, который бы не ощутил на себе ее присутствия. Я им сочувствовал. Я прекрасно знал, как тетя Агата ведет себя в гостиницах. К моему приезду основная воспитательная работа была завершена, и по тому, как все перед ней лебезили, я понял, что для начала она потребовала, чтобы ее перевели в другой номер, с окнами на юг, вскоре переехала в третий, потому что во втором скрипела дверца шкафа, потом без обиняков высказала все, что думает о здешних поварах, официантах, горничных и прочих. Теперь она прочно держала всю шайку под каблуком. Управляющий, здоровенный малый с густыми бакенбардами и бандитской физиономией, готов был вывернуться наизнанку, стоило ей на него взглянуть.

Столь полный триумф привел ее в состояние мрачного удовлетворения, и она встретила меня чуть ли не с материнской нежностью.

– Я так рада, что ты смог приехать, Берти, – сказала она. – Свежий воздух пойдет тебе на пользу. Хватит таскаться по прокуренным ночным клубам.

Я хмыкнул что-то неопределенное.

– И с людьми интересными познакомишься, – продолжала она. – Хочу представить тебя мисс Хемингуэй и ее брату, я с ними здесь очень подружилась. Уверена, что мисс Хемингуэй тебе понравится. Милая, кроткая девушка, не то что эти современные бойкие лондонские девицы. Ее брат – приходский священник в Чипли-ин-де-Глен в Дорсетшире. Он говорит, что они в родстве с кентскими Хемингуэями. Очень добропорядочная семья. А Алин – очаровательная девушка.

Я насторожился. Подобные дифирамбы были совсем не в духе тети Агаты: всему Лондону известно, что она имеет обыкновение поливать всех направо и налево. Я кое-что заподозрил. И, черт подери, оказался прав!

– Алин Хемингуэй – как раз такая девица, какую я хотела бы видеть твоей женой, Берти, – сказала тетя Агата. – Тебе пора жениться. Тогда, может быть, из тебя и получится что-то путное. Лучшей жены, чем милая Алин, я себе не представляю. Она будет оказывать на тебя хорошее влияние.

– Еще чего! – не выдержал я, похолодев при мысли о подобной перспективе.

– Берти! – прикрикнула тетя Агата, сбросив маску материнской нежности и смерив меня ледяным взглядом.

– Да, но…

– Такие молодые люди, как ты, Берти, приводят меня в отчаяние; и не только меня, а всех, кому небезразлично будущее рода человеческого. Ты погряз в праздности и себялюбии, ты

[3] Радость жизни *(фр.)*.

растрачиваешь жизнь попусту, вместо того чтобы прожить ее с пользой для себя и для других. Ты тратишь лучшие годы на сомнительные развлечения. Ты – антиобщественное животное, трутень. Берти, ты просто обязан жениться.

– Но, будь я проклят…

– Плодиться и размножаться – священный долг каждого…

– Ради бога, тетя, – сказал я и густо покраснел. Тетя Агата – член нескольких женских клубов и иногда забывается, думает, что она в клубной гостиной.

– Берти, – повысила голос тетя и уже собиралась как следует прочистить мне мозги, но ей помешали. – А, вот и они, – сказала тетя. – Алин, милая!

Я увидел девушку и молодого человека, подгребавших в нашу сторону с приторными улыбками на лицах.

– Хочу представить вам моего племянника, Берти Вустера, – сказала тетя Агата. – Он только что приехал. Решил сделать мне сюрприз. Я понятия не имела, что он собирается в Ровиль.

Я затравленно взглянул на парочку, чувствуя себя точно кот, попавший на псарню. Знаете, такое чувство, что тебя загнали в угол. Внутренний голос нашептывал мне, что Бертраму все это совершенно ни к чему.

Брат оказался кругленьким коротышкой с овечьим лицом. От него за версту веяло благостностью, он носил пенсне и пасторский воротничок – ну, такой, с застежкой сзади.

– Добро пожаловать в Ровиль, мистер Вустер, – сказал он.

– Ах, Сидней! – воскликнула девушка. – Ты не находишь, что мистер Вустер как две капли воды похож на каноника Бленкинсопа, который читал проповедь у нас в Чипли на прошлую Пасху?

– В самом деле! Просто поразительное сходство!

Они вытаращили на меня глаза, словно я был диковинным экспонатом за музейной витриной, а я, в свою очередь, уставился на них и разглядел барышню во всех деталях. Вне всякого сомнения, она разительно отличалась от тех представительниц слабого пола, которых тетя Агата назвала современными бойкими лондонскими девицами. Никаких тебе коротких стрижек и сигарет. Мне в жизни не приходилось встречать столь благопристойной – не могу подобрать иного слова – внешности. Простое платье, волосы гладко зачесаны, выражение лица кроткое, почти ангельское. Я не претендую на лавры Шерлока Холмса, но как только я ее увидел, я тотчас сказал себе: «Эта барышня играет на органе в сельской церкви».

Мы вдоволь попялились друг на дружку, пощебетали о том о сем, и я слинял. Но перед этим вынужден был пообещать после обеда прокатиться на автомобиле вместе с девицей и ее братцем. И мысль о предстоящей прогулке нагнала на меня такую тоску, что я решил хоть как-то поднять настроение. Я отправился в номер, достал из чемодана шелковый кушак и обмотал его вокруг талии. Когда я повернулся, Дживс шарахнулся от меня, точно дикий мустанг от грузового автомобиля.

– Прошу прощения, сэр, – сказал он, отчего-то понизив голос до шепота. – Вы ведь не собираетесь появиться на людях в таком виде?

– Вы это про кушак? – спросил я непринужденным благодушным тоном, делая вид, что не замечаю застывшего на его лице ужаса. – Да, думаю пройтись.

– Я бы вам не советовал этого делать, сэр, ни в коем случае не советовал.

– А что такое?

– Непозволительно кричащий цвет, сэр, слишком бросается в глаза.

На этот раз я отважился дать Дживсу отпор. Никто лучше меня не знает, что он – гений и все такое, но, черт побери, мне надоело вечно зависеть от чужого мнения. Нельзя быть рабом своего слуги. Кроме того, у меня было ужасное настроение, и кушак – единственное, что могло меня хоть немного утешить.

– Знаете, что я вам скажу, Дживс, – сказал я. – Ваша беда в том, что вы замкнулись на ограниченном пространстве Британского архипелага. Мы не на Пикадилли. На французском курорте требуется немного яркости и романтики. Не далее как сегодня утром я встретил в вестибюле джентльмена в костюме из желтого вельвета.

– И тем не менее, сэр…

– Дживс, – твердо сказал я. – Я так решил. У меня сегодня тоскливо на душе, мне нужно взбодриться. И вообще, чем это плохо? Мне кажется, этот кушак сюда так и просится. Он придает костюму испанский колорит. Этакий идальго Висенте-и-Бласко-и-как-то-там-еще. Молодой испанский гранд направляется на бой быков.

– Хорошо, сэр, – холодно ответил Дживс.

Терпеть не могу такие сцены. Если меня что-то может по-настоящему огорчить, так это размолвки в собственном доме; я чувствовал, что какое-то время мы с Дживсом будем в натянутых отношениях. Мало мне жуткой затеи тети Агаты насчет Алин Хемингуэй, теперь еще это – признаюсь, у меня возникло горькое чувство, что никто на свете меня не любит.

Автомобильная прогулка получилась – как я и ожидал – из рук вон. Пастор трещал без умолку ни о чем, девица любовалась пейзажем, а у меня от всего этого началась мигрень, зародившаяся в левой пятке и разыгрывавшаяся все сильнее по мере продвижения вверх. Я проковылял в свой номер, чтобы переодеться к ужину, чувствуя себя как лягушка, по которой прошлась борона. Если бы не стычка из-за кушака, я мог бы поплакаться Дживсу в жилетку и излить свои горести. Я все-таки не мог в одиночку пережить свалившиеся на мою голову несчастья.

– Послушайте, Дживс! – не выдержал я.

– Сэр?

– Плесните мне бренди с содовой, только покрепче.

– Да, сэр.

– Покрепче, Дживс. Поменьше содовой, побольше бренди.

– Хорошо, сэр.

Промочив горло, я почувствовал себя чуточку веселее.

– Дживс, – позвал я.

– Сэр?

– По-моему, я здорово влип, Дживс.

– В самом деле, сэр?

Я пристально на него взглянул. Вид у него был чертовски неприступный. Все еще дуется на меня.

– Вляпался по самые уши, – сказал я, сунув в карман врожденную гордость Вустеров и взывая к его дружеским чувствам. – Вы обратили внимание на барышню, которая здесь крутилась со своим братом пастором?

– Мисс Хемингуэй? Да, сэр.

– Тетя Агата хочет, чтобы я на ней женился.

– В самом деле, сэр?

– Ну, что будем делать?

– Сэр?

– Я имею в виду – вы можете что-нибудь предложить?

– Нет, сэр.

Жуткий тип – говорил так холодно и недружелюбно, что мне осталось только стиснуть зубы и изобразить полнейшее безразличие.

– Ну что ж… ладно… Тра-ла-ла-ла!

– Вот именно, сэр, – подтвердил Дживс.

Только, как говорится, и всего.

Глава 4
Жемчуг – к слезам

Давным-давно, скорее всего еще в школе – теперь-то я этими делами не особенно увлекаюсь, – я прочел одно стихотворение про что-то там такое, и там были, помнится, строки насчет того, как «все явственней тень мрачная тюрьмы сгущалась над невинной головой». Это я к тому, что на протяжении последующих двух недель нечто похожее наблюдалось и над головой вашего покорного слуги. Уже слышался, день ото дня все громче, звон свадебных колоколов, и разрази меня гром, если я представлял себе, как из этого выпутаться.

Дживс, понятное дело, сразу бы выложил с десяток гениальных планов, но он по-прежнему держался холодно и отчужденно, и у меня не хватало духу обратиться к нему за помощью. Ведь он же прекрасно видел, что молодой хозяин угодил в переделку, и если ему этого мало, чтобы закрыть глаза на малиновый кушак вокруг талии, значит, былой феодальный дух угас в его груди, и тут уж ничего не поделаешь.

Просто поразительно, до чего эти Хемингуэи ко мне прониклись! Я никогда не утверждал, что обладаю способностью располагать к себе людей, а большинство моих знакомых считают, что я законченный осел, но факт остается фактом: у этой барышни и ее братца я шел «на ура». Без меня они чувствовали себя несчастными. Я теперь и шагу не мог ступить без того, чтобы кто-то из них тотчас не появился бог весть откуда и не вцепился в меня, как репей. Дело дошло до того, что я начал прятаться в своем номере, чтобы хоть ненадолго от них передохнуть. Я занимал на третьем этаже вполне приличный люкс с видом на набережную.

Как-то вечером я укрылся в номере и в первый раз за день ощутил, что жизнь, в конце концов, не такая уж скверная штука. Сразу после обеда тетя Агата отправила меня с барышней Хемингуэй на прогулку, и я не мог избавиться от прилипчивой девицы до самого вечера. И вот сейчас, глядя из окна на залитую вечерними огнями набережную и толпу людей, беззаботно спешащих в рестораны, или в казино, или еще бог знает куда, я испытал чувство щемящей зависти. Как здорово я мог бы здесь провести время, если бы не тетя Агата и ее занудные приятели.

Я тяжело вздохнул, и в этот момент раздался стук в дверь.

– Кто-то стучит, Дживс, – сказал я.

– Да, сэр.

Он отворил дверь, и я увидел Алин Хемингуэй и ее брата. Этого еще не хватало! Я искренне надеялся, что заслужил на сегодня право на отдых.

– А, привет, – сказал я.

– Ах, мистер Вустер, – сказала девушка срывающимся от волнения голосом. – Просто не знаю, с чего начать.

Тут только я заметил, что вид у нее совершенно потерянный, а что касается ее братца, то он похож на овцу, которую терзают невыразимые душевные муки.

Я поднялся и приготовился внимательно слушать. Я понял, что они пришли не просто поболтать – видимо, стряслось нечто из ряда вон выходящее. Хотя непонятно, почему они с этим делом обращаются ко мне.

– Что случилось? – спросил я.

– Бедный Сидней! Это я во всем виновата, мне не следовало оставлять его без присмотра, – пролепетала Алин. Видно, что взвинчена до чертиков.

Тут ее братец, который не проронил ни звука после того, как сбросил с себя мятое пальто и положил на стул шляпу, жалобно кашлянул, как овца, застигнутая туманом на вершине горы.

– Дело в том, мистер Вустер, – сказал он, – что, к величайшему сожалению, со мной произошла весьма прискорбная история. Сегодня днем, когда вы столь любезно вызвались сопро-

вождать мою сестру во время прогулки, я, не зная, чем себя занять, поддался искушению и – к несчастью – зашел в казино.

Впервые с момента нашего знакомства я почувствовал к нему что-то вроде симпатии. Оказывается, в его жилах течет кровь спортсмена; выходит, что и ему не чужды человеческие страсти. Жаль, что я не знал об этом раньше, мы могли бы гораздо веселей проводить время.

– Ну и как, – сказал я, – сорвали банк?

Он тяжело вздохнул.

– Если вы хотите спросить, была ли моя игра успешной, я вынужден дать вам отрицательный ответ. Я ошибочно посчитал, что раз выигрыш уже выпал на красное не меньше семи раз подряд, дальше должна прийти очередь черного. Я ошибся и потерял все то немногое, что у меня было, мистер Вустер.

– Да, не повезло, – сказал я.

– Я вышел из казино, – продолжал он, – и вернулся в гостиницу. Там я встретил одного из моих прихожан, полковника Масгрейва, который по воле случая приехал сюда в отпуск. Я убедил его дать мне сто фунтов и выписал на его имя чек для предъявления в одном из лондонских банков, где у меня открыт счет на скромную сумму.

– Выходит, все не так уж плохо. – Я призвал его взглянуть на вещи с приятной стороны. – Хочу сказать, вам здорово повезло: не так-то просто с первой попытки найти желающего раскошелиться.

– Наоборот, мистер Вустер, это лишь усугубило мое положение. Мне очень стыдно в этом признаться, но я тотчас вернулся в казино и проиграл все сто фунтов: на этот раз я ошибочно предполагал, что на красное должна, как выражаются игроки, «пойти полоса».

– Ну и ну, – сказал я. – Ничего себе – скоротали вечерок!

– И самое ужасное, – заключил он, – это то, что на моем банковском счете нет достаточных средств, и мой чек, предъявленный полковником, оплачен не будет.

К этому моменту я уже понял, что он собирается обратиться ко мне с просьбой, которая вряд ли меня обрадует; но тем не менее я невольно испытал к нему теплое чувство. Я слушал его со все возрастающим интересом и восхищением. Никогда еще мне не доводилось встречать младших приходских священников, готовых так легко пуститься во все тяжкие. Хоть он и неказист с виду, но, похоже, парень хоть куда, жаль, что я не имел возможности узнать об этом раньше.

– Полковник Масгрейв, – продолжал он срывающимся голосом, – не из тех, кто посмотрит на это сквозь пальцы. Он человек суровый. Он все расскажет нашему первому приходскому священнику. А тот – тоже суровый человек. Короче говоря, мистер Вустер, если полковник Масгрейв предъявит этот чек в банк – я погиб. А он отправляется в Англию сегодня вечером.

Как только он смолк, вступила девица, которая все это время, пока ее братец изливал мне душу, судорожно вздыхала и кусала скомканный носовой платочек.

– Мистер Вустер, – воскликнула она, – умоляю вас, спасите! О, скажите, что вы нас спасете! Нам нужны деньги, чтобы получить обратно чек у полковника Масгрейва до девяти вечера – он уезжает на поезде девять двадцать. Я чуть с ума не сошла, ломая себе голову, как нам быть, и тут вспомнила, что вы всегда были к нам так добры. Мистер Вустер, одолжите Сиднею эту сумму и возьмите вот это в качестве залога. – И прежде чем я успел возразить, она достала из сумочки прямоугольный футляр. – Это мое жемчужное ожерелье, – сказала она. – Я не знаю, сколько оно стоит – это подарок моего бедного отца…

– Ныне, увы, покойного… – вставил ее брат.

– … но я уверена, что его стоимость намного превосходит сумму, которую мы у вас просим.

Чертовски неловко. Я почувствовал себя ростовщиком. Как будто ко мне пришли заложить часы.

– Нет, что вы, зачем это, – запротестовал я. – Не нужно никакого залога, что за вздор. С удовольствием одолжу вам эти деньги. Они у меня, кстати, с собой. Как нарочно снял сегодня со счета немного наличных.

И я извлек из бумажника сотню и протянул брату. Но тот отрицательно покачал головой.

– Мистер Вустер, – сказал он. – Мы глубоко признательны вам за вашу щедрость; мы польщены и тронуты вашим доверием, но не можем согласиться с таким предложением.

– Сидней хочет сказать, – пояснила девушка, – что вы ведь, если разобраться, ничего о нас не знаете. Вы не должны рисковать такими деньгами, ссужая их без залога фактически незнакомым людям. Если бы я не была уверена, что вы отнесетесь к нашему предложению как деловой человек, я бы ни за что не осмелилась к вам обратиться.

– Как вы прекрасно понимаете, нам претит мысль о том, чтобы отнести жемчуг в ломбард, – сказал брат.

– Если бы вы согласились дать нам расписку – просто для порядка…

– Конечно, разумеется…

Я написал расписку и положил на стол рядом с деньгами, чувствуя себя круглым идиотом.

– Вот, пожалуйста, – сказал я.

Девушка взяла расписку, спрятала ее в сумочку, передала деньги брату и, прежде чем я понял, что происходит, бросилась ко мне, поцеловала и выбежала прочь из комнаты.

Признаюсь, я просто обалдел. Это было так внезапно и неожиданно. Я хочу сказать – такая девушка… Тихая, скромная и все такое – не из тех, которые целуют посторонних мужчин направо и налево. Словно в тумане я увидел, как из-за кулис появился Дживс и подал брату пальто; помню, я еще подумал про себя: «Что на свете могло бы заставить меня напялить на себя подобный балахон, больше всего похожий на мешок из-под муки?» Тут он подошел ко мне и горячо сжал мою руку.

– Не знаю, как вас благодарить, мистер Вустер!

– Ну что вы, какие пустяки.

– Вы спасли мое доброе имя. Доброе имя мужчины или женщины – наидрагоценнейший перл душ человеческих, – сказал он, со страстью разминая мою верхнюю конечность. – Тот, кто похитит у меня деньги, похитит безделицу. Они были моими, теперь они служат ему, как уже прежде рабски служили тысячам других. Но тот, кто похитит мое доброе имя, отнимет у меня то, что его не обогатит, а меня оставит самым жалким бедняком. Я от всего сердца благодарю вас. До свидания, мистер Вустер.

– До свидания, старина, – сказал я.

Когда дверь за ним закрылась, я повернулся к Дживсу.

– Грустная история, Дживс, – сказал я.

– Да, сэр.

– Хорошо, что у меня деньги оказались под рукой.

– Ну… э-э-э… да, сэр.

– Вы говорите так, словно вам что-то не нравится.

– Мне не подобает критиковать ваши действия, сэр, но все же возьму на себя смелость утверждать, что вы поступили опрометчиво.

– Одолжив им эти деньги?

– Да, сэр. Эти модные французские курорты так и кишат мошенниками.

Ну, это уже было слишком.

– Знаете, что я вам скажу, Дживс, – не выдержал я. – Я многое готов стерпеть, но когда вы выступаете с ин… с иней… – черт, все время забываю это слово, – одним словом, возводите напраслину на представителя духовенства…

– Возможно, я чересчур подозрителен, сэр. Но я достаточно повидал этих курортов. Когда я был на службе у лорда Фредерика Рейнила, незадолго до того, как поступить к вам, его

светлость очень ловко обманул в Монте-Карло мошенник, известный под кличкой Святоша Сид, завязавший с ним знакомство при помощи сообщницы. Я хорошо помню, как в тот день…

– Извините, что прерываю вечер воспоминаний, Дживс, – холодно сказал я, – но в данном случае вы городите чушь. Что может быть подозрительного в такой сделке? Ведь они же оставили мне жемчуг в залог, верно? Так что впредь думайте, что говорите. Вы бы лучше спустились вниз и спрятали ожерелье в сейф отеля. – Я открыл футляр, чтобы еще раз взглянуть на жемчуг. – О господи!

Футляр был пуст!

– Черт меня побери! – не в силах поверить своим глазам, воскликнул я. – Да ведь это грабеж средь бела дня!

– Совершенно верно, сэр. Именно так был обманут лорд Фредерик в тот день, о котором я только что вам рассказывал. Когда сообщница в знак благодарности обняла его светлость, Святоша Сид подменил футляр с жемчугом на точно такой, но пустой футляр и скрылся вместе с ожерельем, деньгами и распиской. На основании расписки он потом потребовал, чтобы его светлость вернул жемчуг, и его светлость, не имея возможности это сделать, был вынужден заплатить ему значительную сумму в качестве компенсации. Это очень простой, но действенный прием.

И тут меня осенило.

– Святоша Сид? Сид! Сидней! Братец Сидней! Разрази меня гром! Так вы полагаете, Дживс, что этот пастор – Святоша Сид?

– Да, сэр.

– Просто невероятно! Этот воротничок с застежкой сзади и все такое – он бы и епископа ввел в заблуждение. Так вы уверены, что это Святоша Сид?

– Да, сэр. Я узнал его, как только он вошел в комнату.

У меня глаза на лоб полезли от удивления.

– Вы его узнали?

– Да, сэр.

– Но тогда какого дьявола, – воскликнул я в сильном волнении, – какого дьявола вы меня не предупредили?

– Я решил избавить вас от неприятной сцены и просто извлек футляр с жемчугом из кармана этого господина, когда подавал ему пальто, сэр. Вот он.

Он положил футляр на стол рядом с первым, и, готов поклясться, они были похожи как две капли воды. Я раскрыл футляр, и – вот оно, это дивное ожерелье, казалось, оно приветливо улыбается мне каждой своей жемчужиной. Я растерянно посмотрел на Дживса. У меня голова шла кругом.

– Дживс, – произнес наконец я. – Вы – гений.

– Да, сэр.

Только теперь я почувствовал теплые волны облегчения. Если бы не Дживс, пришлось бы выложить несколько тысяч, не меньше.

– Вы спасли от разорения наш домашний очаг, Дживс. Думаю, даже такой наглец, как Сид, закованный в носорожью броню бесстыдства, не осмелится потребовать, чтобы я вернул ему жемчуг.

– Несомненно, сэр.

– Ну что ж… Послушайте, а вдруг он фальшивый?

– Нет, сэр. Это настоящий жемчуг, и притом очень ценный.

– Выходит, я остался в выигрыше. Да еще в каком! Пусть я потерял сотню фунтов, зато приобрел прекрасную нитку жемчуга. Ведь так, верно?

– Боюсь, что нет, сэр. Думаю, вам придется вернуть ожерелье.

– Что? Сиду? Я пока что в своем уме!

– Вы меня не поняли, сэр. Я имел в виду – вернуть жемчуг законному владельцу.

– А кто его законный владелец?

– Миссис Грегсон, сэр.

– Как? С чего вы взяли?

– Вот уже час, как вся гостиница знает, что у миссис Грегсон пропало жемчужное ожерелье. Незадолго до вашего прихода я разговаривал с горничной миссис Грегсон, и она сказала мне, что управляющий гостиницы находится в апартаментах миссис Грегсон.

– Представляю, как ему там сейчас весело.

– Вполне разделяю ваши опасения, сэр.

Постепенно до меня стала доходить суть случившегося.

– Значит, я сейчас пойду и верну ей жемчуг, так? Это изменит счет в мою пользу.

– Совершенно верно, сэр. И если вы позволите дать вам совет, мне представляется нелишним подчеркнуть то обстоятельство, что жемчуг был украден…

– Великий боже! Этой чертовой девицей, на которой тетя пыталась меня женить, будь я проклят!

– Именно так, сэр.

– Дживс, это будет самое сокрушительное поражение, какое когда-либо, за всю историю человечества, пришлось испытать моей дражайшей родственнице.

– Вполне возможно, что так, сэр.

– Может, поутихнет немного, а? Перестанет важничать и смотреть на меня сверху вниз?

– У вас есть все основания на это рассчитывать, сэр.

Я с радостным воплем вылетел из комнаты.

Уже на подступах к берлоге тети Агаты я понял, что веселье в полном разгаре. Какие-то типы в униформе и стаи перепуганных горничных околачивались в коридоре, а за стеной был слышен нестройный гул голосов, перекрываемый зычным контральто тети Агаты. Я постучался, но никто не обратил на мой стук никакого внимания, поэтому я просочился в номер. Среди присутствующих я разглядел бьющуюся в истерике горничную, тетю Агату с грозно взъерошенными волосами и типа с бакенбардами, похожего на бандита, – управляющего гостиницы.

– Привет, – сказал я. – Всем-всем привет.

Тетя Агата сердито на меня шикнула. Бертрам у нее не удостоился приветливой улыбки.

– Ради бога, оставь меня в покое, Берти, – отмахнулась она, и по ее взгляду я понял, что мой приход – последняя капля, переполнившая чашу.

– Что-то случилось?

– Да, да, да! У меня пропал жемчуг!

– Жемчуг? Вы говорите – жемчуг? – сказал я. – Ну да? Неприятная история. А где вы в последний раз его видели?

– Какая разница, где я в последний раз его видела? Его украли.

Тут Уилфред – Король Бакенбардов, который, как видно, отдыхал в перерыве между раундами, снова выскочил на ринг и быстро-быстро залопотал по-французски. Видно, эта история задела его за живое. В углу безутешно рыдала горничная.

– Вы уверены, что везде смотрели? – спросил я.

– Ну конечно, уверена.

– Знаете, как это бывает – я, например, сто раз терял запонку для воротничка, а потом…

– Не своди меня с ума, Берти. У меня и без твоих глупостей голова идет кругом. Помолчи, пожалуйста. Замолчите все! – гаркнула она голосом, которому позавидовал бы старший сержант морской пехоты; такой голос был, вероятно, у той Мэри, которой приходилось скликать домой стадо, пасущееся на другом берегу реки Ди. И, повинуясь мощному магнетическому

импульсу, излучаемому ее стальной волей, Уилфред тотчас замолк, словно на полном скаку налетел на кирпичную стену. Слышны были лишь стенания горничной.

– Послушайте, – сказал я. – У меня впечатление, что эта девушка чем-то расстроена. Мне кажется, она плачет. Вы, возможно, этого не заметили, но я, знаете ли, очень наблюдателен.

– Она украла мой жемчуг! Я абсолютно уверена.

Ее слова вывели из комы управляющего, но тетя Агата с ледяным спокойствием прервала лопотание француза и протянула тоном великосветской дамы, которым она привыкла отчитывать нерадивых официантов:

– Я вам в сотый раз повторяю, любезнейший…

– Послушайте, – сказал я, – неловко прерывать вас, вы уж простите, но вы не это ищете?

Я достал из кармана ожерелье и поднял его над головой.

– Похоже на жемчуг, верно?

В жизни не испытывал такого удовольствия. О таких мгновениях рассказывают внукам и правнукам; впрочем, в тот миг шансы, что у меня когда-нибудь появятся внуки и правнуки, казались весьма низкими – примерно один против ста. Из тети Агаты словно выпустили воздух, как из продырявленного воздушного шарика.

– Но где… где… где ты его… – забулькала она.

– У вашей приятельницы, мисс Хемингуэй.

Но она еще не усекла.

– У мисс Хемингуэй? Мисс Хемингуэй?! Но… Но как оно к ней попало?

– Как? – повторил я. – Она его украла. Стащила! Слямзила! Потому что она воровка и именно так зарабатывает на жизнь – знакомится с простаками в гостиницах и похищает их драгоценности. Я не знаю, под какой кличкой она прославилась в воровском мире, но ее прелестный братец, который носит пасторский воротничок с застежкой сзади, известен в криминальных кругах как Святоша Сид.

Она растерянно захлопала глазами.

– Мисс Хемингуэй – воровка! Я… Я… – Она запнулась и взглянула на меня в полном недоумении. – Но как тебе удалось вернуть жемчуг, дорогой Берти?

– Не важно, – небрежно бросил я. – У меня свои методы.

Я собрал в кулак все отпущенное мне Богом мужество, прошептал про себя краткую молитву и вмазал ей, что называется, от души и по первому разряду.

– Должен вам сказать, тетя Агата, – сурово произнес я, – что вы вели себя чертовски неосмотрительно. В каждой комнате отеля висит объявление, что у управляющего имеется сейф, куда следует помещать ювелирные украшения и прочие ценности, но вы легкомысленно пренебрегли этим советом. И к чему это привело? Первая же воровка, появившаяся в отеле, вошла в номер и украла ваш жемчуг. А вы, вместо того чтобы признать свою вину, набросились на ни в чем не повинного управляющего. Вы были к нему страшно несправедливы.

– Да-да, – простонал бедняга.

– А эта несчастная девушка? Ей бы надо возбудить дело о… ну, вы понимаете, о чем… и содрать с вас изрядную сумму.

– Mais oui, mais oui, c'est trop fort![4] – поддержал меня разбойник с бакенбардами, а в глазах горничной мелькнула надежда, словно первый робкий луч солнца сквозь грозовые тучи.

– Я ей возмещу, – окончательно сдалась тетя Агата.

– И лучше это сделать немедленно. Если дело дойдет до суда, у вас нет никаких шансов, и на ее месте я потребовал бы двадцать монет, не меньше. Но это еще не все: вы бросили тень на доброе имя этого честного человека и пытались подорвать репутацию его гостиницы.

[4] Да-да, это просто неслыханно! *(фр.)*

– Да, черт дери! Это очень плохой! – закричал бакенбардист. – Вы легкомысленная старый дама. Вы говориль дурно про моей отель. Завтра вы съезжать из моей отель, разрази меня молний!

И много еще чего в том же духе, прямо сердце радовалось его слушать. Наконец, вдоволь отведя душу, он ушел и увел с собой горничную, в ладошке которой была крепко зажата хрустящая десятка. Я думаю, они с предводителем разбойников потом ее поделили. Ни один управляющий французского отеля не в состоянии спокойно смотреть, как деньги плывут мимо него в чужой карман.

Я повернулся к тете Агате. Вид у нее был такой, словно на нее сзади налетел курьерский поезд, когда она мирно собирала на рельсах ромашки.

– Мне не хочется сыпать вам соль на раны, тетя Агата, – ледяным тоном сказал я, – но не могу не отметить, что ожерелье украла та самая особа, на которой вы пытались меня женить с самого первого дня моего приезда. Боже милостивый! Ведь если бы вам удалось настоять на своем, у меня могли бы родиться дети, способные стащить часы из жилетного кармана у родного отца, пока он качает их на коленях. Я не злопамятный, но, надеюсь, вы теперь, если вздумаете меня женить, подойдете к делу с большей осмотрительностью.

И, бросив на нее уничтожающий взгляд, я резко повернулся и вышел из номера.

– «Часы бьют десять, ночь ясна, жизнь прекрасна», Дживс, – сказал я, снова оказавшись в моем милом уютном номере.

– Мне доставляет большое удовольствие это слышать, сэр.

– Я думаю, Дживс, двадцать монет вам не помешают…

– Благодарю вас, сэр.

Мы помолчали. Потом… это решение далось мне не без труда, но я заставил себя это сделать. Я размотал кушак и протянул его Дживсу.

– Вы хотите, чтобы я его выгладил, сэр?

Я в последний раз с горечью взглянул на малиновую ленту. Эта вещь была мне очень дорога.

– Нет, – сказал я. – Заберите его совсем – можете отдать нуждающимся и малоимущим. Я его больше никогда не надену.

– Большое спасибо, сэр, – сказал Дживс.

Глава 5
Удар по самолюбию Вустеров

Все, что мне нужно для счастья, – это спокойная жизнь. Я не из тех, кто места себе не находит или впадает в уныние, если за день с ним не приключится чего-то необыкновенного. По мне – чем тише, тем лучше. Регулярное питание, время от времени хороший мюзикл да пара-тройка закадычных приятелей для совместных выходов – о большем я не прошу.

Вот почему это событие, нарушившее мерное течение моей жизни, так неприятно на меня подействовало. Смотрите сами. Я вернулся из Ровиля с уверенностью, что отныне ничто не нарушит мой покой.

Тете Агате, думал я тогда, потребуется не меньше года, чтобы оправиться после провала с Хемингуэями, а кроме тети Агаты, досаждать мне некому. Словом, будущее рисовалось мне безоблачным и небеса голубыми.

Я и не предполагал, что… Впрочем, послушайте, что случилось, и скажите: о какой спокойной жизни может после этого идти речь?

Раз в год Дживс берет отпуск и сваливает на пару недель на море или еще куда-нибудь, для восстановления угасших сил. Мне, конечно, нелегко обходиться без Дживса. Но приходится терпеть, и я терплю; к тому же он обычно подбирает какого-нибудь приличного малого, чтобы тот заботился обо мне в его отсутствие.

Вот в очередной раз подошло время отпуска, и Дживс на кухне давал руководящие указания своему дублеру. Мне понадобилась почтовая марка, и я вышел из комнаты, чтобы попросить у Дживса. Дверь на кухню он сдуру оставил открытой, и я еще в коридоре, к ужасу своему, услышал, как он говорит:

– Вам понравится мистер Вустер. Весьма приятный и любезный молодой джентльмен, но вот что касается ума… Умом он не отличается, его интеллектуальные ресурсы весьма незначительны.

Ну, что вы на это скажете?

Строго говоря, я, наверное, должен был бы ворваться на кухню и в недвусмысленных выражениях отчитать наглеца. Но, боюсь, не родился еще человек, который способен в недвусмысленных выражениях поставить на место Дживса. Я лично даже и не пытался. Я подчеркнуто холодно попросил подать мне шляпу и трость и выкатился на улицу. Но слова его занозой засели в памяти. Мы, Вустеры, не из забывчивых. Вернее, мы легко забываем назначенные встречи, дни рождения; забываем отправить письма и все такое, но не такие вопиющие оскорбления.

Я шел мрачный до чертиков и в таком подавленном состоянии завернул в бар пропустить рюмку для бодрости. В тот момент мне просто необходимо было укрепить дух глотком спиртного: мне предстоял обед с тетей Агатой. Тяжкое испытание, можете мне поверить, даже если – как полагал я – после Ровиля она будет тише воды ниже травы. Я залпом осушил первую рюмку, не спеша просмаковал вторую и почувствовал, как настроение у меня поднялось, насколько это возможно в данных обстоятельствах. Вдруг из-за угла меня кто-то окликнул, и, обернувшись, я увидел Бинго Литтла, уплетавшего здоровенный бутерброд с сыром.

– Привет, – сказал я. – Сколько лет, сколько зим! Где это ты пропадал?

– Меня не было в Лондоне, я жил за городом.

– За городом? – удивился я: всем известно, что Бинго не большой охотник до прелестей сельской жизни. – Это где же?

– В Хемпшире, в местечке под названием Диттеридж.

– Что ты говоришь! У моих знакомых дом в этих местах. Глоссопы. Ты с ними не знаком?

– Я как раз у них и живу, – сказал Бинго. – В качестве гувернера юного Глоссопа.

– Чего ради? – спросил я. Не представляю себе Бинго в роли учителя. Хотя, с другой стороны, у него худо-бедно оксфордский диплом, так что кого-то он на короткое время может одурачить.

– Чего ради? Ради денег, разумеется! Представляешь, стопроцентный верняк накрылся во втором заезде в Хейдок-Парке, – с горечью сказал Бинго, – а с ним вместе и все мое содержание за месяц вперед. У меня духу не хватило просить у дяди, так что пришлось обзванивать агентства по найму и искать работу. Я пашу у Глоссопов уже три недели.

– Я не знаком с юным Глоссопом.

– Твое счастье, – буркнул Бинго.

– Из всей семьи я хорошо знаю только дочь. – Едва я произнес эти слова, как лицо Бинго чудесным образом преобразилось. Он вспыхнул, как маков цвет, глаза едва не вывалились из орбит, а кадык запрыгал, словно каучуковый шарик на фонтанчике в тире.

– О, Берти! – сдавленным голосом простонал он.

Я не на шутку испугался. Я знал, что он постоянно в кого-нибудь да влюбляется, но влюбиться в Гонорию Глоссоп, на это, по моим понятиям, был не способен даже он. На мой вкус, эта девица – чистая отрава. Этакая здоровенная, жутко интеллектуальная, энергичная особа – теперь таких девиц развелось в Англии видимо-невидимо. Она окончила Гертон, где не только развила свой мозг до кошмарных размеров, но и занималась всеми возможными видами спорта, в результате чего достигла физической формы профессионального борца средней весовой категории. Не удивлюсь, если окажется, что она выступала за университетскую команду по боксу. Едва она появляется на горизонте, мне хочется спуститься в подвал и затаиться до отбоя воздушной тревоги.

Тем не менее Бинго явно от нее без ума. Ясно как день. В глазах его сияло пламя Великой Любви.

– Я боготворю ее, Берти! Я благословляю землю, по которой она ступает, – громовым голосом затрубил несчастный; уверен, что его было слышно на другом конце зала. В бар только что зашел Фред Томпсон, потом еще пара знакомых, а Мак-Гарри – парень за стойкой – и вовсе слушал, разинув рот и развесив уши. Но не в привычках Бинго скрывать свои чувства. Точь-в-точь герой оперетты, который, выйдя на середину сцены, собирает в кружок приятелей и во всю глотку распевает о своей любви.

– Ты ей уже об этом сказал?

– Нет, у меня не хватает духу. Мы каждый вечер гуляем вместе по парку, и когда она смотрит на меня… Знаешь, она похожа…

– На сержанта морской пехоты.

– Ничего подобного! На юную богиню.

– Одну секунду, старина, – сказал я. – Ты уверен, что мы говорим об одной и той же мисс Глоссоп? Ту, которую я имею в виду, зовут Гонория. Может быть, у нее есть сестра, о которой я не слышал?

– Ее имя действительно Гонория, – с дрожью благоговения в голосе подтвердил Бинго.

– И, на твой взгляд, она похожа на юную богиню?

– Похожа.

– Благослови тебя Бог! – сказал я.

– «Она идет во всей красе. Светла, как ночь ее страны. Вся глубь небес и звезды все в ее очах заключены». Еще один бутерброд с сыром, – сказал он бармену.

– Я гляжу, отсутствием аппетита ты не страдаешь!

– Это мой обед. В час пятьдесят должен встретить Освальда на вокзале Ватерлоо, чтобы успеть на обратный поезд. Я возил его к зубному врачу.

– Освальд? Это что – юный Глоссоп?

– Да. Поганец порядочный.

– Поганец? Кстати, я же сегодня обедаю с тетей Агатой. Извини, я поскакал, а не то опоздаю.

Я не виделся с тетей Агатой после той самой истории с жемчугом; и хотя и не предвкушал особого удовольствия от совместного пережевывания пищи, я был твердо уверен, что уж одной темы она, во всяком случае, не станет касаться – а именно темы семьи и брака. Если бы я сел в такую калошу, как тетя Агата в Ровиле, элементарный стыд не позволил бы мне даже заикаться об этом как минимум несколько месяцев.

Но, оказалось, я недооценивал женщин. В смысле бесстыдства. Вы не поверите – она, можно сказать, с этого начала. Клянусь! Не успели мы перекинуться парой фраз о погоде, как она не моргнув глазом ринулась в атаку.

– Берти, – сказала она. – Я много думала и окончательно поняла, что тебе совершенно необходимо жениться. Признаю – я жестоко ошиблась, доверившись той ужасной обманщице в Ровиле, но на этот раз ошибки быть не может. Мне посчастливилось найти для тебя именно такую невесту, как тебе нужно. Я недавно познакомилась с этой девушкой, но она из прекрасной семьи, так что тут не может быть никаких сомнений. К тому же она очень богата; для тебя, впрочем, это не важно. Главное, что это сильная, самостоятельная и благоразумная девушка, которая сможет уравновесить все твои многочисленные слабости и недостатки. Она с тобой знакома и, хотя, естественно, не одобряет твой образ жизни, относится к тебе с симпатией. Я в этом уверена, потому что уже прощупала почву – естественно, очень деликатно – и думаю, что стоит тебе сделать первый шаг…

– Кто она? – Мне следовало давно задать этот вопрос, но с перепугу у меня кусок булочки попал не в то горло, я посинел от недостатка кислорода и только теперь снова получил возможность нормально дышать. – Кто она?

– Гонория, дочь сэра Родерика Глоссопа.

– Нет, только не она! – закричал я, и щеки мои под здоровым летним загаром побледнели.

– Не глупи, Берти. Это как раз та жена, которая тебе требуется.

– Но послушайте…

– Она сформирует твой характер.

– Но я вовсе не хочу, чтобы кто-то формировал…

Тетя Агата взглянула на меня так, словно мне пять лет и она опять застукала меня с банкой джема в буфетной.

– Берти! Ради бога, не спорь, пожалуйста.

– Да, но я хочу сказать…

– Леди Глоссоп любезно пригласила тебя погостить в Диттеридж-Холле. Я сказала, что ты с удовольствием завтра же к ним приедешь.

– Мне очень жаль, но на завтра у меня чертовски важная встреча.

– Что еще за встреча?

– Ну… это…

– Нет у тебя никакой встречи. А если и есть, ты ее отменишь. И отправишься в Диттеридж-Холл, а не то, Берти, я очень сильно рассержусь.

– Ну, хорошо, хорошо, – сказал я.

Едва я расстался с тетей Агатой, как во мне проснулся бойцовский дух Вустеров. Как ни ужасна была нависшая надо мной угроза, я чувствовал почти что радостное возбуждение. Меня загнали в угол, но чем безнадежнее мое положение, тем слаще будет торжество над Дживсом, когда я сумею выпутаться из ловушки без малейшей помощи с его стороны. Прежде я бы спросил у него совета и действовал в соответствии с его инструкциями; но после того, что я услышал на кухне, будь я проклят, если стану унижаться. Вернувшись домой, я как бы между прочим сказал:

– Знаете, Дживс, я попал в чертовски затруднительное положение.

– Мне очень жаль, сэр.

– Да, мое дело дрянь. По правде говоря, я на краю гибели, один на один с безжалостным роком.

– Если я могу вам чем-нибудь помочь, сэр…

– Нет, спасибо. Не стану вас беспокоить. Уверен, что сам справлюсь.

– Очень хорошо, сэр.

Тем все и кончилось. Другой на его месте принялся бы расспрашивать, что да как, но такой уж Дживс человек. Сама сдержанность во всем.

Когда я на следующий день приехал в Диттеридж, Гонорию я там не застал. Ее мать сказала, что она гостит у Брейтуэйтов и вернется завтра, а с ней вместе приедет и ее подруга, мисс Брейтуэйт. Еще она сообщила, что Освальда я найду в парке, и – что значит материнская любовь – это прозвучало так, словно присутствие ее чада служит к украшению парка и составляет едва ли не главную его достопримечательность.

Неплохой у них там парк, в Диттеридже. Террасы, большой кедр посреди лужайки, кусты и небольшой, но живописный пруд с перекинутым через него каменным мостом. Выйдя в парк, я обогнул кустарник и заметил Бинго, который курил, прислонясь к перилам моста. На каменных перилах сидел с удочкой в руках некий представитель отряда несовершеннолетних – как я понял, это и был Освальд Моровая Язва.

Бинго был приятно удивлен моим приездом и представил меня мальчишке. Если тот и был приятно удивлен, то умело скрыл это, как заправский дипломат. Только взглянул на меня, слегка вздернул брови и продолжал удить. Видно было, что он из тех высокомерных юнцов, которые дают вам почувствовать, что школа, где вы учились, совсем не та и костюм на вас сидит плохо.

– Это Освальд, – сказал Бинго.

– Рад познакомиться, – приветливо произнес я. – Как поживаешь?

– Нормально, – ответил мальчик.

– У вас тут очень красиво.

– Нормально, – ответил мальчик.

– Хорошо клюет?

– Нормально, – ответил мальчик.

Бинго отвел меня в сторонку, чтобы мы могли спокойно пообщаться.

– Скажи, а у тебя никогда не звенит в ушах от беспрестанного щебета милого Освальда?

Бинго вздохнул.

– Да, это тяжкий труд.

– Что – тяжкий труд?

– Любить его.

– Так ты его любишь? – с удивлением спросил я. – Вот уж никогда бы не подумал, что такое возможно.

– Пытаюсь, – сказал Бинго. – Ради Нее. Берти, завтра Она приезжает!

– Так мне сказали.

– Она приезжает, любовь моя, моя…

– Да-да, конечно, – сказал я. – Но возвращаюсь к юному Освальду. Тебе что, приходится нянчиться с ним с утра до ночи? Я бы давно рехнулся!

– С ним не так много хлопот. После уроков он все время сидит здесь, на мосту, удит малявок.

– Отчего бы тебе не спихнуть его в пруд?

– Спихнуть в пруд?

– По-моему, это самое разумное, – сказал я, с неприязнью взглянув на оболтуса. – Может, наконец проснется и почувствует интерес к жизни.

Бинго тоскливо покачал головой.

– Очень заманчивое предложение, – сказал он. – Но, боюсь, неосуществимое. Видишь ли, Она никогда мне этого не простит. Она очень привязана к этому паршивцу.

– Ура! – воскликнул я. – Нашел! – Не знаю, знакомо ли вам это чувство, когда вас вдруг осеняет гениальная идея и дрожь бежит вниз по позвоночнику от мягкого, как теперь носят, воротничка до самых подошв? Дживс наверняка испытывает это чувство по нескольку раз на дню, но на меня оно нисходит довольно редко. И вот сейчас я услышал, словно чей-то голос возвестил: «Вот оно!» Я схватил руку Бинго выше локтя с такой силой, что ему, наверное, показалось, будто его укусила лошадь. Тонкие черты его лица исказила гримаса страдания, и он поинтересовался, какого черта я решил отрабатывать на нем приемы джиу-джитсу.

– Что бы сделал Дживс? – спросил я у Бинго.

– В каком смысле, «что бы сделал Дживс»?

– Что бы он посоветовал в такой ситуации? Тебе нужно произвести впечатление на Гонорию Глоссоп, верно? Так вот, если хочешь знать, он посоветовал бы тебе спрятаться вон за тем кустом, а мне – заманить Гонорию к мосту и в условленный момент дать мальчишке крепкого пинка пониже спины, чтобы он слетел с моста в воду. После чего ты прыгаешь за ним и вытаскиваешь его из воды на берег. Ну, что скажешь?

– Берти… не может быть, чтобы ты сам до этого додумался, – почтительным шепотом выдохнул Бинго.

– Сам. Не у одного Дживса рождаются гениальные мысли.

– Но это же бесподобно!

– Хотелось тебе помочь.

– Единственное, что меня смущает, это в каком ты окажешься положении. Я хочу сказать – допустим, этот чертов мальчишка успеет оглянуться и всем расскажет, что ты нарочно столкнул его в пруд. Ты можешь на всю жизнь испортить отношения с Ней.

– Я готов даже на это.

Видно было, что он глубоко тронут.

– Берти, это так благородно с твоей стороны!

– Ну, что ты.

Он молча пожал мне руку, а потом хмыкнул – звук был такой, как будто последние капли воды, булькнув, ушли в отверстие ванны.

– Что тебя так развеселило?

– Я вдруг представил себе, – сказал Бинго, – какой дурацкий вид будет у мокрого Освальда. О господи, что за счастливый день!

Глава 6
Награда герою

Вы замечали, что совершенство никогда не бывает полным? Вот и в моем великолепном во всех прочих отношениях плане был один небольшой изъян: Дживс не увидит меня в деле. Однако в остальном мой замысел был безупречен. Главное, тут невозможны никакие сбои и накладки. Знаете, как бывает, когда требуется, чтобы некто А прибыл в пункт Бэ в ту самую минуту, когда некто Цэ находится в точке Дэ. Обязательно где-нибудь что-то да сорвется. Возьмем, к примеру, генерала, планирующего крупное наступление. Он приказывает одному полку занять холм с ветряной мельницей точно в тот момент, когда другой полк овладеет плацдармом, или еще чем-то там, в долине; на деле, однако, все идет наперекосяк. Вечером генерал собирает офицеров, и командир первого полка говорит: «Ах, извините! Разве вы сказали «холм с мельницей»? А мне послышалось «холм, где пасется стадо овец». Вот так-то. Но в данном случае нам ничего подобного не грозит, потому что Освальд и Бинго непременно будут находиться там, где требуется, так что мне оставалось лишь своевременно заманить туда Гонорию. И я прекрасно, с первого же захода, справился со своей задачей: предложил ей прогуляться со мной по парку, намекнув, что мне необходимо сообщить ей нечто важное.

Она прикатила на автомобиле сразу же после обеда, вместе с дочерью Брейтуэйтов. Гонория меня ей представила – подруга оказалась довольно высокой блондинкой с голубыми глазами. Мне она даже понравилась: полная противоположность Гонории, будь у меня побольше времени, я бы с удовольствием с ней поболтал. Но дело – прежде всего: мы договорились, что Бинго заступит на свой пост за кустом ровно в три, поэтому я поспешил увести Гонорию в парк и как бы невзначай начал подгребать вместе с ней в сторону пруда.

– Вы сегодня так молчаливы, мистер Вустер, – сказала она.

Я вздрогнул от неожиданности – так глубоко я ушел в свои мысли о предстоящей операции. Мы приближались к пруду, и я зорким оком оглядывал поле предстоящего боя. Пока все шло по плану. Юный Освальд, сгорбившись, восседал на перилах моста, Бинго не было видно, из чего я заключил, что он уже в засаде. На моих часах было две минуты четвертого.

– Что? – переспросил я. – Извините. Я просто задумался.

– Вы говорили, что вам необходимо сообщить мне что-то важное?

– Совершенно верно, – сказал я, решив, что не мешает взрыхлить почву для Бинго. Я имею в виду, не называя его по имени, приготовить барышню к мысли, что на свете есть человек, который – как это ни удивительно – давно любит ее издали, и все такое прочее. – Дело вот в чем, – сказал я. – Вы, может быть, удивитесь, но один человек в вас страшно влюблен и так далее – ну, один мой друг.

– Ах, вот как – друг?

– Да.

Она рассмеялась.

– Что же он мне сам об этом не скажет?

– Такой уж он человек. Ужасно робкий, застенчивый. Никак не может набраться смелости. Считает, что вы настолько выше его, ну, вы понимаете… Смотрит на вас как на божество. Благословляет землю, по которой вы ступаете, но ему не хватает пороху вам об этом сказать.

– Очень любопытно.

– Да. Он по-своему неплохой парень. Вообще-то осел, каких мало, но славный малый. Вот такие, значит, дела. Просто имейте это в виду, ладно?

– Господи, какой вы смешной!

Она откинула голову назад и расхохоталась. Смех у нее был зычный. Что-то вроде грохота товарного поезда в туннеле. На мой вкус – не слишком музыкальный, и юному Освальду он, как видно, тоже пришелся не по душе. Он оглянулся на нас с нескрываемой неприязнью.

– Какого черта вы тут разорались, – сказал он. – Всю рыбу распугаете.

Его замечание несколько сбило высокий романтический строй нашей беседы. Гонория переменила тему.

– Меня беспокоит, что Освальд сидит на перилах, – сказала она. – По-моему, это опасно. Он может свалиться в воду.

– Пойду скажу ему, – предложил я.

Меня отделяло от Освальда всего пять ярдов, но мне казалось, что все сто. Я шел, и мне чудилось, что в моей жизни уже было нечто подобное. Я даже вспомнил, что это было. Много лет назад, в одном загородном доме, меня уговорили сыграть роль дворецкого в любительском благотворительном спектакле в пользу кого-то или чего-то там, сейчас уже не помню. Так вот, в самом начале спектакля я должен был пройти через всю сцену слева направо и поставить на стол поднос. На репетиции мне объяснили, чтобы я ни в коем случае не старался пройти дистанцию в максимальном темпе и что мой проход не должен походить на финишный спурт в состязаниях по спортивной ходьбе. В результате я изо всех сил жал на тормоза, и мне казалось, что я никогда не дойду до этого чертова стола. Сцена превратилась в бескрайнюю пустыню, а в зале стояла такая мертвая тишина, словно вся Вселенная следит за мной затаив дыхание. Точно так я чувствовал себя и теперь. Во рту пересохло от страха, мне казалось, что с каждым шагом проклятый мальчишка отодвигается от меня все дальше и дальше, как вдруг, каким-то чудом, я оказался прямо у него за спиной.

– Привет, – сказал я с болезненной улыбкой, которую, впрочем, он не мог оценить, поскольку не потрудился обернуться, а лишь раздраженно повел левым ухом. Мне еще не приходилось встречать человека, которому было бы на меня настолько наплевать.

– Привет, – повторил я. – Рыбачишь?

И с нежностью старшего брата я положил руку ему на плечо.

– Эй, поосторожнее, – сказал он и покачнулся на узких перилах.

В таких случаях надо действовать без промедления. Я закрыл глаза и толкнул его в спину. Послышались странные звуки, будто кошка точит когти о перила моста, кто-то взвизгнул у меня за спиной, раздался сдавленный возглас, потом громкий всплеск.

Я открыл глаза. Мальчишка как раз только что вынырнул на поверхность.

– На помощь! – закричал я, кося глазом на куст, из-за которого по плану должен был выскочить Бинго.

Но тщетно. Никакой Бинго ни из-за какого куста и не думал выскакивать.

– Скорее! Помогите! – еще громче протрубил я.

Вам, наверное, уже надоели воспоминания о моей театральной карьере, но я все же вернусь к тому эпизоду, когда я исполнял роль дворецкого. По пьесе предполагалось, что, когда я поставлю поднос на стол, на сцене должна появиться героиня, прощебетать несколько слов и отослать меня прочь. Но бедная женщина забыла, что дальше ее выход, и не встала наготове за кулисами – пока ее нашли и вытолкали на сцену, прошла целая минута. И все это время я вынужден был стоять столбом и ждать. Отвратительное состояние, можете мне поверить, и вот сейчас я испытывал нечто подобное, только еще хуже. Теперь я понял, что имеют в виду литераторы под выражением «время словно остановилось».

Между тем юный Освальд погибал ни за грош во цвете лет, и мне стало ясно, что пора принимать срочные меры. Не то чтобы я успел к нему так уж сильно привязаться, но не смотреть же, как его поглотит пучина. С моста вода казалась на редкость грязной и холодной, но куда деваться? Я сбросил пиджак и сиганул через перила.

Вы замечали, что вода почему-то гораздо мокрее, если ныряешь в одежде; отчего – не знаю, но можете мне поверить. Я пробыл под водой секунды три, не более, но всплыл с ощущением, что мое тело, как пишут в криминальной хронике, «очевидно, находилось в воде несколько суток». Я чувствовал себя распухшим и липким.

В довершение всех бед дело приняло неожиданный оборот. Я полагал, что, как только вынырну, сразу же храбро схвачу мальчишку за шиворот и отбуксирую к берегу. Но он и не думал дожидаться, пока его отбуксируют. Когда я отфыркался и смог наконец снова различать, что происходит вокруг, то увидел, что он уже в десяти ярдах впереди меня и движется на всех парах по направлению к берегу австралийским кролем. У меня упало сердце. Ведь суть спасательной операции состоит в том, что спасаемый находится в беспомощном положении и в одном месте. Если он в состоянии плыть сам, да еще может дать вам сорок ярдов форы на стоярдовой дистанции, то на кой черт ему ваше спасение? Вся затея теряет смысл. Мне оставалось только плыть к берегу. И я поплыл к берегу. К тому моменту, когда я ступил на твердую сушу, мальчишка был уже на полпути к дому. Короче говоря, с какой стороны ни глянь, затея моя закончилась полным провалом.

Мои размышления прервал звук, похожий на грохот проносящегося под мостом Шотландского экспресса. Это смеялась Гонория Глоссоп. Она стояла рядом со мной и смотрела на меня с каким-то странным выражением.

– Ах, Берти, какой вы смешной! – сказала она. Ее слова пробудили в моей душе тоскливые предчувствия. Прежде она никогда не обращалась ко мне иначе, как «мистер Вустер». – И какой мокрый!

– Да, я промок.

– Бегите скорее в дом и переоденьтесь.

– Хорошо.

Я отжал несколько галлонов воды из прилипшей к телу одежды.

– Нет, все-таки вы ужасно смешной, – повторила она. – Сначала делаете предложение таким необычным окольным образом, а потом сталкиваете Освальда в пруд, чтобы затем спасти и произвести на меня впечатление…

Я уже достаточно освободил органы дыхания от воды, чтобы возразить и вывести ее из этого пагубного заблуждения.

– Нет-нет, вам показалось!

– Брат сказал, что вы его нарочно столкнули, да я и сама видела. Я нисколько на вас не сержусь за это, Берти. Это так мило с вашей стороны. Но, думаю, мне пора всерьез вами заняться. За вами нужен глаз да глаз. Вы смотрите слишком много кинофильмов. В следующий раз еще надумаете поджечь дом, чтобы вынести меня из огня. – Она окинула меня хозяйским взглядом. – Думаю, мне удастся сделать из вас что-то путное, – сказала она. – Конечно, ваша жизнь до встречи со мной прошла впустую, но вы еще молоды, и в вас есть много хорошего.

– Нет-нет… во мне нет абсолютно ничего хорошего.

– Есть, Берти. И это скоро проявится. А сейчас бегите скоренько домой и переоденьтесь, а не то простудитесь.

В голосе ее прозвучали материнские нотки, которые яснее слов сказали мне, что я пропал.

Я переоделся и, когда спускался по лестнице, столкнулся с Бинго, у него был какой-то странный, восторженный вид.

– Берти, – проговорил он. – Как хорошо, что я тебя встретил. Случилась удивительная вещь!

– Скотина! – вскричал я. – Куда ты делся? Ты знаешь, что…

– А, это ты насчет того, что меня не было там, в кустах? Я просто не успел тебя предупредить. Все отменяется.

– Что отменяется?

– Берти, я как раз направлялся к пруду, чтобы спрятаться в условленном месте, когда произошло нечто необыкновенное. Я шел по лужайке и вдруг увидел самую прекрасную, самую изумительную девушку на свете. Другой такой просто нет! Берти, ты веришь в любовь с первого взгляда? Ведь ты же веришь, я знаю, Берти, старик, ты не можешь не верить! Как только я на нее взглянул, меня потянуло к ней как магнитом. Я забыл обо всем на свете. Мне показалось, что мы одни в мире, полном музыки и солнца. Я подошел к ней. Я заговорил с ней. Ее зовут мисс Брейтуэйт, Берти, – Дафна Брейтуэйт. Как только наши взгляды встретились, я понял, что чувство, которое я принимал за любовь к Гонории Глоссоп, было лишь минутным увлечением. Берти, ведь ты же веришь в любовь с первого взгляда, верно? Она такая изумительная, такая добрая. Похожа на юную богиню…

Я молча повернулся и ушел к себе в комнату.

Два дня спустя я получил письмо от Дживса.

«Погода, – писал он, – по-прежнему стоит превосходная. Сегодня я искупался с особенным удовольствием».

Я горько рассмеялся и спустился в гостиную, где меня ждала Гонория. Она собиралась почитать мне вслух Рескина.

Глава 7
На сцене появляются Клод и Юстас

Гром среди ясного неба грянул ровно в час сорок пять пополудни. Спенсер, дворецкий тети Агаты, поставил на стол блюдо с жареным картофелем, как вдруг Гонория сказала нечто, заставившее меня подпрыгнуть на месте и катапультировать ложкой шесть кусков картошки прямо на буфет. Я был потрясен до глубины души.

Заметьте, что моя нервная система к этому времени была сильно расшатана. Вот уже две недели, как я был помолвлен с Гонорией Глоссоп, и не проходило дня без того, чтобы она не пыталась меня «формировать», как выражается тетя Агата. Я до рези в глазах читал мудреные книжки; бок о бок мы прошагали не менее сотни миль по залам картинных галерей; и вы никогда не поверите, какое количество концертов классической музыки мне пришлось за это время прослушать. Естественно, я был не в состоянии стойко держать удар, тем более удар столь сокрушительной силы. Гонория затащила меня на обед к тете Агате, и я в отчаянии твердил про себя: «Смерть, ну где твое спасительное жало!» – и вдруг как обухом по голове.

– Берти, – внезапно произнесла она с таким видом, словно ей только сейчас это пришло в голову. – Этот ваш слуга – как его…

– Слуга? Дживс, а что?

– По-моему, он оказывает на вас дурное влияние, – сказала Гонория. – Когда мы поженимся, вам придется от него избавиться.

Вот тут я и запулил ложкой шесть отменных поджаристых ломтиков картофеля на буфет, а Спенсер кинулся за ними с проворством хорошо натасканного ирландского сеттера.

– Избавиться от Дживса? – Я задохнулся от возмущения.

– Да. Он мне не нравится.

– И мне он не нравится, – сказала тетя Агата.

– Но это невозможно. Я… да я и дня не смогу прожить без Дживса.

– Придется, – сказала Гонория. – Мне он положительно не по нутру.

– И мне он положительно не по нутру, – сказала тетя Агата. – Я давно об этом твержу.

Жуть, верно? Я всегда подозревал, что брак связан с лишениями, но мне и в кошмарном сне не могло присниться, что он сопряжен со столь страшными жертвами. До конца обеда я пребывал в полуобморочном состоянии.

Предполагалось, что после обеда я буду сопровождать Гонорию в качестве носильщика по магазинам на Риджент-стрит. Однако, когда она поднялась, чтобы идти, прихватив меня и прочие предметы экипировки, тетя Агата ее остановила.

– Поезжайте одна, дорогая, – сказала она. – Мне нужно кое о чем поговорить с Берти.

В результате Гонории пришлось отправиться за покупками без меня. Как только она ушла, тетя Агата подсела ко мне поближе.

– Берти, – сказала она. – Милая Гонория ничего об этом пока не знает, но на пути к вашему браку возникло небольшое препятствие.

– Да что вы? Не может быть! – воскликнул я, ослепленный внезапно блеснувшим лучом надежды.

– О, ничего серьезного, разумеется. Всего лишь досадное недоразумение. Дело в сэре Родерике.

– Решил, что поставил не на ту лошадь? Собирается аннулировать ставку? Что ж, наверное, он прав.

– Умоляю, перестань молоть чушь, Берти. Это вовсе не так серьезно. Просто профессия сэра Родерика заставляет его быть… ну… сверхосторожным.

– Сверхосторожным? – не понял я.

– Ну да. Полагаю, это неизбежно. У специалиста по нервным болезням со столь обширной практикой поневоле должно сложиться несколько искаженное представление о людях.

Теперь до меня стало наконец доходить, к чему она клонит. Сэра Родерика Глоссопа, отца Гонории, обычно называют специалистом по нервным болезням, хотя на самом деле все прекрасно знают, что большинство его клиентов – самые настоящие психи. Если ваш дядюшка-герцог начинает заговариваться и вы, войдя в Голубую гостиную, обнаружите, что у него солома в волосах, вы вызываете папашу Глоссопа. Он является, с глубокомысленным видом осматривает больного, долго разглагольствует насчет перенапряжения нервной системы и рекомендует полный покой, уединение и прочую чепуху. В Англии нет благородного семейства, которое бы раз-другой не прибегало к услугам сэра Родерика, и надо полагать, что такое занятие – когда изо дня в день заговариваешь пациентам зубы, пока любящие родственники вызывают санитарную карету из желтого дома – действительно способствует формированию «несколько искаженного представления о людях».

– Ты хочешь сказать, он считает меня чокнутым, а ему не нужен чокнутый зять? – спросил я.

Моя способность схватывать все на лету почему-то только раздражила тетю Агату.

– Глупости, ничего подобного он, разумеется, не считает. Я же тебе говорю – он просто сверхосторожный человек. Хочет убедиться, что ты абсолютно нормален. – Тут она на некоторое время замолчала, потому что Спенсер принес кофе. Когда он ушел, она продолжила свою мысль: – Ему рассказали какую-то немыслимую историю, будто ты столкнул его сына Освальда в пруд в Диттеридже. Разумеется, это неправда – на такое даже ты не способен.

– Я просто к нему прислонился, а он возьми да и свались с моста.

– Освальд настаивает, что ты его нарочно спихнул. Сэра Родерика это не может не беспокоить, он начал наводить справки и узнал про бедного дядю Генри.

Она посмотрела на меня, и я скорбно отхлебнул кофе. Мы заглянули в старый домашний шкаф с фамильным скелетом. Мой покойный дядя Генри – темное пятно на гербе Вустеров. Симпатичный такой старикан, я к нему хорошо относился, когда я учился в школе, он щедро подкидывал мне на карманные расходы. Но за ним и в самом деле водились кое-какие странности: например, он держал у себя в спальне одиннадцать ручных кроликов и, конечно, в строгом смысле слова, был не в своем уме. Если уж совсем начистоту, жизнь свою он закончил в соответствующем заведении, совершенно счастливый в окружении бесчисленных кроликов.

– Все это просто нелепо, потому что если кто-то в семье и мог унаследовать эксцентричность бедного Генри – а это была не более чем эксцентричность, – так Клод и Юстас, а в Лондоне трудно найти других таких умных молодых людей.

Клод и Юстас – близнецы, учились когда-то в той же школе, что и я, но были в начальных классах, когда я уже завершал свое образование. И, помнится, в то время слово «умный» к ним нельзя было применить даже с очень большой натяжкой. Последний триместр я был занят почти исключительно тем, что помогал им выпутываться из бесчисленных скандальных историй.

– Ты посмотри, какой у них успех в Оксфорде. Твоя тетя Эмили на днях получила письмо от Клода, где он сообщает, что они надеются вступить в очень престижный клуб, который называется «Искатели».

– «Искатели»? Не помню, чтобы в Оксфорде был клуб с таким названием. И что же они, интересно, ищут?

– Об этом он не пишет. Истину или знания, я полагаю. Видимо, это очень аристократический клуб: Клод упомянул, что вместе с ним в члены клуба баллотируется лорд Рейнсби, сын графа Дачета. Однако мы отклонились от темы. Я хотела сказать, что сэр Родерик желал бы переговорить с тобой наедине в спокойной обстановке. Я надеюсь, Берти, что ты проявишь… я не скажу «весь свой ум», но по крайней мере благоразумие. Постарайся обойтись без иди-

отских смешков, не пялься на него с остекленелым выражением лица, как ты имеешь обыкновение; не зевай во весь рот и не дергайся, как паяц. И не забудь, что сэр Родерик состоит в «Лиге борьбы с азартными играми» – он президент отделения в Западном Лондоне, – так что не заводи с ним разговоры о скачках. Завтра, в час тридцать, он придет к тебе на обед. Имей в виду, что он не пьет вина, категорически против курения и ест только самую простую пищу из-за проблем с пищеварением. И не предлагай ему кофе – он считает кофе причиной половины нервных заболеваний.

– Должно быть, собачьи сухарики и стакан воды будут ему в самый раз.

– Берти!

– Шучу, шучу…

– Вот благодаря таким идиотским шуточкам у сэра Родерика и могут зародиться сомнения в твоей умственной полноценности. Пожалуйста, постарайся воздержаться от этого твоего игривого тона в его присутствии. Он очень серьезный человек. … Ты уже уходишь? Запомни все, что я сказала. Я на тебя полагаюсь, и если ты все испортишь, я тебе этого никогда не прощу.

– Ладно, – сказал я.

И побежал домой – впереди меня ждал целый день свободы.

На следующий день я позавтракал очень поздно, а потом вышел пройтись. Я решил принять все меры, чтобы привести голову в нормальное состояние, а свежий воздух рассеивает туман, окутывающий мой мозг в первые несколько часов после пробуждения. Я побродил по парку, повернул назад и уже дошел до Гайд-парк-Корнер, когда кто-то хлопнул меня промеж лопаток. Я оглянулся и увидел кузена Юстаса. Он шел под руку с двумя другими бездельниками: с краю шагал его брат Клод, а в середине – какой-то тип с розовой, как у поросенка, физиономией, редкими волосами и виноватым выражением лица.

– Берти, старичок! – радостно воскликнул Юстас.

– Привет, – ответил я, впрочем, без особого воодушевления.

– Какая фантастическая удача – встретить в Лондоне единственного человека, который может нас накормить в соответствии с нашими утонченными вкусами. Кстати, ты ведь не знаком с Песьим Носом? Песий Нос – это мой кузен Берти. Лорд Рейнсби – мистер Вустер. Мы только что заходили к тебе на квартиру. Ужасно жалели, что тебя не застали, но старина Дживс оказал нам самый радушный прием. Этому малому просто цены нет. Береги его, Берти.

– А что вы делаете в Лондоне? – поинтересовался я.

– Так, просто болтаемся. Заскочили ненароком. Что называется, с кратким неофициальным визитом. Отчаливаем в три десять. Так как же насчет обеда, которым ты так любезно вызвался нас угостить: куда мы пойдем? В «Ритц»? В «Савой»? В «Карлтон»? А если ты состоишь членом в «Сайро» или в «Эмбасси», то тоже неплохо.

– Нет, сегодня ничего не получится. У меня деловая встреча. Господи, я уже опоздал! – Я подозвал такси. – Как-нибудь в другой раз.

– Тогда как мужчина мужчине: не одолжишь пятерку?

Мне некогда было с ним препираться. Я отстегнул ему пять фунтов и нырнул в машину. Когда я ввалился в квартиру, было уже без двадцати два. Я ринулся в гостиную – комната была пуста.

Из глубин кухни выплыл Дживс.

– Сэр Родерик еще не прибыл, сэр.

– Слава богу, – сказал я. – Я боялся, что он уже раскрошил всю мебель от злости. – По своему опыту могу вам сказать: чем меньше вы жаждете видеть гостя, тем он пунктуальнее. Я уже мысленно представлял себе, как сэр Родерик, постепенно закипая, мерит шагами ковер в гостиной. – Ну как, все готово?

– Смею надеяться, что вы останетесь довольны, сэр.

– Чем собираетесь нас кормить?

– Консоме, телячья отбивная и лимонный сок с содовой.

– Ну что ж, я не вижу тут ничего, что представляет опасность для самого деликатного желудка. Главное, чтобы вы не забылись и сгоряча не притащили нам кофе.

– Нет, сэр.

– И следите, чтобы у вас не было на лице остекленелого выражения, а не то оглянуться не успеете, как окажетесь в обитой войлоком палате.

– Хорошо, сэр.

В прихожей задребезжал звонок.

– Все по местам, Дживс, – сказал я. – Ну, с богом!

Глава 8
Сэр Родерик приходит обедать

Мне, разумеется, и прежде приходилось встречаться с сэром Родериком Глоссопом, но всегда в присутствии Гонории; а одно из удивительных свойств Гонории состоит в том, что всякий, находящийся с ней в одном помещении, отчего-то кажется меньше и незначительнее, чем на самом деле. До сегодняшнего дня я не подозревал, что у старикана чертовски впечатляющая внешность. Косматые брови придают его взгляду пронзительное выражение, особенно неприятное натощак. Роста он высокого, сложения массивного, но больше всего поражает его огромная голова, фактически лишенная растительности, отчего она выглядит еще огромней и походит на купол собора Святого Павла. Думаю, он носил шляпу девятого размера, не меньше. Это доказывает, что слишком развивать свои мозги опасно.

– Салют! Салют! Салют! – прокричал я, стараясь создать атмосферу непринужденности и радушия, но тут же спохватился, что тетя Агата как раз от этого меня и предостерегала. Чертовски трудно в такой ситуации с самого начала задать правильный тон: в смысле приветствий возможности у обитателя городской квартиры весьма ограничены. Будь я молодым помещиком и владельцем загородного дома, я мог бы приветствовать гостя какой-нибудь звучной фразой, вроде «Добро пожаловать в усадьбу «Райские кущи». Но ведь не скажешь же: «Добро пожаловать в квартиру 6а, дом Крайтона по Беркли-стрит».

– Кажется, я немного опоздал, – произнес сэр Родерик, когда мы сели за стол. – Меня задержал лорд Алистер Хангерфорд, сын герцога Рамферлайна. Он пожаловался, что у его милости снова возобновились симптомы, доставившие в свое время столько огорчений его близким. Я не мог уйти, не переговорив с ним. Это и явилось причиной моей непунктуальности, которая, надеюсь, не причинила вам слишком больших хлопот.

– Ну что вы, вовсе нет! Так вы говорите, герцог снова слетел с катушек?

– Признаюсь, я бы не решился употребить столь эмоционально окрашенное выражение, говоря о старейшине одного из самых знатных семейств Англии, но не могу не согласиться с вами, что в данном случае наблюдается значительная расторможенность отдельных мозговых центров. – Он вздохнул – насколько это возможно проделать, одновременно пережевывая телячью отбивную. – Моя профессия требует огромных душевных сил.

– Могу себе представить!

– Порой я просто в отчаянии от того, что мне приходится видеть. – Он вдруг замолчал и насторожился. – Вы держите кошку, мистер Вустер?

– Что? Кошку? Нет, никаких кошек.

– Я со всей определенностью слышал мяуканье кошки – либо в этой комнате, либо где-то совсем близко от того места, где мы с вами находимся.

– Вероятно, это автомобили на улице.

– Боюсь, я не совсем вас понимаю.

– Ну, знаете, как гудят автомобили. Иногда здорово смахивает на кошачьи вопли.

– Никогда не замечал подобного сходства, – холодно сказал он.

– Позвольте предложить вам лимонного сока с содовой, – сказал я. Разговор явно не клеился.

– Спасибо. Полстакана, пожалуйста. – Эта дьявольская смесь, видимо, его несколько успокоила, потому что он заговорил более дружелюбным тоном: – Видите ли, я испытываю к кошкам непреодолимое отвращение. Так что, бишь, я говорил? Ах да, иногда я решительно прихожу в отчаяние от того, что вижу вокруг. Речь идет не только о моей медицинской практике, хотя и тут, конечно, многое удручает. Я имею в виду то, что приходится ежедневно наблюдать на улицах Лондона. Порой мне кажется, что большую часть населения планеты составляют

люди психически неуравновешенные. Не далее как сегодня утром, по дороге в клуб, случилась совершенно беспрецедентная и весьма неприятная история. По случаю теплой погоды я приказал шоферу поднять верх и откинулся на сиденье, пользуясь приятной возможностью погреться на солнце, как вдруг движение остановилось из-за затора, как это нередко случается в Лондоне вследствие перегруженности центральных транспортных магистралей.

Видимо, я задумался и немного отвлекся: когда он сделал паузу, чтобы глотнуть лимонного сока с содовой, мне показалось, будто я на митинге и надо как-то отреагировать.

– Правильно! Правильно! – воскликнул я.

– Простите?

– Нет, ничего. Так вы говорили…

– Автомобили, движущиеся в противоположном направлении, тоже остановились, но вскоре возобновили движение. Я сидел, погрузившись в свои мысли, когда произошло нечто совершенно из ряда вон выходящее: у меня с головы внезапно сорвали шляпу! Оглянувшись, я успел заметить, как кто-то издевательски машет мне моей шляпой с заднего сиденья такси, которое воспользовалось освободившимся проездом и скрылось из виду.

Я не расхохотался, но это стоило таких усилий, что я явственно услышал, как затрещали нижние ребра.

– Наверное, кто-то просто пошутил, – сказал я.

Мое объяснение его явно не удовлетворило.

– Смею надеяться, – сказал он, – я не обделен способностью воспринимать юмор, но мне трудно найти в этой безобразной выходке что-то, хотя бы отдаленно похожее на веселую шутку. Вне всякого сомнения, эти действия совершены психически неуравновешенным субъектом. Психические отклонения могут проявляться в самых неожиданных формах. Например, герцог Рамферлайн, о котором я уже упоминал сегодня в нашем разговоре, считает, но это, разумеется, строго между нами, что он – канарейка, и приступ, так огорчивший лорда Алистера, случился у него из-за нерадивого лакея, который забыл принести ему утром кусочек сахара. Нередки случаи, когда больные подстерегают женщин, чтобы отрезать у них прядь волос. Склонен предположить, что напавший на меня сегодня субъект страдает манией, относящейся именно к этому виду. Могу лишь надеяться, что он будет помещен под надлежащий врачебный контроль прежде, чем… Мистер Вустер, где-то поблизости все же есть кошка! Это уже не на улице! Я уверен, что мяуканье слышится из соседней комнаты.

Должен признаться, что теперь и у меня не оставалось на этот счет никаких сомнений. Из спальни совершенно явственно доносились кошачьи вопли. Я нажал кнопку звонка, и в комнату вплыл Дживс, всем своим видом выражая почтение и преданность.

– Сэр?

– Вот что, Дживс, – сказал я. – Я насчет кошек. У нас что, в квартире кошки?

– Только те три, что в вашей спальне, сэр.

– Что?

– Кошки в спальне? – простонал сэр Родерик, и глаза его впились в меня, точно два буравчика.

– Ничего не понимаю, – сказал я. – Какие еще три кошки?

– Черная, полосатая и маленькая светло-рыжая, сэр.

– Какого черта…

Я вскочил и бросился вокруг стола к двери. На беду, сэр Родерик тоже рванул к двери, обегая стол в противоположном направлении. В результате мы на всем скаку столкнулись в дверях и, обнявшись, вместе ввалились в прихожую. Он проворно вышел из клинча и схватил стоявший у вешалки зонт.

– Не подходите! – закричал он, замахиваясь зонтом. – Не подходите, сэр! Я вооружен!

Я решил, что пора приступать к мирным переговорам.

– Ужасно сожалею, что налетел на вас, – сказал я. – Я не нарочно. Я просто решил сбегать посмотреть, что происходит в спальне.

Он немного успокоился и опустил зонт. Но в этот миг в комнате грянул душераздирающий кошачий концерт. Словно все кошки Лондона плюс делегаты из близлежащих пригородов собрались вместе, чтобы раз и навсегда разрешить свои разногласия. Что-то вроде сводного кошачьего хора и оркестра.

– Что за несносный шум, – завопил сэр Родерик. – Я не слышу даже собственного голоса!

– Осмелюсь высказать предположение, сэр, – почтительно сказал Дживс, – что животные пришли в столь сильное возбуждение, поскольку обнаружили рыбу под кроватью мистера Вустера.

Старик пошатнулся.

– Рыбу? Я не ослышался?

– Сэр?

– Вы сказали, что у мистера Вустера под кроватью рыба?

– Да, сэр.

Сэр Родерик издал слабый стон и, ни слова не говоря, схватил шляпу и трость.

– Как, вы уже уходите? – спросил я.

– Да, мистер Вустер, ухожу! Предпочитаю проводить досуг не в столь эксцентрическом обществе.

– Но постойте! Я пойду с вами. Уверен, что сумею вам все объяснить. Мою шляпу, Дживс.

Дживс протянул мне шляпу. Я ее сразу же надел… И, о ужас! Прямо чуть не утонул в ней, представляете? Еще надевая, я почувствовал, что она какая-то слишком просторная, но стоило опустить руки, как она села мне прямо на плечи, точно ведро.

– Эй! Это же не моя шляпа!

– Шляпа моя, – произнес сэр Родерик таким ядовитым тоном, какого мне в жизни не доводилось слышать. – Это та самая шляпа, которую с меня сорвали сегодня утром.

– Но…

Возможно, Наполеон или кто-нибудь вроде него на моем месте не растерялся бы, но для меня это было уже слишком: я впал в оцепенение и стоял, выпучив глаза. А старик Глоссоп снял с меня шляпу и сказал Дживсу:

– Я бы попросил вас, любезнейший, выйти со мной на пару минут. Мне нужно кое о чем вас спросить.

– Хорошо, сэр.

– Но послушайте… – забормотал было я, но Глоссоп повернулся и торжественно вышел в сопровождении Дживса. Тут кошачий концерт в спальне грянул с новой силой.

Пора было положить этому конец. Ни с того ни с сего у тебя в спальне появляются кошки – куда это годится? Как эти чертовы твари туда попали, я понятия не имел, но был полон решимости немедленно прекратить их затянувшееся пиршество. Я распахнул дверь – на полу посреди комнаты сцепились в клубок штук сто кошек всех цветов и раскрасок, в следующее мгновение они прыснули друг за дружкой мимо меня из квартиры, а в спальне осталась только рыбья голова внушительных размеров – она валялась на ковре и строго взирала на меня, словно требуя извинения в письменной форме.

Укоризненное выражение на морде злосчастной рыбины меня окончательно доконало: я на цыпочках вышел из спальни и закрыл за собой дверь, но при этом наткнулся спиной еще на кого-то.

– Ах, простите, – произнес этот кто-то.

Я повернулся и увидел того самого малого с розовой физиономией, которого я встретил сегодня утром в компании Клода и Юстаса – лорд Как-его-там.

– Послушайте, – извиняющимся тоном сказал он. – Неловко вас беспокоить, но это не мои кошки пробежали сейчас вниз по лестнице? Похожи на моих.

– Они выбежали из моей спальни.

– Тогда это точно мои, – печально сказал он. – Проклятие!

– Так это вы запустили туда кошек?

– Нет, это ваш слуга. Он любезно предложил подержать кошек в спальне до нашего отъезда. Я как раз пришел их забрать. А они сбежали. Ну что ж, ничего не поделаешь. В таком случае я заберу рыбу и шляпу.

Этот тип нравился мне все меньше и меньше.

– Так эту чертову рыбу тоже вы приволокли?

– Нет, рыбу – это Юстас. А шляпу оставил Клод.

Я без сил опустился в кресло.

– Послушайте, вы не объясните, зачем?

На розовом лице юного лорда выразилось удивление.

– Так вы ничего не знаете? Вот так дела! – Он густо покраснел. – Что ж, в таком случае понятно, почему все это кажется вам несколько странным.

– Странным – это по меньшей мере.

– Видите ли, это все для «Искателей».

– «Искателей»?

– Ну да, это такой новый классный клуб в Оксфорде, мы с вашими кузенами хотим в него вступить. Для того чтобы тебя приняли в клуб, нужно что-то украсть. Ну, на память. Скажем, каску у полицейского или дверной молоток, словом, вы понимаете. Раз в год, во время торжественного ужина, устраивается выставка украденных предметов, каждый произносит по этому поводу речь и все такое. В общем, здорово весело. Мы решили раздобыть что-нибудь поэффектнее и специально приехали для этого в Лондон, надеялись найти здесь нечто из ряда вон. И с самого начала нам здорово повезло. Клоду удалось достать вполне недурной цилиндр из встречного автомобиля, Юстас унес из «Хэрродса» здоровенного лосося, или как там он называется, а я отловил трех отличнейших кошек, и все за какой-то час. Мы, что называется, были в ударе. А потом встал вопрос, куда все это девать до отхода поезда? Неудобно гулять по Лондону с кошками и с большой рыбиной, знаете ли, привлекает внимание. Тут Юстас вспомнил про вас, мы взяли такси и поехали к вам. Вас дома не оказалось, но ваш человек сказал, что можно оставить здесь. А когда мы вас встретили, вы так спешили, что мы не успели ничего объяснить. Что ж, тогда, если не возражаете, я заберу шляпу.

– Шляпы тоже нет.

– Нет?

– Тот, с кого вы ее сорвали, обедал у меня сегодня. Он ее и забрал.

– Это надо же! Бедняга Клод ужасно расстроится. Ладно, а как насчет того замечательного лосося, или как там он называется?

– Желаете обозреть останки?

Увидев масштаб нанесенного ущерба, он совсем сник.

– Да, вряд ли комитет примет экспонат в таком виде, – грустно констатировал он. – От бедной рыбины почти ничего не осталось.

– Остальное сожрали кошки.

Он глубоко вздохнул.

– Ни кошек, ни рыбы, ни шляпы. Выходит, мы старались впустую. Тяжелый удар, ничего не скажешь. И в довершение всех бед… послушайте, мне, право, неловко, но вы не могли бы одолжить мне десятку?

– Десятку? А на что вам?

– Мне нужно срочно внести залог, чтобы освободить Клода и Юстаса из кутузки. Их арестовали.

– Арестовали?

– Да. Видите ли, их здорово возбудил наш успех со шляпой и лососем, плюс мы еще замечательно пообедали… короче говоря, они явно погорячились: попытались угнать грузовик. Дурацкая затея, конечно, – не представляю, как они собирались представить его комитету клуба. Но они и слушать ничего не желали, а когда водитель грузовика поднял шум, Клод и Юстас ввязались в потасовку и в результате томятся теперь в полицейском участке на Вайн-стрит и просидят там до тех пор, пока я не принесу залог. Так что если вы можете ссудить мне десятку… О, спасибо, это очень любезно с вашей стороны. Мы же не можем бросить их в беде, верно? Знаете, они оба чертовски замечательные юноши. У нас все их ужасно любят.

– Еще бы – не сомневаюсь! – сказал я.

Я с нетерпением ждал возвращения Дживса, чтобы устроить ему хороший нагоняй. Я был полон решимости высказать все, что я о нем думаю.

– Итак? – спросил я.

– Сэр Родерик задал мне несколько вопросов, сэр, насчет ваших привычек и образа жизни, на которые я отвечал со всей возможной осмотрительностью.

– Меня сейчас не это интересует. Почему вы не объяснили ему все с самого начала? Достаточно было одного вашего слова, и все стало бы ясно.

– Да, сэр.

– А теперь он ушел в полной уверенности, что у меня не все дома.

– Судя по тому, о чем он меня расспрашивал, сэр, я бы не исключал возможности, что подобная мысль и вправду пришла ему в голову.

Не успел я ему на это ответить, как зазвонил телефон. Дживс подошел к аппарату и снял трубку.

– Нет, мадам, мистера Вустера нет дома. Нет, мадам, я не знаю, когда он вернется. Нет, мадам, он не оставлял для вас никаких сообщений. Да, мадам, я ему передам. – Он повесил трубку. – Это миссис Грегсон, сэр.

Тетя Агата! Этого-то я больше всего и боялся. С той самой минуты, как стало ясно, что обед закончился для меня полным провалом, ее тень незримо витала над моей несчастной головой.

– Она уже знает? Так быстро?

– Я полагаю, что сэр Родерик сообщил ей обо всем по телефону, сэр, и…

– Свадебные колокола мне не светят?

Дживс смущенно кашлянул.

– Миссис Грегсон про это не упомянула, сэр, но мне представляется, что такой исход вполне вероятен.

Вы не поверите, но я настолько ошалел от всего этого безумия: папаша Глоссоп, кошки, недообглоданные рыбы, гигантские шляпы и розоволикие юнцы, – что мне лишь сейчас открылась светлая сторона медали. Господи, у меня словно камень с плеч свалился! Из груди моей вырвался глубокий вздох облегчения.

– Дживс, – сказал я. – Признайтесь, это ведь ваших рук дело?

– Сэр?

– Уверен, что вы сами все это подстроили.

– Видите ли, сэр, Спенсер, дворецкий миссис Грегсон, которому невольно довелось присутствовать при вашем разговоре во время обеда, действительно посвятил меня в кое-какие детали этой беседы; и, признаюсь, – хотя вы можете расценить это как излишнюю вольность

с моей стороны, – я питал надежду, что возникнут обстоятельства, которые смогут помешать этому браку. Мне всегда казалось, что юная леди не слишком для вас подходит, сэр.

– И вы знали, что она выставит вас из дома через пять минут после свадебной церемонии.

– Да, сэр. Спенсер уведомил меня, что она обмолвилась о подобных планах. Миссис Грегсон требует, чтобы вы явились к ней немедленно, сэр.

– Вот как, требует? И что же вы мне посоветуете, Дживс?

– Полагаю, что поездка за границу может оказаться как нельзя более кстати.

Я с сомнением покачал головой:

– Она до меня и там доберется.

– Смотря как далеко вы уедете, сэр. Комфортабельные океанские лайнеры на Нью-Йорк отплывают по средам и субботам.

– Вы, как всегда, правы, Дживс, – сказал я. – Заказывайте билеты.

Глава 9
Рекомендательное письмо

Чем дольше живу на свете, тем больше убеждаюсь, что едва ли не половина всех бед происходит из-за того, с какой легкостью люди, не задумываясь, преспокойно пишут рекомендательные письма другим людям для передачи их третьим. Поневоле пожалеешь, что живешь не в каменном веке. В том смысле, что, если бы нашему пращуру приспичило снабдить другого пращура рекомендательным письмом, ему потребовалось бы не меньше месяца, чтобы вытесать его на гранитной глыбе, а второму пращуру наверняка надоело бы волочить на себе тяжелую каменюгу под палящим солнцем, и он выбросил бы ее, не протащив и мили.

Но в наши дни писание рекомендательных писем не требует большого труда, вот все и раздают их направо и налево, а ни в чем не повинные люди – вроде меня – вляпываются из-за этого в весьма неприятные истории.

Впрочем, это я сейчас говорю, умудренный, что называется, горьким житейским опытом. А тогда, под свежим впечатлением, спустя три недели после того, как мы сошли на берег Американского континента, поначалу, когда Дживс сообщил, что некий Сирил Бассингтон-Бассингтон желает меня видеть, и у него оказалось рекомендательное письмо от тети Агаты… Да, так о чем я? Честно признаюсь, что это меня скорее обрадовало. Видите ли, после той неприятной истории, из-за которой мне пришлось спешно покинуть Англию, я не ждал писем от тети Агаты, по крайней мере писем, выдержанных в пристойном тоне. И был приятно удивлен, когда письмо оказалось почти любезным. Местами, возможно, суховатое, но в целом вполне вежливое. Оно показалось мне добрым знаком. Вроде оливковой ветви. Или надо говорить: пальмовой? Как бы там ни было, но сам факт, что тетя Агата прислала письмо, не содержащее прямых оскорблений в мой адрес, показался мне важным шагом на пути к миру.

А я всей душой стремился к миру с тетей Агатой, и чем скорее – тем лучше. Нет, я ничего не имею против Нью-Йорка. Замечательный город, и я здесь отлично проводил время. Но факт остается фактом – тот, кто, подобно мне, прожил всю жизнь в Лондоне, не может не скучать по нему на чужбине. И мне не терпелось поскорее вернуться в милую моему сердцу уютную квартиру на Беркли-стрит, а это станет возможно, лишь когда тетя Агата остынет и простит мне историю с Глоссопом. Вы скажете, что Лондон – большой город, но, можете мне поверить, он недостаточно велик, чтобы находиться там одновременно с тетей Агатой, когда она вышла на тропу войны. Короче говоря, этот дурень Бассингтон-Бассингтон представлялся мне тогда чем-то вроде голубя мира, и я испытывал к нему всяческое расположение.

По свидетельствам очевидцев, он возник из утреннего тумана в семь сорок пять утра – именно в этот омерзительно ранний час ссаживают с лондонского парохода несчастных пассажиров. Дживс его почтительно выставил, предложив зайти часика через три, когда, по его расчетам, я уже пробужусь ото сна, чтобы радостным криком приветствовать новый божий день. Что, кстати, свидетельствует о выдающемся великодушии Дживса, потому что у нас с ним в ту пору случилась небольшая размолвка, некая холодность в отношениях, короче говоря, мы с ним тогда находились в ссоре из-за совершенно изумительных лиловых носков, которые я носил против его воли, и другой на его месте воспользовался бы возможностью мне отплатить, запустив Сирила в спальное помещение в час, когда я не в состоянии поддержать беседу даже с закадычным другом. До тех пор пока я не выпью утреннюю чашку чая и не поразмышляю в одиночестве о смысле жизни, я не большой охотник до разговоров.

Итак, Дживс хладнокровно выставил Сирила на улицу наслаждаться утренней прохладой, и я узнал о его существовании, лишь когда Дживс принес мне его визитную карточку вместе с чашкой китайского чая.

– Это еще кто такой, Дживс? – спросил я, недоуменно глядя на совершенно незнакомое имя.

– Насколько я понял, этот джентльмен только что приплыл из Англии, сэр. Он заходил сегодня утром, часа три назад.

– Господи, Дживс! Вы что, хотите меня убедить, что в такую рань на дворе уже утро?

– Он просил передать, что зайдет попозже, сэр.

– Никогда о нем прежде не слышал. А вы, Дживс? Вы о нем что-нибудь слышали?

– Фамилия Бассингтон-Бассингтон мне знакома, сэр. Существуют три ветви Бассингтон-Бассингтонов – шропширские Бассингтон-Бассингтоны, гэмпширские Бассингтон-Бассингтоны и кентские Бассингтон-Бассингтоны.

– Похоже, Англия владеет крупными запасами Бассингтон-Бассингтонов.

– Весьма приличными, сэр.

– Так что необходимость импортировать Бассингтон-Бассингтонов из других стран нам в ближайшее время не угрожает?

– Скорее всего нет, сэр.

– Ну, а этот – что он за гусь?

– Не берусь ничего утверждать на основании столь краткого знакомства, сэр.

– И все же, Дживс, какое он производит впечатление? Вы готовы поставить два к одному, что этот тип – не прохиндей и не зануда?

– Нет, сэр. Я не могу позволить себе столь рискованные ставки.

– Так я и знал. Что ж, тогда остается выяснить, к какому именно типу зануд он принадлежит.

– Время покажет, сэр. Этот джентльмен передал для вас письмо, сэр.

– Ах, вот как? – сказал я и взял в руки конверт. И тотчас узнал почерк. – Послушайте, Дживс, да ведь это же от тети Агаты!

– В самом деле, сэр?

– Не говорите так равнодушно. Разве вы не понимаете, что это для нас значит! Тетя просит меня присмотреть за этим умником, пока он гостит в Нью-Йорке. Господи, Дживс, да ведь если мне удастся его как следует ублажить, чтобы он отправил в Ставку благоприятный отзыв, я могу поспеть в Англию к началу Гудвудских скачек[5]. Так что сейчас, Дживс, «настало время, когда каждый честный человек должен прийти на помощь нашей партии». Нам следует сплотиться под знаменами и холить и лелеять этого типа, не жалея сил и средств.

– Да, сэр.

– Он не собирается долго задерживаться в Нью-Йорке, – продолжал я, дочитав письмо до конца. – Покатит в Вашингтон – хочет познакомиться с тамошними важными шишками, прежде чем начнет тянуть лямку на дипломатической ниве. Как вы считаете, сумеем мы завоевать любовь и уважение этого типа парой хороших обедов?

– Думаю, это как раз то, что требуется, сэр.

– Самое радостное событие за все время, как мы покинули Англию. Первый луч солнца сквозь тучи.

– Похоже на то, сэр.

Он стал доставать из шкафа мою одежду, и тут на минуту воцарилось неловкое молчание.

– Не эти носки, Дживс, – сказал я, весь внутренне напрягшись, но стараясь говорить небрежным, беззаботным тоном. – Дайте мне, пожалуйста, те, лиловые.

– Прошу прощения, сэр?

– Мои любимые лиловые носки, Дживс.

– Очень хорошо, сэр.

---

[5] Гудвуд – ипподром близ г. Чичестер, графство Суссекс.

Он извлек из ящика носки с брезгливостью вегетарианца, вынимающего гусеницу из салата. Видно было, что он принимает это очень близко к сердцу. Мне тоже было чертовски неприятно и больно, но ведь должен же человек хоть изредка настоять на своем, как вам кажется?

После завтрака Сирил так и не появился, я подождал несколько часов и в начале второго потащился в клуб «Барашки» предаваться радостям желудка в обществе некоего Джорджа Каффина, с которым я сдружился сразу же после приезда в Нью-Йорк, он пишет драмы и тому подобное. Вообще у меня в Нью-Йорке завелась уйма друзей: в этом городе полно симпатичных людей, наперебой протягивающих руку дружбы и помощи заезжему страннику.

Каффин немного запоздал, сказал, что задержался на репетиции своей музыкальной комедии «Спроси у папы». Мы принялись дружно работать ножами и вилками. Подошла уже очередь кофе, когда официант сообщил, что меня хочет видеть Дживс.

Дживс дожидался в вестибюле. Он с болью покосился на мои носки и отвел глаза.

– Вам только что звонил мистер Бассингтон-Бассингтон, сэр.

– Вот как?

– Да, сэр.

– И где он сейчас?

– В тюрьме, сэр.

Я пошатнулся и ухватился за стену. Чтобы такое случилось с протеже тети Агаты в первое же утро, как он прибыл под мое крылышко, – это уж, признаюсь…

– В тюрьме?

– Да, сэр. Он сообщил мне по телефону, что его арестовали и что он будет рад, если вы зайдете и внесете залог.

– Арестовали? За что?

– Он не соизволил поделиться со мной, сэр.

– Плохо дело, Дживс.

– Именно так, сэр.

Старина Джордж любезно вызвался поехать вместе со мной, мы впрыгнули в такси и рванули на выручку. В полицейском участке нас попросили подождать, и мы уселись на деревянную скамью в комнате, служившей чем-то вроде передней; наконец появился полицейский, а с ним – как я догадался – Сирил.

– Привет, привет, привет, – сказал я. – Ну как?

По личному опыту знаю, что человек, выходя из тюремной камеры, бывает, как правило, не в самом лучшем виде. В Оксфорде моей постоянной обязанностью было выкупать из кутузки приятеля, который в ночь после гребных гонок неизменно попадал за решетку, и он всегда выглядел как лягушка, по которой несколько раз прошлись бороной. Сирил вышел ко мне в плачевном состоянии: под глазом огромный синяк, воротник оторван – словом, картина такая, которую не станешь описывать в письме на родину, тем более если пишешь тете Агате. Сирил оказался тощим, долговязым юношей с копной светлых волос и слегка выпученными бледно-голубыми глазами, делавшими его похожим на диковинную глубоководную рыбу.

– Мне передали, что вы хотели меня видеть, – сказал я.

– А, так вы – Берти Вустер?

– Совершенно верно. А это мой приятель, Джордж Каффин. Пишет пьесы.

Мы обменялись рукопожатиями, а полицейский, достав комок жевательной резинки, припрятанной на черный день под сиденьем стула, отошел в угол комнаты и меланхолично уставился в пустоту.

– Что за дурацкая страна! – сказал Сирил.

– Ну, знаете ли, не знаю… вы просто не знаете! – сказал я.

– Мы стараемся, – сказал Джордж.

– Старина Джордж – американец, – пояснил я. – Пишет пьесы, и все такое – ну, вы понимаете.

– Конечно, не я эту страну выдумал, – сказал Джордж. – Это все Колумб. Но готов выслушать любые разумные предложения по ее усовершенствованию и довести до сведения соответствующих официальных лиц.

– Хорошо, скажите, отчего полицейские в Нью-Йорке не одеваются как положено?

Джордж осмотрел издали жующего полицейского.

– По-моему, все на месте.

– Я имел в виду, почему они не носят каску, как в Лондоне? Они же у вас одеты как почтальоны. Так нечестно. Сбивает с толку. Я мирно стою посреди мостовой, гляжу по сторонам, а тут подходит парень, по виду почтальон, и тычет меня в бок дубинкой. С какой стати я должен терпеть такое от почтальона? Стоило тащиться за три тысячи миль, чтобы почтальоны тыкали в тебя дубинкой!

– Протест принят, – сказал Джордж. – И что же вы сделали?

– Разумеется, пихнул его как следует! У меня ужасно вспыльчивый нрав. Все Бассингтон-Бассингтоны отличаются вспыльчивым нравом. В ответ он подбил мне глаз, приволок сюда и запер за решетку.

– Сейчас я все улажу, сынок, – сказал я, извлек из кармана бумажник и отправился на переговоры, оставив Сирила беседовать с Джорджем. Не стану отрицать, я был не на шутку встревожен, меня томили самые мрачные предчувствия. Пока этот фрукт околачивается в Нью-Йорке, я отвечаю за него головой, а у меня сложилось впечатление, что ни один разумный человек не согласился бы нести за него ответственность дольше пяти минут.

В тот вечер, вернувшись домой и выпив заключительную порцию виски, принесенную Дживсом на сон грядущий, я задумался о Сириле. Я не мог отделаться от предчувствия, что его первый визит в Америку грозит нам всем суровыми испытаниями. Я еще раз перечитал письмо тети Агаты. Не было никакого сомнения: по какой-то причине она покровительствует этому охламону и считает, что единственное мое предназначение на этом свете – грудью заслонять его от любых опасностей и невзгод во время пребывания на борту. Хорошо еще, что Сирил проникся к Джорджу Каффину, старина Джордж – парень благоразумный и осмотрительный. После того как я вызволил страдальца из темницы, Сирил и Джордж отправились на дневную репетицию «Спроси у папы», оживленно болтая на ходу, словно братья после долгой разлуки. Мне кажется, они даже договорились поужинать вместе. Пока за ним присматривает Джордж, я мог быть спокоен.

Мои размышления прервал Дживс, который принес мне телеграмму. Точнее, даже не телеграмму, а каблограмму, потому что она пришла из Англии от тети Агаты, и вот что в ней говорилось:

«Приходил ли к тебе Сирил Бассингтон-Бассингтон? Ни в коем случае не подпускай его близко к театру. Жизненно важно. Подробности письмом».

Я несколько раз перечитал текст.

– Все это очень странно, Дживс.

– Да, сэр.

– Странно и явно не к добру.

– Будут еще какие-нибудь распоряжения на сегодня, сэр?

Конечно, если он решил держать официальный тон, тут уж ничего не поделаешь. А я-то собирался показать ему телеграмму и попросить совета. Что ж, если он затаил такую смертель-

ную обиду из-за лиловых носков, железный принцип Вустеров – noblesse oblige[6] – не позволяет мне унижаться перед слугой. Ни за что на свете! Поэтому я не стал ему ни о чем рассказывать.

– На сегодня все, спасибо.

– Спокойной ночи, сэр.

– Спокойной ночи.

Он отчалил на покой, а я снова углубился в размышления. Я уже битых полчаса изо всех сил напрягал котелок, пытаясь разгадать скрытый смысл таинственной телеграммы, когда в прихожей раздался звонок. Я открыл дверь и увидел Сирила, который явно пребывал в приподнятом настроении.

– Я зайду ненадолго, если позволите, – сказал он. – Хочу сообщить одну забавную новость.

Он резво проскакал мимо меня в гостиную, и когда я, затворив входную дверь, последовал за ним, то увидел, что он читает письмо тети Агаты и как-то странно при этом похохатывает.

– Мне, конечно, не следовало его читать, но я случайно увидел свое имя и как-то незаметно прочел все остальное. Послушайте, дорогой мой Вустер… Я бы что-нибудь выпил, если вы не против. Большое спасибо и прочее… Да, насчет того, что я собирался вам рассказать, – это и впрямь ужасно забавно. Старина Каффин дал мне небольшую роль в своей музыкальной комедии «Спроси у папы». Совсем крошечную, конечно, но в целом, можно сказать, замечательную. Знаете, я готов прыгать от радости!

Он осушил свой стакан и продолжал, не обращая никакого внимания на то, что я при этом известии не прыгаю от радости и не кричу от счастья.

– Видите ли, я всю жизнь мечтал стать актером, – сказал он. – Но мой предок и слышать об этом не хочет. Стучит тростью и багровеет, как закат перед ветреной погодой, всякий раз, когда я завожу об этом речь. Вот почему, если хотите знать, я и поехал в Америку. В Лондоне я появиться на сцене не могу, кто-нибудь из знакомых меня обязательно засечет и настучит предку. Поэтому я пошел на хитрость: наплел ему, будто мне позарез нужно в Вашингтон – это, дескать, расширит мой кругозор. Ну а здесь мне бояться некого, путь открыт.

Я попытался урезонить дуралея:

– Но ведь рано или поздно ваш отец об этом узнает.

– Ну и пусть. К тому времени я стану звездой мировой величины, и ему просто нечем будет крыть.

– Вас-то, может быть, и нечем, а вот меня он наверняка будет крыть самыми последними словами.

– А вы-то здесь при чем? Какое вы к этому имеете отношение?

– Я познакомил вас с Джорджем Каффином.

– Верно, старина, именно вы. Я и забыл. Должен был с самого начала вас за это поблагодарить. Ну что ж – до свидания. Завтра мне с утра пораньше на репетицию «Спроси у папы», так что я поскакал. Забавно, что эта штука называется «Спроси у папы» – именно спрашивать у папы я и не собираюсь. Понимаете меня? Ну, хоп-хоп!

– Хоп-хоп, – печально отозвался я, и он исчез.

Я бросился к телефону и набрал номер Джорджа Каффина.

– Послушайте, Джордж, что это еще за история с Сирилом Бассингтон-Бассингтоном?

– Какая история?

– Он утверждает, что вы дали ему роль в своем спектакле.

– Дал. Всего несколько строк.

---

[6] Положение обязывает *(фр.)*.

– А я только что получил из дома пятьдесят семь телеграмм, где мне приказывают всеми правдами и неправдами и близко не подпускать его к сцене.

– Мне очень жаль. Сирил как раз тот типаж, что мне нужен для этой роли. Все, что от него требуется, – играть самого себя.

– Но, Джордж, старина, войдите в мое положение. Моя тетя прислала его ко мне с рекомендательным письмом, так что она потом с меня спросит.

– Вычеркнет из завещания?

– Тут дело не в деньгах. Но… впрочем, вы не знакомы с тетей Агатой, так что мне сложно вам объяснить. Дракула и Цезарь Борджиа – просто бойскауты по сравнению с моей тетей; когда я вернусь в Англию, она меня со света сживет. У нее ужасная манера заявляться без приглашения рано утром, когда я еще сплю, и читать натощак мораль.

– Ну так не возвращайтесь в Англию. Оставайтесь здесь – может, станете президентом.

– Но, Джордж, старичок…

– Спокойной ночи!

– Джордж, послушайте…

– Вы пропустили мою последнюю реплику. Я сказал: «Спокойной ночи!» Возможно, вам, Праздным Богачам, спать не обязательно, но мне к утру нужно быть бодрым и свежим. Будьте здоровы.

Мне стало очень горько: на всем свете у меня не осталось ни единого друга. Я был настолько подавлен, что не выдержал и постучал в дверь комнаты Дживса. Я никогда такого себе не позволяю, но мне казалось, что настало время, когда каждый честный человек должен прийти на помощь нашей партии, и Дживс мог бы сплотиться вокруг молодого хозяина, пусть даже для этого ему и придется прервать сладкий сон.

На пороге комнаты появился Дживс в коричневой пижаме.

– Сэр?

– Чертовски неловко будить вас, Дживс, но тут столько всего приключилось за последнее время.

– Я не спал, сэр. Поставил себе за правило: покончив со своими обязанностями, прочитывать перед сном несколько страниц какой-нибудь поучительной книги.

– И правильно поставили. Я хочу сказать, если вы только что закончили упражнять котелок, он должен быть в отличной форме, и вам не составит труда найти выход из положения. Дело в том, что мистер Бассингтон-Бассингтон решил стать актером.

– В самом деле, сэр?

– Ах, вы не знаете, в чем тут суть. Иначе не говорили бы так равнодушно. А дело вот в чем: его семья категорически против того, чтобы он пошел на сцену. Если ему не помешать, это обернется для всех неисчислимыми бедами и несчастьями. И, что хуже всего, тетя Агата обвинит в этом меня, понимаете?

– Понимаю, сэр.

– Вам не приходит в голову, каким образом можно было бы ему помешать?

– Пока, признаться, нет, сэр.

– Что ж, может, позже?

– Я постараюсь тщательно обдумать проблему, сэр. На сегодня все, сэр?

– Надеюсь, что все. Мне кажется, на сегодня я уже получил более чем достаточно.

– Хорошо, сэр.

И он скрылся за дверью.

Глава 10
Нарядный лифтер

Роль, которую Джордж дал Сирилу, умещалась на двух машинописных страничках, но бедняга вкладывал в работу над образом столько сил, словно ему предстоит играть по меньшей мере Гамлета. За первые два дня он декламировал мне свой текст не меньше двенадцати раз. При этом он отчего-то был искренне убежден, что встречает в ответ лишь восторженное восхищение, одобрение и сочувствие. Днем меня терзали мысли о том, что со мной сделает тетя Агата, а по ночам Сирил то и дело вырывал меня из сладкого забытья, чтобы узнать мое мнение о его очередной актерской находке; нетрудно догадаться, что скоро от меня осталась лишь тень. И все это время Дживс по-прежнему держался со мной очень холодно и отчужденно из-за лиловых носков. Вот такие невзгоды и старят человека, и у кипучей молодости начинают по-старчески дрожать коленки.

А тут еще подоспело письмо от тети Агаты. На первых шести страницах она расписывала переживания родных Сирила в связи с его намерением пойти в актеры, а на последующих шести подробно перечисляла, что именно она подумает, скажет и сделает, если я не сумею оградить ее протеже от пагубных соблазнов на Американском континенте. Письмо пришло с дневной почтой, и содержание его меня так напугало, что я не мог держать его в себе. Не в силах дожидаться, пока Дживс придет на мой звонок, я пулей понесся на кухню, жалобно блея, как осиротевший ягненок, и на всем скаку остановился на пороге: на кухне происходило что-то вроде званого чаепития. За столом сидел унылого вида малый, похожий на слугу, а рядом с ним мальчик в норфолкской куртке. Унылый пил виски с содовой, а мальчик алчно поглощал кусок кекса с джемом.

– Ах, извините, Дживс, – сказал я. – Неловко прерывать ваш праздник разума и пир духа, но…

И тут я почувствовал на себе взгляд мальчишки, прошивший меня навылет, точно пуля. Ну, вы знаете – такой холодный, враждебный и осуждающий взгляд, который заставляет проверить, не съехал ли у вас на сторону галстук. Так смотрят на дохлую крысу, которую кот притащил в дом после очередного турне по местным помойкам. Мальчик был не в меру толст, с веснушками по всему лицу, в настоящий момент сильно перепачканному джемом.

– Привет! Привет! Привет! – сказал я. – Что? – На этом мое красноречие иссякло.

Веснушчатый отрок все так же, не мигая, глядел на меня. Может быть, конечно, это он так выражал свою любовь, но мне лично показалось, что он обо мне очень низкого мнения и в будущем не ждет от меня ничего хорошего. По-моему, я ему был неприятен, как остывший гренок с сыром.

– Тебя как звать? – спросил он.

– Звать? А, как моя фамилия? Вустер.

– Мой папа богаче тебя!

После этого я, по-видимому, перестал для него существовать. Покончив со мной, он снова принялся за джем. Я повернулся к Дживсу:

– Послушайте, Дживс, можно вас на минутку? Мне надо вам кое-что показать.

– Хорошо, сэр.

Мы вместе прошли в гостиную.

– Это еще что за милый крошка, Дживс?

– Вы говорите о юном джентльмене, сэр?

– По-вашему, слово «джентльмен» ему подходит?

– Надеюсь, это не слишком большая вольность с моей стороны – пригласить его в дом, сэр?

– О нет, нисколько. Если у вас такое представление о приятном времяпрепровождении – ради бога.

– Я случайно встретил юного джентльмена, когда он гулял с отцовским лакеем, сэр, которого я близко знал в Лондоне, и я взял на себя смелость пригласить обоих на чашку чая.

– Ладно, бог с ним, Дживс. Взгляните лучше на это.

Он пробежал письмо глазами от начала до конца.

– Да, весьма неприятно, сэр. – Вот и все, что он счел нужным сказать.

– Что будем делать?

– Жизнь может сама подсказать решение.

– Но может и не подсказать, верно?

– Совершенно верно, сэр.

Тут раздался звонок в дверь. Дживс растаял в воздухе, а в гостиную ввалился Сирил, излучая безудержное веселье и радость бытия.

– Вустер, старина, – сказал он. – Мне нужен ваш совет. Вы же хорошо знаете мою роль, верно? Какой мне выбрать костюм? В первом акте действие происходит в отеле, время – три часа дня. Что мне надеть, как вы думаете?

Я был совершенно не в настроении обсуждать с ним детали мужского туалета.

– Лучше поговорите на эту тему с Дживсом, – сказал я.

– Отличная мысль! А где он?

– Думаю, вернулся на кухню.

– Тогда, может быть, я позвоню? Вы не возражаете?

– Валяйте.

В гостиную бесшумно вплыл Дживс.

– Послушайте, Дживс, – начал Сирил. – Мне нужен ваш совет. Дело в том, что… Привет! Кто это?

Тут я заметил, что вслед за Дживсом в гостиную проник толстый мальчик и смотрит на Сирила с таким выражением, как будто самые худшие его опасения подтвердились. Стало тихо. С минуту ребенок внимательно разглядывал Сирила, потом огласил свой вердикт:

– Рыба!

– А? Что? – сказал Сирил.

Мальчик, которого, как видно, с младых ногтей приучили говорить правду и ничего, кроме правды, охотно пояснил, что именно он имеет в виду:

– У тебя рожа рыбья.

Сказано это было скорее с жалостью, чем в осуждение, что было, я считаю, благородно с его стороны. Я, например, когда смотрю на Сирила, не могу отделаться от мысли, что ответственность за такое лицо несет главным образом он сам. В моей душе впервые шевельнулось теплое чувство к юному правдолюбцу. Нет, в самом деле. Разговор начинал доставлять мне удовольствие.

Прошло несколько секунд, прежде чем до Сирила дошел смысл сказанного устами младенца, и тогда мы услышали, как закипела кровь Бассингтон-Бассингтонов.

– Черт меня побери! – сказал он. – Будь я проклят!

– Я бы не согласился иметь такое лицо, – продолжал мальчик с подкупающей искренностью в голосе, – даже за миллион долларов. – Он немного подумал и удвоил цену: – Даже за два миллиона долларов!

Что произошло после этого, точно описать не берусь, но события развивались с ошеломляющей быстротой. По-видимому, Сирил бросился на ребенка. Во всяком случае, воздух был явно перенасыщен мельканьем рук, ног и неопознанных предметов. Что-то сильно ударило меня чуть ниже третьей жилетной пуговицы, я рухнул на канапе и потерял интерес к происхо-

дящему. Восстав из пепла, я обнаружил, что Дживс с мальчишкой уже ретировались с поля боя, а Сирил стоит посреди комнаты и сердито фыркает.

– Вустер, откуда взялся этот возмутительный наглец?

– Понятия не имею. Никогда его прежде не видел.

– Я успел-таки влепить ему пару горячих, прежде чем он сбежал. Послушайте, Вустер, этот мальчишка сказал одну чертовски странную вещь. Он заявил, будто Дживс пообещал дать ему доллар, если он назовет меня… ну, словом, скажет то, что он сказал.

Мне это показалось совершенно неправдоподобным.

– С чего бы вдруг?

– Да, мне это тоже показалось странным.

– Зачем это Дживсу?

– Мне тоже непонятно.

– Дживсу-то что до того, какая у вас физиономия?

– Верно, – сказал он, как мне показалось, довольно холодно. Почему – не знаю. – Ладно, я поскакал. Хоп-хоп!

– Хоп-хоп!

Примерно через неделю после этого странного происшествия мне позвонил Джордж Каффин и пригласил на прогон спектакля. Премьера «Спроси у папы» должна была состояться в Скенектеди в следующий понедельник, а сейчас это что-то вроде предварительной генеральной репетиции. Предварительная генеральная репетиция, объяснил мне старина Джордж, то же самое, что и настоящая генеральная репетиция, и заканчивается, как правило, далеко за полночь. Только еще интереснее, чем настоящая, добавил он: время прогона не ограничено, и все участники спектакля, которые накануне премьеры всегда сильно возбуждены, имеют возможность высказывать все, что они друг о друге думают; короче говоря, удовольствие получают все без исключения.

Прогон был назначен на восемь, поэтому я подрулил в начале одиннадцатого, чтобы не слишком долго ждать начала. И оказался прав. Джордж еще торчал на сцене и что-то обсуждал с каким-то типом в рубашке; рядом стоял еще один – в огромных очках, с круглым брюшком и абсолютно лысым черепом. Я его уже раза два видел вместе с Джорджем в клубе и знал, что это их директор Блюменфилд. Я помахал Джорджу и сел в последний ряд, чтобы не подвернуться кому-нибудь под горячую руку, когда начнут выяснять отношения. Потом Джордж спрыгнул со сцены в зал и подсел ко мне, сравнительно скоро после этого опустили занавес. Пианист, как умел, отбарабанил несколько вступительных тактов, и занавес подняли снова.

Сюжета «Спроси у папы» я не помню, могу только сказать, что действие вполне успешно развивалось и без Сирила. Сначала я был этим сильно озадачен. Наслушавшись, как Сирил зубрит свою роль и высказывает глубокомысленные соображения о подходе к такому-то месту и о трактовке такого-то образа, я вообразил, что Сирил и вправду становой хребет спектакля, а остальные члены труппы выходят лишь для того, чтобы как-то заполнить паузы, когда его нет на сцене. Я добрых полчаса ждал его выхода, пока не обнаружил, что он с самого начала находился на подмостках: я узнал его в странном, криминального вида субъекте, который стоит, прислонившись к пыльной кадке с пальмой, и с сочувственным видом слушает, как главная героиня поет про то, что любовь похожа на что-то там, сейчас уж не помню, на что именно. А после второго куплета он принялся приплясывать вместе с десятком других, столь же нелепых уродцев. Жуткое зрелище – я живо представил себе, как тетя Агата расчехляет свой томагавк, а Бассингтон-Бассинггон-старший натягивает подбитые гвоздями сапоги, чтобы дать мне хорошего пинка пониже спины. Едва пляска закончилась и Сирил со товарищи уволоклись за кулисы, как из темноты справа от меня прозвучал звонкий голос:

– Папа!

Блюменфилд хлопнул в ладоши, и главный герой, начавший монолог, сконфуженно умолк. Я вгляделся в полутьму зала и узнал того самого веснушчатого парнишку, Дживсова знакомца. Руки в карманах, он вразвалочку шел по проходу с таким видом, словно он тут хозяин. Все почтительно затихли.

– Папа, – громко произнес веснушчатый, – этот номер не годится.

Старый Блюменфилд нежно улыбнулся.

– Тебе не нравится, дорогой?

– С души воротит.

– Ты совершенно прав.

– Тут требуется что-то позабористее. Побольше перца!

– В самую точку, мой мальчик. Я себе помечу. Хорошо. Поехали дальше!

Я повернулся к Джорджу, который что-то раздраженно пробормотал себе под нос.

– Скажите, старина, это еще что за чудо природы?

В ответ Джордж издал глухой страдальческий стон.

– Вот принесла нелегкая! Это сын Блюменфилда. Теперь он нам устроит веселую жизнь!

– Он что, всегда тут распоряжается?

– Всегда.

– Но почему Блюменфилд его слушает?

– Этого никто не знает. Может, из-за слепой родительской любви, а может, он смотрит на мальчишку как на талисман, который приносит удачу спектаклю. А скорее всего, он считает, что у его чада умственное развитие как у среднего зрителя и то, что нравится ему, будет пользоваться успехом у публики. И наоборот, что не одобрил его сын, то и никому в зале не придется по вкусу. Это не мальчишка, а настоящая моровая язва, ехидна и ядовитая гадина, я готов задушить его собственными руками.

Репетиция продолжалась. Главный герой отбарабанил свой монолог. Затем последовала короткая, но страстная перепалка между помощником режиссера и голосом по имени Билл, звучавшим откуда-то с верхотуры, на тему: «Когда Билл, черт бы его совсем побрал, научится вовремя давать желтый?» После чего спектакль возобновился и шел без особых приключений до тех пор, пока не настала очередь сцены, в которой играл Сирил.

Я по-прежнему смутно представлял себе сюжет пьесы, но, насколько я понял, Сирил изображал английского пэра, приехавшего в Америку – по-видимому, из самых лучших побуждений. До этого момента он произнес на сцене всего две реплики. Первая была: «Но послушайте!» – а вторая: «Да, черт возьми!» – но, насколько я помнил по тому, что он при мне декламировал, ему вскоре предстояло показать себя во всей красе. Я откинулся в кресле и стал ждать, когда он вырвется на авансцену.

И через пять минут действительно вырвался. К этому времени на сцене бушевали нешуточные страсти. «Голос» и помощник режиссера повторили «ссору влюбленных» – теперь на тему: «Почему этот чертов Билл не переключает на голубой?» Вслед за этим с карниза свалился цветочный горшок и чудом не раскроил череп главному герою. Короче говоря, когда Сирил, который до этого болтался где-то на заднем плане, выкатился в центр сцены и занял стартовую позицию для своего главного забега, атмосфера была накалена не на шутку. Героиня что-то там такое проговорила по тексту пьесы, не помню что, и вся труппа с Сирилом во главе радостно заскакала вокруг, как полагается перед началом очень редкого номера.

Первая реплика Сирила была: «О нет, нет, не говорите так!», и, на мой взгляд, он выкрикнул ее достаточно энергично, напористо и вообще. Но не успела героиня открыть рот для ответной тирады, как наш веснушчатый приятель снова поднялся, чтобы заявить протест:

– Папа!

– Да, дорогой?

– Вот тот никуда не годится.

– Который из них, дорогой?

– Этот, с рыбьей рожей.

– Но там у всех рыбьи рожи, дорогой.

Мальчик вынужден был признать справедливость этого замечания. Поэтому он уточнил:

– Вон тот урод.

– Какой урод? Вот этот? – спросил Блюменфилд, указывая пальцем на Сирила.

– Ага. Полная бездарь.

– Мне и самому так показалось.

– Меня от него просто тошнит.

– Ты, как всегда, прав, мой мальчик. У меня точно такое же чувство.

Пока они обменивались репликами, Сирил слушал разинув рот. Теперь он выбежал на авансцену. Даже с того места, где я сидел, было видно, что грубые слова нанесли фамильной гордости Бассингтон-Бассингтонов чувствительный удар. У него покраснели уши, потом нос, потом щеки, и через четверть минуты он стал похож на человека, уцелевшего после взрыва на фабрике томатной пасты.

– Что это значит, черт побери?

– А это что значит, черт побери? – закричал Блюменфилд. – Кто вам позволил орать на меня со сцены?

– Честно говоря, я подумываю, не спуститься ли в зал и не отшлепать ли мне этого маленького нахала!

– Что!

– Всерьез подумываю.

Блюменфилд начал раздуваться, словно кто-то накачивал его насосом, и стал еще больше похож на шар.

– Послушайте, мистер… не знаю, как вас там…

– Бассингтон-Бассингтон, а древний род Бассингтон-Бассингтонов… мы, Бассингтон-Бассингтоны, не привыкли, чтобы…

Блюменфилд в краткой, но доходчивой форме изложил ему все, что он думает о Бассингтон-Бассингтонах и об их привычках. Послушать их собралась вся труппа, актеры явно получали огромное удовольствие. Одни с любопытством выглядывали из-за кулис, другие высовывались из-за бутафорских деревьев.

– Ты должен стараться, если хочешь работать на моего папу, – произнес толстый отрок и укоризненно покачал головой.

– Какая неслыханная наглость! – закричал Сирил срывающимся голосом.

– Что такое? – рявкнул Блюменфилд. – Вы что, не понимаете, что он – мой сын?

– Прекрасно понимаю, – сказал Сирил. – И приношу вам обоим соболезнования.

– Вы уволены, – завопил Блюменфилд, раздуваясь еще больше прежнего. – Вон из моего театра!

На следующее утро, примерно в половине одиннадцатого, когда я уже успел прополоскать гортань чашкой доброго «Оолонга», в спальне бесшумно возник Дживс и сообщил, что в гостиной меня дожидается Сирил.

– Ну и как он на вид, Дживс?

– Я полагаю, мне не пристало критиковать внешность ваших друзей, сэр.

– Я не это имею в виду. Я хотел спросить, показался ли он вам раздраженным, обиженным и все такое.

– Я бы не сказал, сэр. Он выглядит вполне спокойным.

– Странно!

– Сэр?

– Ничего. Пригласите его сюда, пожалуйста.

По правде говоря, я ожидал, что вчерашний скандал не пройдет для него без следа, и готовился увидеть потухший взгляд, дрожащие пальцы и так далее. Но Сирил выглядел как обычно и, казалось, даже пребывал в прекрасном расположении духа.

– Вустер, старина, здравствуйте.

– Привет!

– Зашел с вами попрощаться.

– Попрощаться?

– Да. Через час уезжаю в Вашингтон. – Он присел на кровать. – Знаете что, дружище, – продолжал он. – Я вчера долго думал и решил, что поступлю несправедливо по отношению к моему предку, если стану актером. Как вам кажется?

– Прекрасно вас понимаю.

– Я хочу сказать, ведь он отправил меня в Америку, чтобы я расширил свой кругозор и все такое прочее, и я не могу отделаться от мысли, что старик был бы в шоке, если бы я его наколол и поступил на сцену. Не знаю, согласитесь вы со мной или нет, но, по-моему, это вопрос элементарной порядочности.

– А ваш отказ от участия в спектакле не сорвет премьеру?

– Да нет, думаю, они как-нибудь обойдутся. Я все объяснил старине Блюменфилду, и он со мной согласился. Конечно, ему очень жаль со мной расставаться: он сказал, что не представляет, кто сможет меня заменить; но, с другой стороны, даже если мой уход и создаст ему проблемы, мне кажется, я поступаю правильно. А вы как считаете?

– Я того же мнения.

– Я был уверен, что вы со мной согласитесь. Что ж, мне пора. Ужасно рад был познакомиться с вами, и все такое прочее. Хоп-хоп!

– Хоп-хоп!

И он отчалил. Самое удивительное, что всю эту лапшу он навешивал мне на уши, с подкупающей искренностью глядя на меня своими детскими голубыми навыкате глазами. После вчерашних событий я поднапряг котелок, и мне стало многое понятно.

– Дживс!

– Сэр?

– Это ведь вы натравили блюменфилдского отпрыска на мистера Бассингтон-Бассингтона?

– Сэр?

– Вы прекрасно понимаете, о чем я. Это вы подучили его сделать так, чтобы мистера Бассингтон-Бассингтона выставили из труппы?

– Я бы ни за что на свете не позволил себе такой вольности, сэр. – Он принялся доставать из шкафа мою одежду. – Возможно, юный Блюменфилд догадался по некоторым моим случайным замечаниям, что я не считаю профессию актера подходящей карьерой для мистера Бассингтон-Бассингтона.

– Знаете, Дживс, вы просто чудо.

– Всегда готов сделать для вас все, что в моих силах, сэр.

– Я вам чертовски обязан, Дживс. Если бы нам не удалось отвадить его от сцены, тетя Агата сожрала бы меня вместе с потрохами, верхней одеждой и обувью.

– Я полагаю, некоторые трения и эксцессы и вправду могли бы иметь место, сэр. Я приготовил для вас синий костюм в тонкую красную полоску, сэр. По-моему, это именно то, что требуется.

Я позавтракал и отправился прогуляться, но, дойдя до лифта, вспомнил, как именно я собирался вознаградить Дживса за неоценимую помощь в этой дурацкой истории с Сирилом.

Хотя сердце мое и обливалось кровью при мысли о предстоящей потере, я решил уступить Дживсу и навсегда расстаться с лиловыми носками. В конце концов, в жизни бывают моменты, когда человек обязан идти на жертвы. Я хотел было вернуться, чтобы объявить ему благую весть, но тут подошел лифт, и я решил, что сделаю это после прогулки.

Чернокожий парнишка-лифтер взглянул на меня с выражением тихой преданности и обожания.

– Хочу поблагодарить вас за вашу доброту, сэр, – сказал он.

– А? Что?

– Мистер Дживс передал мне лиловые носки, как вы ему велели. Большое вам спасибо, сэр.

Я взглянул на его нижние конечности. От верхнего края щиколоток до ботинок разливалось упоительное лиловое сияние. Никогда в жизни не видел ничего прекраснее.

– А, ну да… Пожалуйста… Рад, что они вам нравятся, – сказал я.

Ну что тут скажешь, а? Вот именно.

Глава 11
Товарищ Бинго

Все началось в Гайд-парке, в той его части, где по воскресеньям собираются чудаки всех мастей и оттенков и произносят длинные речи, взгромоздившись на ящик из-под мыла. Я редко туда захожу, но случилось так, что в первое воскресенье после моего возвращения в милый старый Лондон я отправился навестить знакомых на Манчестер-сквер; чтобы не прийти раньше условленного срока, я сделал небольшой крюк и попал в самую гущу.

Сейчас Британская империя уже не та, что прежде, и парк в воскресный день представляется мне истинным сердцем Лондона. Я хочу сказать, что именно здесь изгнанник, возвратившись в родные пенаты, осознает, что он действительно в Англии. После вынужденных каникул в Нью-Йорке я с удовольствием вдыхал сладкий дым отечества. Приятно было слушать, как они все разглагольствуют, и радоваться, что все закончилось благополучно и Бертрам снова дома.

В дальнем конце поляны группа миссионеров в цилиндрах готовилась к службе на открытом воздухе, слева распинался атеист, красноречиво, но немного гундосо, поскольку у него была заячья губа; а впереди собрались по-настоящему серьезные мыслители со знаменем, на котором значилось: «Провозвестники красной зари», и в момент моего прихода один из провозвестников – бородатый тип в твидовом костюме и надвинутой на брови шляпе – задавал такого жару Праздным Толстосумам, что я поневоле остановился послушать. И тут рядом со мной раздался чей-то голос:

– Мистер Вустер?

Предо мной стоял какой-то толстяк. Сперва я не мог сообразить, кто он такой. Потом вспомнил: это дядя моего друга Бинго, мистер Литтл, у которого я как-то обедал еще в то время, когда Бинго был влюблен в официантку из забегаловки на Пиккадилли. Неудивительно, что я его не сразу узнал. Когда мы в последний раз виделись, это был неряшливо одетый пожилой господин, спустившийся в столовую в шлепанцах и мятом вельветовом пиджаке, тогда как теперь моим глазам предстал в пух и прах разодетый франт. Шелковый цилиндр, сверкающий на солнце, щегольская визитка, бледно-лиловые короткие гетры и клетчатые брюки по последней моде. Элегантный до умопомрачения.

– Добрый день, – сказал я. – Как здоровье?

– Я нахожусь в прекрасном здравии, благодарю вас. А вы?

– В полном порядке. Только что вернулся из Америки.

– А, понимаю! Собирали материал для нового романа?

– Как? – Мне потребовалось время, прежде чем я понял, что он имеет в виду. – Нет-нет, – сказал я. – Просто захотелось ненадолго сменить обстановку. А как поживает Бинго? – поспешил я задать вопрос, чтобы отвлечь его от моего литературного творчества.

– Бинго?

– Ваш племянник.

– Ах, Ричард. Мы редко видимся в последнее время. После моей женитьбы у нас довольно прохладные отношения.

– Мне очень жаль. Значит, с тех пор как мы в последний раз виделись, вы вступили в брак? Как здоровье миссис Литтл?

– Моя жена также в самом добром здравии. Только… она не миссис Литтл. Недавно нашему всемилостивейшему монарху было угодно отметить меня высочайшим знаком своей милости, пожаловав мне звание пэра. После публикации последнего «Списка» я стал лордом Битлшемом.

– Что вы говорите! В самом деле? Что ж, мои самые горячие поздравления. Прекрасная новость! – сказал я. – Лорд Битлшем… Так, выходит, вы – владелец Морского Ветерка?

– Да. Женитьба открыла мне новые горизонты. Жена увлекается скачками, и я теперь держу небольшую конюшню. Как мне объяснили, у Морского Ветерка неплохие шансы на победу в конце этого месяца на ипподроме Гудвуд, неподалеку от суссекской резиденции герцога Ричмонда.

– Гудвудский кубок! Ну как же! Я собираюсь поставить последнюю рубашку на вашу лошадь.

– В самом деле? Надеюсь, она оправдает ваше доверие. Сам я далек от этих материй, но, если верить жене, по мнению знатоков, моя лошадь – то, что в этих кругах называют «верняк».

Тут я обратил внимание, что публика с интересом оборачивается в нашу сторону, а бородач указывает на нас пальцем.

– Нет, вы только полюбуйтесь на них! Присмотритесь к ним внимательно! – вопил он, перекрывая голос гундосого атеиста и полностью заглушая молитвы миссионеров. – Перед вами типичные представители класса, который веками угнетал трудящихся. Праздные! Не производящие материальных ценностей! Взгляните на того, длинного и тощего, у которого рожа как у паяца. Проработал ли он за свою жизнь хотя бы один день? Нет! Паразит, бездельник, кровопийца! Готов поспорить, что он до сих пор не заплатил портному за эти шикарные брючки!

Сказать по правде, мне не понравилось, что он перешел на личности, его манера начинала меня раздражать. Старик Битлшем, напротив, слушал его с явным удовольствием и интересом.

– Да, в выразительности им не откажешь, – довольно хмыкнул он. – Очень ядовито.

– А второй, толстяк? – не унимался бородатый. – Вы только посмотрите на него! Знаете, кто это? Лорд Битлшем! Один из самых злостных. Что он делал всю свою жизнь, кроме того, что набивал себе брюхо с утра до вечера? Его бог – это его утроба, и лишь этому богу он приносит жертвы четыре раза в день. Если вскрыть ему сейчас брюхо, там найдется достаточно пищи, чтобы прокормить десяток рабочих семей в течение недели.

– А вот это действительно неплохо сказано, – заметил я, но старикан, по-видимому, не разделял моего мнения. Он побагровел и забулькал, словно закипающий чайник.

– Уйдемте отсюда, мистер Вустер, – сказал он. – Я всегда стоял и стою за свободу слова, но положительно не желаю слушать грубую брань.

И мы молча, но с достоинством удалились, а этот тип продолжал выкрикивать нам вслед все новые оскорбительные замечания. Я чувствовал себя чертовски неуютно.

На следующий день я заглянул в клуб и в курилке встретил Бинго.

– Привет, Бинго, – сказал я и подсел к нему, преисполненный самых теплых чувств: я был искренне рад видеть этого дуралея. – Ну, как ты?

– Перебиваюсь помаленьку.

– Видел вчера твоего дядю.

Широчайшая улыбка поделила лицо Бинго на две неравные части.

– Я знаю, что ты с ним встречался, бездельник. Что ж, садись, старина, попей крови. Ну, что нового, паразит из числа господствующих классов?

– Господи! Но ведь тебя же там не было!

– А вот и был.

– Я тебя не видел.

– Видел – да не узнал, меня скрывала пышная растительность.

– Растительность?

– Борода, мой мальчик. Я за нее недешево заплатил, но она того стоит. С этой бородой я становлюсь совершенно неузнаваемым. Противно, правда, что в бороде застревают хлебные крошки и прочее, но тут уж ничего не поделаешь.

Я удивленно на него уставился.

– Ничего не понимаю!

– Это долгая история. Закажи себе мартини или стаканчик крови с содовой, и я тебе все расскажу. Но прежде скажи мне, только честно: приходилось ли тебе видеть более красивую девушку?

И жестом фокусника, достающего кролика из шляпы, он невесть откуда извлек фотографию и помахал ею у меня перед носом. Я успел разглядеть лишь старательно вытаращенные глаза и улыбку, демонстрирующую больше зубов, чем требуется человеку в повседневной жизни.

– Боже милосердный, – сказал я. – Ты что, опять влюбился?

Я заметил, что мои слова его задели.

– Что значит «опять»?

– По самым скромным подсчетам, с весны ты был влюблен не менее шести раз, а сейчас лишь июль. Сначала официантка, потом Гонория Глоссоп, потом…

– Фу! Я бы даже сказал «фи»! Что значат все эти девицы! Не более чем минутное увлечение. На этот раз речь идет о настоящем чувстве.

– Где ты с ней познакомился?

– На империале автобуса. Ее зовут Шарлотта Корде Роуботем.

– О господи!

– Она в этом не виновата, бедняжка! Так ее окрестил отец, он сторонник революции, а та, настоящая Шарлотта Корде занималась, оказывается, тем, что закалывала тиранов в ванне, за что ее полагается любить и уважать. Берти, ты обязательно должен познакомиться со стариной Роуботемом. Милейший старикан. Мечтает перерезать всех буржуев, разграбить Парк-лейн и выпустить кишки потомственной аристократии. Вполне справедливое желание, верно? Но вернемся к Шарлотте. Мы оказались вместе на империале автобуса, внезапно пошел дождь. Я предложил ей свой зонт, мы немного поболтали о том о сем. Я влюбился в нее, узнал, где она живет, а через пару дней купил фальшивую бороду и полетел знакомиться с ее семейством.

– Но при чем тут борода?

– Еще в автобусе она рассказала мне о своем отце, и я понял, что, если хочу добиться его расположения, мне нужно вступить в эту чертову «Красную зарю», и, если придется произносить обличительные речи в парке, где в любой момент можно встретить кого-нибудь из знакомых, нужна маскировка. Ну, я и купил бороду. Ты не поверишь, старик, но я к ней, можно сказать, привязался. Когда я ее снимаю, чтобы, например, пойти в клуб, то чувствую себя просто голым. И в глазах Роуботема я выиграл благодаря бороде. Он думает, что я большевик и скрываюсь от полиции. Ты, Берти, и вправду должен познакомиться со стариной Роуботемом. Послушай, у тебя есть на сегодня какие-то планы?

– Вроде нет. А что?

– Отлично! Тогда мы все завалимся к тебе на чай. Я обещал отвести всю ораву в народное кафе после митинга, а теперь мне удастся сэкономить; и поверь, дружище, в моем положении сейчас не сэкономишь – не проживешь. Мой дядя сказал тебе, что он женился?

– Да. Говорит, у вас с ним прохладные отношения.

– Прохладные? Да я просто на нуле! С тех пор как дядя женился, он буквально сорит деньгами и тратит их бог знает на что, а экономит на мне. Думаю, покупка звания пэра обошлась старому дурню в кругленькую сумму. Мне говорили, сейчас даже за баронета надо выложить прорву денег. А он еще завел скаковых лошадей. Кстати, можешь смело ставить последний шиллинг на Морского Ветерка на Гудвудских скачках. Стопроцентный верняк.

– Я так и собираюсь.

– Тут промаха быть не может. Рассчитываю выиграть достаточно денег, чтобы жениться на Шарлотте. Ты ведь поедешь в Гудвуд?

– А как же!

– Мы тоже. Собираемся провести митинг прямо на ипподроме.

– Послушай, зачем так рисковать? Твой дядя наверняка будет в Гудвуде. А вдруг он тебя узнает? Он же просто рассвирепеет, если обнаружит, что ты и есть тот наглец, который честил его в парке.

– С чего это он вдруг меня узнает? Ты пошевели мозгами: несчастный паразит, живущий за счет красных кровяных телец трудового народа. Если он вчера меня не узнал, почему он должен узнать меня в Гудвуде? Что ж, спасибо за любезное приглашение, старина. Мы его с удовольствием принимаем. Как говорится, дай, и тебе воздастся… Кстати, тебя, быть может, ввело в заблуждение слово «чай». Не думай, что тебе удастся отделаться тонюсенькими ломтиками хлеба с маслом. Мы – дети революции и отсутствием аппетита не страдаем. Нам подавай яичницу, оладьи, ветчину, джем, кексы и сардины. Мы будем у тебя ровно в пять.

– Но, погоди… Я не уверен, что…

– Уверен, уверен… Как ты не понимаешь, глупая твоя голова, что тебе это здорово пригодится, когда грянет революция? Если на Пиккадилли ты нарвешься на старину Роуботема с окровавленным ножом в каждой руке, ты сможешь ему напомнить, что когда-то угощал его сардинами. Нас будет четверо – Шарлотта, я, старик Роуботем и товарищ Бат. Боюсь, от него отделаться не удастся.

– Какой еще, к черту, товарищ Бат?

– Ты заметил вчера типа слева от меня? Такой плюгавый сморчок. Похож на вяленую треску на последней стадии туберкулеза. Это и есть Бат. Мой соперник, черт бы его побрал. Он вроде как помолвлен с Шарлоттой. До моего прихода занимал вакантную роль сказочного принца. У него голос как пароходная сирена, старик Роуботем о нем очень высокого мнения. Но я буду не я, если не обойду этого Бата на повороте и не оставлю его с носом. Хоть голос у него зычный, ему не хватает выразительности. В свое время я был рулевым на оксфордской восьмерке и по части выражений дам фору любому. Ладно, мне пора бежать. Послушай, не знаешь случайно, где можно раздобыть пятьдесят фунтов?

– Может, попробовать заработать?

– Заработать? – удивленно спросил Бинго. – Мне? Нет, надо придумать что-нибудь получше. Мне позарез нужно поставить пятьдесят монет на Морского Ветерка. Ладно, до завтра. Будь здоров, старичок, и не забудь про оладьи.

Не знаю отчего, но еще со школьных лет, с первого дня нашего знакомства, я постоянно чувствую ответственность за Бинго. Ведь он мне – слава богу – не сын, не брат и даже не дальний родственник. У меня нет перед ним никаких обязательств, и тем не менее вот уже многие годы я нянчусь с ним, как курица с цыплятами, и то и дело вызволяю из неприятностей. Видимо, дело в благородстве моей натуры. Его последнее увлечение меня не на шутку встревожило. Во-первых, он собирается породниться с семейством явных психов, а во-вторых, как, черт его подери, не имея ни гроша за душой, он собирается прокормить жену, пусть даже умственно неполноценную? Если Бинго и вправду женится, старик Битлшем тотчас лишит его содержания, а лишить содержания такого охламона – это все равно что раскроить ему топором череп.

Вот почему, вернувшись домой, я позвал Дживса.

– Дживс, – сказал я, – у меня к вам просьба.

– Сэр?

– Меня беспокоит мистер Литтл. Не буду вам пока ничего говорить, завтра он приведет к чаю своих друзей, и тогда вы сами поймете, в чем дело. Все, что от вас требуется, – это внимательно наблюдать и делать выводы.

– Хорошо, сэр.

– И вот еще что: припасите побольше оладий.

– Да, сэр.

– Нам потребуются также джем, ветчина, кексы, яичница и пять или шесть вагонов сардин.

– Сардин, сэр? – содрогнулся Дживс.

– Сардин.

Последовало неловкое молчание.

– Не вините меня, Дживс, – сказал я. – Видит бог, я тут ни при чем.

– Понимаю, сэр.

– Такие вот дела.

– Да, сэр.

Видно было, что он не на шутку озадачен.

Я давно заметил, что когда ждешь чего-то ужасного, на деле, как правило, все оказывается не так уж скверно; однако в случае с чаепитием, устроенным в честь Бинго и его друзей, это правило не сработало. С той самой минуты, как Бинго навязался ко мне в гости, меня томили самые мрачные предчувствия, и, увы, они оправдались. Самое чудовищное в этой истории было то, что в первый раз за время нашего знакомства мне довелось наблюдать, как Дживс едва не потерял самообладание. Даже в самой крепкой броне имеются щели, и Дживс чуть с копыт не слетел, когда в дверях появился Бинго в каштановой бороде по пояс. Я забыл предупредить Дживса насчет бороды, и от неожиданности удар оказался особенно сокрушительным. Челюсть у него отвисла, он ухватился за край стола. Что меня лично нисколько не удивляет. Мне в жизни не приходилось видеть более омерзительного зрелища, чем бородатый Бинго. Дживс слегка побледнел; потом огромным усилием воли ему удалось овладеть собой. Но я видел, что он потрясен.

Бинго был слишком занят, представляя членов своей шайки, и ничего не заметил. Живописная у нас собралась компания, ничего не скажешь. Товарищ Бат был похож на гриб той особой разновидности, что появляются на мертвых деревьях после дождя. Для описания старика Роуботема я бы употребил эпитет «траченный молью». А Шарлотта показалась мне существом из страшного, потустороннего мира. Не скажу даже, что она была особенно некрасива. Если бы она исключила из рациона блюда с повышенным содержанием крахмала и начала заниматься шведской гимнастикой, то, наверное, могла бы стать вполне ничего. Но ее было слишком много. «Пышнотелая» и «не в меру упитанная» – вот подходящие для нее определения. Возможно, у нее было золотое сердце, но первое, что бросалось в глаза, – это золотые зубы. Я знал, что, когда Бинго находится в хорошей форме, он в состоянии влюбиться чуть ли не в любую особу женского пола, но на этот раз я не в силах был найти никаких смягчающих обстоятельств.

– А это мой друг, мистер Вустер, – сказал Бинго, завершая церемонию знакомства.

Роуботем посмотрел на меня, потом внимательно оглядел гостиную, и видно было, что и то и другое произвело на него не слишком приятное впечатление. Нельзя сказать, чтобы моя квартира была обставлена с восточной роскошью, но мне удалось сделать ее достаточно уютной, и, очевидно, именно это ему и не понравилось.

– Мистер Вустер? – спросил Роуботем. – А могу я называть вас «товарищ Вустер»?

– Простите?

– Разве вы не член нашего движения?

– Ну… э-э-э…

– Но вы всем сердцем сочувствуете революции?

– Не сказал бы, что всем. Ведь суть революции в том, чтобы перерезать горло таким, как я, а меня такая перспектива не устраивает.

– Я над ним работаю, – вмешался Бинго. – Я с ним борюсь. Еще несколько сеансов, и он – наш.

Старик Роуботем с некоторым сомнением взглянул на меня.

– Товарищ Литтл обладает незаурядным красноречием, – признал он.

– Он просто чудо как говорит, – сказала девушка, и Бинго взглянул на нее с таким обожанием, что я чуть не треснул его по лбу от досады. И товарища Бата это замечание изрядно расстроило. Он хмуро уставился на ковер и пробормотал что-то насчет игры с огнем.

– Кушать подано, сэр, – объявил Дживс.

– Кушать, папа! – встрепенулась Шарлотта, точно старая полковая лошадь при звуке кавалерийской трубы; и все поскакали к столу.

Забавно, как люди меняются с годами. В школьные годы я без колебаний отдал бы свою бессмертную душу за яичницу и сардины в пять часов пополудни; но в более зрелом возрасте мой аппетит поутих; должен признаться, я был потрясен, когда увидел, с каким пылом дети революции принялись метать в рот все, что было на столе. Даже товарищ Бат позабыл на время про свою печаль и был целиком поглощен яичницей, выныривая на поверхность лишь для того, чтобы попросить еще чашку чая. Вскоре у нас вышел весь кипяток, и я повернулся к Дживсу:

– Принесите кипяток, Дживс.

– Слушаюсь, сэр.

– Эй! Это что еще такое? – Роуботем поставил чашку на стол и сурово взглянул на меня. Потом потрепал Дживса по плечу. – К чему это раболепие, сынок?

– Простите, сэр?

– И не говори мне «сэр». Называй меня просто «товарищ». Знаешь, кто ты такой, сынок? Ты типичный пережиток распавшейся феодальной системы отношений.

– Как прикажете, сэр.

– У меня просто кровь закипает в жилах, когда…

– Возьмите еще сардину, – вмешался Бинго: первый разумный поступок за долгие годы нашего знакомства. Старик Роуботем взял три и забыл, что хотел сказать, а Дживс удалился на кухню. Но видно было по выражению его спины, какие чувства он испытывает.

И вот, когда мне уже стало казаться, что эта пытка никогда не кончится, чаепитие подошло к концу. Я очнулся и увидел, что гости собираются уходить.

Сардины и шесть чашек чая смягчили суровость старого Роуботема. Пожимая мне на прощание руку, он взглянул на меня вполне дружелюбно.

– Позвольте поблагодарить вас за гостеприимство, товарищ Вустер, – сказал он.

– Ну что вы! Не стоит… Всегда рад…

– Гостеприимство? – фыркнул Бат, и его зычный голос ударил по моим барабанным перепонкам, точно взрывная волна от фугасной бомбы. Он мрачно уставился на Бинго и девушку, которые весело хохотали около окна. – Удивляюсь, как только у вас кусок не застрял в горле! Яйца! Оладьи! Сардины! Все это вырвано изо рта изголодавшихся бедняков!

– Ну что вы! Как вы могли подумать!

– Я пришлю вам литературу о целях нашего движения, – сказал Роуботем. – И надеюсь, что вскоре вы примете участие в наших митингах.

Когда Дживс пришел убирать со стола, он застал лишь дымящиеся руины. Несмотря на гневные филиппики, которые товарищ Бат произнес по поводу кулинарных излишеств, он благополучно прикончил всю ветчину; а оставшегося джема не хватило бы даже на то, чтобы смазать тонким слоем последний уцелевший кусочек хлеба и положить в рот изголодавшегося бедняка.

– Ну как, Дживс, – спросил я. – Что скажете?

– Я предпочел бы не высказывать свое мнение, сэр.

– Мистер Литтл влюблен в эту женщину, Дживс.

– Я это понял, сэр. Она только что отшлепала его в коридоре.

– Отшлепала?!

– Да, сэр. В шутку, сэр.

– Боже милостивый! Я и не знал, что дело зашло так далеко. И как воспринял это товарищ Бат? Или он ничего не заметил?

– Заметил, сэр. Он присутствовал там на протяжении всей процедуры. Мне показалось, что он был вне себя от ревности.

– Его можно понять! Хорошо, Дживс, что же нам делать?

– Не могу вам сказать, сэр.

– По-моему, это уж слишком.

– Именно так, сэр.

Вот и все утешение, которое я получил от Дживса.

Глава 12
Бинго не везет в Гудвуде

Я пообещал Бинго встретиться с ним на следующий день и сообщить свое мнение об этой жуткой Шарлотте и вот теперь тащился по Сент-Джеймс-стрит, ломая голову над тем, как, не нанеся смертельной обиды, объяснить ему, что на всем свете нет более омерзительной особы. Вдруг из дверей Девонширского клуба вышел старый Битлшем, а с ним Бинго – собственной персоной. Я прибавил шагу и нагнал их.

– Вот так встреча! – сказал я.

Это невинное приветствие отчего-то произвело неожиданный эффект. Старый Битлшем весь затрясся с головы до ног, словно бланманже на палочке, выпучил глаза и позеленел.

– Мистер Вустер! – воскликнул он с облегчением, узнав меня, – очевидно, встреча со мной представлялась ему не самым худшим из возможных несчастий. – Как вы меня напугали.

– Ах, извините.

– Дядя немного расстроен, – сказал Бинго полушепотом, словно у постели тяжелобольного. – Он получил письмо с угрозами.

– Письмо с угрозами?

– Написанное явно безграмотной рукой, – сказал Битлшем, – и в недвусмысленно угрожающих выражениях. Мистер Вустер, вы помните того злобного бородатого субъекта, который набросился на меня с оскорблениями в Гайд-парке в минувшее воскресенье?

Я вздрогнул и украдкой покосился на Бинго. Его лицо не выражало ничего, кроме озабоченности и участия.

– Что? А… ну да, – сказал я. – Бородатый субъект. Тот тип с бородой.

– Вы смогли бы его опознать – если потребуется?

– Ну… э-э-э… То есть как это?

– Видишь ли, Берти, – сказал Бинго, – мы подозреваем, что письмо – дело рук бородатого. Вчера вечером я проходил по Паунсби-Гарденз мимо дома, где живет дядя Мортимер, и увидел, как с крыльца крадучись спустился незнакомец. Видимо, это он принес письмо. Я заметил, что у него была борода. Я вспомнил об этом, когда дядя Мортимер рассказал мне про письмо и про тот инцидент в парке. Я решил во всем разобраться.

– Нужно известить полицию, – сказал лорд Битлшем.

– Нет, – твердо сказал Бинго, – на этой стадии расследования полиция мне только помешает. Не волнуйтесь, дядя. Я уверен, что сумею выследить этого типа. Предоставьте дело мне. Сейчас я посажу вас в такси, и мы как следует все обсудим с Берти.

– Ты славный мальчик, Ричард, – сказал старик Битлшем, после чего мы запихнули его в проезжавшее такси и помахали ему ручкой.

Я повернулся к Бинго и смерил его суровым взглядом.

– Это ты написал письмо? – спросил я.

– Разумеется! Жаль, Берти, что ты его не видел! Лучшее угрожающее письмо всех времен и народов!

– Но какой во всем этом смысл?

– Очень даже большой смысл, дорогой мой Берти, – сказал Бинго и с чувством взял меня за рукав. – Что ни скажут обо мне потомки, в одном они не смогут меня упрекнуть: что, мол, у меня не было деловой хватки. Взгляни на это! – Он помахал у меня перед носом какой-то бумажкой.

– Ух ты! – Это был чек, самый настоящий, недвусмысленный чек на пятьдесят монет, подписанный лордом Битлшемом и выданный на имя Р. Литтла.

– Это за какие же заслуги?

– На расходы, – сказал Бинго и положил чек в карман. – Ведь всякое расследование требует денег, верно? Сейчас побегу в банк – то-то они там рот разинут, потом отправлюсь к букмекеру и поставлю всю сумму на Морского Ветерка. В таких делах, Берти, главное – такт. Если бы я пришел к дяде и попросил у него пятьдесят фунтов, получил бы я их? Да никогда в жизни! А проявив такт, я… Кстати, что ты скажешь о Шарлотте?

– Ну… э-э-э…

Бинго любовно массировал рукав моего пиджака.

– Понимаю, старик, понимаю. Даже и не пытайся подыскать слова. Она сразила тебя наповал, верно? Ты просто онемел, ведь так? Уж я-то знаю. Она на всех так действует. Ладно, дружище, мне пора… Да, и последнее: что ты скажешь о Бате? Роковая ошибка природы, ты не находишь?

– Должен признаться, мне доводилось встречать людей и поприветливее.

– По-моему, я его обскакал, Берти. Сегодня Шарлотта идет со мной в зоопарк. Одна. А после этого я веду ее в кино. Мне кажется, что это начало конца, а? Ладно, хоп-хоп, старичок. Если тебе сегодня нечего делать, можешь пробежаться по Бонд-стрит и присмотреть мне свадебный подарок.

После этого я потерял Бинго из виду. Пару раз я оставлял для него записки в клубе с просьбой позвонить, но безо всякого результата. Я понял, что он слишком занят, чтобы откликнуться на мои призывы. И дети «Красной зари» исчезли из моей жизни, хотя Дживс как-то сказал, что однажды встретился с Батом и имел с ним краткий разговор. Дживс сообщил, что Бат стал еще мрачнее прежнего. Его шансы на победу в борьбе за пышнотелую Шарлотту резко пошли вниз.

– Похоже, что мистер Литтл полностью затмил его, сэр, – сказал Дживс.

– Плохо дело, Дживс, очень плохо.

– Да, сэр.

– Боюсь, что, когда Бинго покончит с артподготовкой и пойдет в штыковую, не будет такой силы ни на небе, ни на земле, которая помешала бы ему свалять грандиозного дурака.

– Похоже, что так, сэр, – сказал Дживс.

Потом подоспели Гудвудские скачки, я облачился в свой лучший костюм и полетел на ипподром.

Когда о чем-то рассказываешь, всегда встает вопрос: стоит ли ограничиться голыми фактами или развести пожиже и украсить рассказ всякими мелкими деталями, передать атмосферу и все такое? Я хочу сказать, что многие на моем месте, прежде чем дойти до развязки этой истории, описали бы Гудвуд, голубое небо, живописные холмы, веселые стайки карманников, а также толпы тех, чьи карманы они обчистили, ну и так далее. Но лучше все это опустить. Даже если бы я и захотел подробно описать те злополучные скачки, у меня просто рука не поднимется. Рана еще слишком свежа. Боль до сих пор не утихла. Дело в том, что Морской Ветерок (будь он трижды неладен!) пришел последним. Представляете? Последним!

«Настало время испытаний, когда проверяется сила духа каждого из нас». Проигрывать всегда неприятно, но на этот раз я был настолько уверен в победе этого чертова Ветерка, что полагал, будто сам забег – пустая формальность, своего рода причудливая устаревшая церемония, которую полагается совершить прежде, чем прогуляться к букмекеру и получить свой выигрыш. Я побрел к выходу с ипподрома на поиски средства, позволяющего приглушить боль и забыться, и вдруг наткнулся на Битлшема. У него был настолько убитый вид, физиономия такого свекольного оттенка, а глаза горестно скосились к переносице под таким невообразимым углом, что я лишь молча пожал его руку.

– Я тоже, – сказал я. – И я тоже. А вы – сколько вы продули?

– Продул?

– На Морском Ветерке?

– Но я не ставил на Морского Ветерка.

– Как? Владелец фаворита Гудвудского кубка не ставит на собственную лошадь!

– Я никогда не играю на скачках. Это противоречит моим принципам. Мне сообщили, что моя лошадь не победила в сегодняшних состязаниях.

– Не победила! Да она настолько отстала от всех, что чуть было не пришла первой в следующем забеге!

– Ну и ну! – сказал Битлшем.

– Вот именно что «ну и ну», – согласился я. Тут только до меня дошло, что здесь что-то не так. – Но если вы ничего не проиграли, отчего у вас такой убитый вид?

– Этот субъект здесь.

– Какой субъект?

– Тот, бородатый.

Представляете, до какой степени я был сокрушен проигрышем – до сих пор ни разу не вспомнил про Бинго. Только сейчас до меня дошло, что он тоже собирался в Гудвуд.

– Он как раз произносит подстрекательскую речь лично против меня. Идемте! Видите, какая там собралась толпа. – Он потянул меня за собой и, умело используя преимущества супертяжелой весовой категории, пробрался – а вместе с ним и я – в первые ряды. – Слушайте! Слушайте!

Бинго и вправду был в ударе. Горечь разочарования от того, что проклятая кляча, на которую он поставил последние деньги, не вошла в первую шестерку, распалила его красноречие. Он с беспощадной яростью обрушился на бессердечных плутократов – владельцев скаковых лошадей, которые вводят в заблуждение публику и уверяют, будто их животные находятся в отличной форме, а они едва способны доковылять до ворот конюшни. Потом он широкими мазками набросал душераздирающую картину, наглядно продемонстрировав, как подобная бесчестность отражается на положении трудящихся масс. Простой рабочий, доверчивый и полный радужных надежд, свято верит каждому слову, напечатанному в газетах о великолепных статях Морского Ветерка; он морит голодом жену и детей, чтобы иметь возможность поставить на расхваленную лошадь; отказывает себе в кружке пива, лишь бы сэкономить лишний шиллинг; накануне скачек он взламывает шляпной булавкой детскую копилку и в конце концов оказывается обманутым самым бессовестным образом. Очень выразительно все это у Бинго получилось. Я видел, как старый Роуботем одобрительно кивает головой, а Бат с плохо скрытой завистью злобно глядит на оратора. Публика слушала Бинго развесив уши.

– Но какое дело лорду Битлшему до того, что бедный рабочий потеряет свои сбережения, нажитые непосильным трудом? – заливался Бинго. – Вот что я вам скажу, дорогие товарищи и друзья, мы можем сколько угодно здесь митинговать, мы можем сколько угодно спорить и принимать резолюции, но единственное, что нам требуется, – это действовать! Действовать! Чтобы простые честные люди завоевали себе достойное место в этом мире, кровь лорда Битлшема и ему подобных должна хлынуть на мостовую Парк-лейн!

Его речь была встречена одобрительным ревом; видимо, многие тоже поставили на Морского Ветерка и потому приняли его слова близко к сердцу. Битлшем бросился к дюжему полицейскому с печальной физиономией, который меланхолично наблюдал за происходящим, и, судя по всему, стал побуждать его вмешаться. Полицейский потеребил усы, печально улыбнулся, этим его вмешательство и ограничилось, и старый Битлшем вернулся назад ко мне, громко фыркая от возмущения.

– Чудовищно! Мне открыто угрожают, а полисмен не желает пальцем шевельнуть. Говорит, пустые слова. Ничего себе «слова»! Просто чудовищно!

– Вот именно! – подтвердил я, но мне показалось, я его не слишком утешил.

Слово взял товарищ Бат. Голос у него был как труба архангела Гавриила, дикция великолепная, но завоевать расположение публики ему почему-то не удалось. Мне кажется, ему не хватало конкретных фактов. После речи Бинго слушателям хотелось чего-нибудь позабористее, чем абстрактные рассуждения про Общее Дело. Публика начала бесцеремонно перебивать оратора, и тут Бат замолк на полуслове и уставился на Битлшема.

В толпе решили, что у него сел голос.

– Пососи таблетку с ментолом! – крикнул кто-то.

Товарищ Бат судорожным усилием взял себя в руки, и даже издали я увидел, как злобно засверкали его глаза.

– Ладно, товарищи! – прокричал он. – Можете надо мной смеяться, можете глумиться, можете издеваться, сколько вам вздумается. Но знайте: движение наше растет и крепнет с каждым днем и с каждым часом. В него включаются представители так называемых высших классов. Чтобы не быть голословным, скажу, что здесь, сегодня, вот на этом самом месте, среди нас присутствует один из самых стойких наших борцов, племянник лорда Битлшема – того самого лорда Битлшема, чье имя вызвало ваше справедливое негодование всего несколько минут назад.

И прежде чем Бинго успел сообразить, что сейчас произойдет, Бат сорвал с него фальшивую бороду. Как ни велик был успех, выпавший на долю Бинго, он ни в какое сравнение не шел с бурей восторга, обрушившейся на голову товарища Бата. Я услышал, как старый Битлшем крякнул от изумления, но все последующие его комментарии – если таковые были – потонули в громе аплодисментов.

Должен признаться, что в этой непростой ситуации Бинго проявил завидную решительность и присутствие духа. Недолго думая, он схватил товарища Бата за горло, явно желая оторвать ему голову. Впрочем, ему не удалось достичь на этом поприще сколько-нибудь ощутимых результатов, поскольку печальный полисмен очнулся от гипноза и вступил в игру: в следующую минуту он уже пробирался сквозь толпу с Бинго в правой руке и с товарищем Батом в левой.

– Пожалуйста, позвольте пройти, сэр, – вежливо попросил он, натолкнувшись на стоявшего у него на пути лорда Битлшема.

– А? Что? – пролепетал Битлшем: он еще не вышел из ступора.

Услышав дядин голос, Бинго выглянул из-под правой руки державшего его за шиворот полисмена, и в тот же миг вся его храбрость улетучилась, точно газ из проткнутого иглой воздушного шарика. Он поник, как увядшая водяная лилия, и молча прошаркал мимо. У него был вид человека, которому только что крепко накостыляли по шее.

Когда Дживс приносит мне утром чашку чая и ставит на столик рядом с кроватью, он либо молча выскальзывает из спальни, оставляя меня в одиночестве смаковать «Оолонг», либо почтительно топчется на ковре, и это значит, что ему нужно мне что-то сообщить. Проснувшись на следующий день после возвращения из Гудвуда, я лежал на спине и глядел в потолок и вдруг заметил, что Дживс все еще в спальне.

– А, Дживс, – сказал я. – Хотите мне что-то сказать?

– Мистер Литтл заходил час назад, сэр.

– В самом деле? Он рассказал вам про вчерашнее?

– Да, сэр. Его приход к вам как раз и был связан с последними событиями. Он решил уехать из Лондона и пожить некоторое время на лоне природы.

– Весьма разумная мысль.

– Именно так я ему и сказал, сэр. Однако на пути к осуществлению этого плана встала финансовая проблема. Я взял на себя смелость ссудить ему от вашего имени десять фунтов на текущие расходы. Надеюсь, вы ничего не имеете против, сэр?

– Разумеется, нет. Возьмите десятку на туалетном столике.

– Хорошо, сэр.

– Дживс, – сказал я.

– Сэр?

– Никак не могу взять в толк, как все это произошло. Я хочу сказать, как этому Бату удалось разнюхать, кто такой Бинго?

Дживс кашлянул.

– Боюсь, в какой-то мере это моя вина, сэр.

– Ваша? Каким образом?

– Кажется, я нечаянно раскрыл имя мистера Литтла в разговоре с мистером Батом.

Я сел на кровати.

– Что-о?

– Да, сэр, теперь я со всей определенностью припоминаю, как говорил ему, что преданность мистера Литтла Общему Делу заслуживает широкого общественного признания. Я горько сожалею, что стал невольной причиной временной размолвки между мистером Литтлом и его светлостью. Боюсь, в этом деле есть еще одна сторона. Я также несу ответственность за разрыв отношений между мистером Литтлом и юной леди, которая приходила к нам на чай.

Я снова сел на постели. Как ни странно, я до сих пор не подумал о положительных последствиях вчерашнего инцидента.

– Вы хотите сказать, что между ними все кончено?

– Окончательно и бесповоротно, сэр. Насколько я понял со слов мистера Литтла, он потерял надежду на успех в этом предприятии. Даже если бы не было иных препятствий, отец юной леди считает его обманщиком и шпионом, так сказал мне мистер Литтл.

– Будь я проклят!

– Сам того не желая, я доставил всем столько неприятностей, сэр.

– Дживс! – сказал я.

– Сэр?

– Сколько денег на туалетном столике?

– Помимо тех десяти фунтов, которые вы велели мне взять, сэр, там остались две пятифунтовые банкноты, три банкноты по одному фунту, десять шиллингов, две полкроны, флорин, четыре шиллинга, шесть пенсов и полпенса, сэр.

– Забирайте все, – сказал я. – Вы их честно заработали.

Глава 13
Большой гандикап проповедников

После завершения сезона в Гудвуде я обычно впадаю в состояние тоскливого беспокойства. Я не большой любитель тенистых дубрав, цветущих лугов, щебетания птиц и прочих сельских радостей, но в августе Лондон – не лучшее место на свете, и поневоле начинаешь думать: а не свалить ли куда-нибудь на природу да переждать, пока климат изменится к лучшему? Через две недели после феерического провала Бинго, о котором я вам рассказывал, Лондон превратился в пахнущую раскаленным асфальтом пустыню. Все мои приятели разъехались, театры позакрывались, а Пиккадилли перекопали вдоль и поперек.

Жара стояла адская. Я сидел у себя вечером в гостиной, собираясь с силами, чтобы добрести до спальни, и вдруг почувствовал, что дольше не выдержу. Когда из кухни появился Дживс с подносом, уставленным укрепляющими тело и душу напитками, я принял решение.

– Что за чудовищная жара, Дживс, – сказал я, утирая лоб и хватая ртом воздух, точно выброшенный на сушу карась.

– Погода и в самом деле угнетающая, сэр.

– Не одну содовую, Дживс.

– Хорошо, сэр.

– Хватит торчать в столице, Дживс, пора на волю. Ну что, двинем?

– Как скажете, сэр. Что-нибудь еще прикажете, сэр? – сказал Дживс и поставил на стол поднос с письмом.

– Черт побери, Дживс, вы начали говорить стихами. У вас получилось в рифму – вы не заметили? – Я распечатал конверт. – Это надо же!

– Сэр?

– Вы бывали в Твинг-Холле?

– Да, сэр.

– Так вот, мистер Литтл сейчас там.

– В самом деле, сэр?

– Собственной персоной. Ему пришлось снова поступить в гувернеры.

После того жуткого скандала в Гудвуде, когда Бинго, оставшись без средств к существованию, стрельнул у меня десятку и усвистал в неизвестном направлении, я долго его повсюду разыскивал, справлялся у общих знакомых, но никто ничего не знал. А он, оказывается, все это время скрывался в Твинг-Холле. Поразительно. Объясню, что здесь поразительного. Дело в том, что Твинг-Холл принадлежит лорду Уикеммерсли, давнему другу моего покойного папаши, поэтому мне разрешается приезжать туда в любое время без приглашения. Я каждое лето заваливаюсь к ним на пару недель и как раз решил направить туда свои стопы, а тут Дживс подает мне письмо.

– Мало того, мои кузены Клод и Юстас – вы помните их, Дживс?..

– Прекрасно помню, сэр.

– Так вот, они тоже там, готовятся к какому-то экзамену под руководством местного священника. Я в свое время тоже с ним занимался. Он большой мастак натаскивать учеников, не отягощенных избытком интеллекта. Да что говорить, даже мне удалось с его помощью проскочить вступительные в Оксфорд, неудивительно, что слава о нем разошлась далеко за пределы Глостершира. Но вообще это поразительное совпадение.

Я перечел письмо. Письмо было от Юстаса. Клод и Юстас – близнецы и известны широкой общественности как проклятие рода человеческого.

«Дом священника, Твинг, Глостершир

Дорогой Берти!

Хочешь разжиться денежками? Думаю, хочешь – я слышал, ты не очень успешно выступил в Гудвуде. Приезжай как можно скорее, у тебя есть шанс принять участие в самом крупном спортивном событии сезона. Все объясню при встрече, но можешь мне поверить: дело стоящее.

Мы с Клодом занимаемся в группе по подготовке к экзаменам у старины Хеппенстола. Нас тут девять человек, не считая твоего приятеля Бинго, который служит гувернером в Твинг-Холле.

Не упусти свой шанс – такой случай выпадает раз в жизни. С нетерпением ждем твоего приезда.

Юстас».

Я протянул письмо Дживсу. Тот его внимательно изучил.

– Страннейшее послание. Вы что-нибудь понимаете? – спросил я.

– Мистер Клод и мистер Юстас весьма пылкие юные джентльмены, сэр. Позволю себе высказать предположение: они снова что-то затеяли.

– Да, но что именно?

– Затрудняюсь сказать, сэр. Смею обратить ваше внимание, что на другой стороне тоже что-то написано.

– В самом деле? – Я выхватил у него письмо и на обороте обнаружил следующее:

«ГАНДИКАП ПРОПОВЕДНИКОВ

ВОЗМОЖНЫЕ УЧАСТНИКИ И СТАВКИ

Преп. Джозеф Такер (Баджвик), без форы.

Преп. Ленард Старки (Стейплтон), без форы.

Преп. Александр Джонс (Верхн. Бингли), фора три минуты.

Преп. У. Дикс (Литтл-Кликтон-он-де-Уолд), фора пять минут.

Преп. Фрэнсис Хеппенстол (Твинг), фора восемь минут.

Преп. Катберт Диббл (Баустед-Парва), фора девять минут.

Преп. Орло Хаф (Баустед-Магна), фора девять минут.

Преп. Дж. Дж. Робертс (Фейл-бай-де-Уотер), фора десять минут.

Преп. Г. Хейворд (Нижн. Бингли), фора двенадцать минут.

Преп. Джеймс Бейтс (Гэндл-бай-де-Хилл), фора пятнадцать минут.

Ставки: Такер, Старки – 5:2; Джонс – 3:1; Дикс – 9:2; Хеппенстол, Диббл, Хаф – 6:1; все прочие – 100:8».

Абракадабра какая-то.

– Дживс, вы что-нибудь понимаете?

– Нет, сэр.

– Как бы там ни было, пожалуй, стоит съездить и разузнать подробнее.

– Вне всякого сомнения, сэр.

– Тогда вперед! Заверните в газету пару свежих воротничков и зубную щетку, пошлите лорду Уикеммерсли телеграмму о нашем приезде, слетайте на Паддингтонский вокзал и купите билеты на завтрашний пятичасовой поезд.

Пятичасовой поезд, как всегда, опоздал, и, когда я добрался до Твинг-Холла, все уже переоделись к ужину. Побив национальный рекорд по надеванию смокингов и белых жилетов,

я вихрем слетел вниз по лестнице в столовую и поспел к супу. Плюхнулся на свободный стул и обнаружил, что сижу рядом с Синтией – младшей дочерью лорда Уикеммерсли.

– Привет, старушка, – сказал я.

Мы с Синтией дружны с детства. Одно время мне даже казалось, будто я в нее влюблен. Впрочем, потом все само собой рассосалось. На редкость хорошенькая, веселая и привлекательная барышня, ничего не скажешь, но помешана на разных там идеалах. Может, я к ней несправедлив, но, по-моему, она считает, что мужчина должен делать карьеру и прочее. Помню, она с большой похвалой отзывалась о Наполеоне. Как бы там ни было, безумства юности растаяли как дым, и теперь мы всего лишь добрые друзья. Я считаю, что она – классная девушка, а она считает меня чокнутым, так что мы прекрасно ладим.

– Привет, Берти. Значит, приехал?

– Выходит, так. Явился, не запылился. И прямо к ужину. Просвети, кто есть кто.

– В основном местная публика. Ты их почти всех знаешь. Ты наверняка помнишь полковника Уиллиса, Спенсеров…

– Еще бы. А вот и старина Хеппенстол. А этот другой священник, рядом с миссис Спенсер?

– Мистер Хейворд, из Нижнего Бингли.

– У вас здесь полным-полно священников. Вон еще один, рядом с миссис Уиллис.

– Это Бейтс, племянник мистера Хеппенстола. Преподает в Итоне. На время летних каникул замещает мистера Спеттигью, священника в Гэндл-бай-де-Хилл.

– То-то смотрю – знакомое лицо. Он учился на четвертом курсе в Оксфорде, когда я туда поступил. Пользовался большим успехом. Входил в сборную Оксфорда по гребле. – Я еще раз оглядел собравшихся за столом и заметил Бинго. – А, вот и он, – сказал я. – Вот он где, дурья башка.

– Кто?

– Бинго Литтл. Мой старый друг. Гувернер твоего брата.

– С ума сойти! Так он – твой друг?

– Еще какой! Мы с ним с детства знакомы.

– Послушай, Берти, как у него с головой?

– А что – с головой?

– Я не потому, что он твой приятель. Он так странно себя ведет…

– Что значит – странно?

– Ну, смотрит на меня с таким видом…

– С каким видом? Как именно? Можешь показать?

– Нет, тут полно народа.

– Ничего, я закрою тебя салфеткой.

– Хорошо, только быстро. Вот так.

Учитывая, что в ее распоряжении было всего полторы секунды, должен признать, что она отлично справилась: разинула рот, выпучила глаза, горестно склонила голову набок и стала удивительно похожа на страдающего диспепсией теленка. Я мгновенно узнал симптомы.

– Ничего страшного, – сказал я. – Можешь не волноваться. Он просто в тебя влюблен.

– Влюблен? В меня? Какие глупости.

– Старушка, ты просто не знаешь Бинго. Он способен влюбиться в кого угодно.

– Спасибо за комплимент.

– Господи, я совсем не о том. Меня ничуть не удивляет, что он в тебя втрескался. Я и сам был в тебя когда-то влюблен.

– Когда-то? А теперь, значит, все быльем поросло? Да, Берти, ты сегодня явно в ударе!

– Ласточка моя, но ты сама, черт подери, дала мне от ворот поворот и чуть не померла от смеха, когда я сказал тебе…

– Ладно, чего уж там. Признаю – мы оба хороши… А он очень красивый, верно?

– Красивый? Бинго? Ну, знаешь!

– По сравнению с некоторыми, – сказала Синтия.

Немного погодя леди Уикеммерсли подала сигнал, и дамы очистили помещение. Я хотел поговорить с Бинго, но мне не удалось, а когда мы перешли в гостиную, он куда-то исчез. В конце концов я нашел Бинго в его комнате: он валялся на кровати, задрав ноги на спинку, и курил. На покрывале рядом с ним лежал блокнот.

– Здорово, бездельник.

– Привет, Берти, – унылым тоном отозвался Бинго.

– Я и не подозревал, что ты окопался в Твинг-Холле. Стало быть, дядя перекрыл тебе кислород после заварушки в Гудвуде? Пришлось наняться в гувернеры?

– Верно, – лаконично подтвердил Бинго.

– Мог хотя бы сообщить свой адрес.

Он мрачно нахмурился.

– Я нарочно никому не сказал. Хотелось от всех спрятаться. Сказать по правде, Берти, мне было очень паршиво. Солнце померкло…

– Странно. А в Лондоне стояла дивная погода.

– Птицы умолкли…

– Какие птицы?

– Черт подери, не все ли равно какие! – с раздражением воскликнул Бинго. – Просто птицы. Местные пернатые твари. Может, мне еще выписать для тебя их латинские названия? Признаюсь, Берти, это был страшный удар.

– Что за удар? – Я не поспевал за извивами его мысли.

– Я говорю о гнусном предательстве Шарлотты.

– А, ну да! – Бесчисленные любовные истории Бинго перепутались у меня в голове, и я совсем забыл про эту особу. Ну конечно! Шарлотта Корде Роуботем! После скандала в Гудвуде она оставила его с носом и ушла к товарищу Бату.

– Я пережил адские муки. Впрочем, в последнее время я немного… э-э-э… утешился. Послушай, Берти, а как здесь оказался ты? Я не знал, что ты знаком с владельцами Твинг-Холла.

– Я? Да я их знаю с детства.

Бинго с громким стуком сбросил ноги со спинки кровати.

– Ты хочешь сказать, что давно знаком с леди Синтией?

– Конечно. Мне еще семи лет не было, когда мы повстречались.

– Ну и ну! – воскликнул он и в первый раз в жизни взглянул на меня чуть ли не с уважением. Он даже поперхнулся дымом от волнения. – Я люблю эту девушку, Берти, – прокашлявшись, объявил он.

– Что ж, она очень славная.

Он бросил на меня гневный взгляд.

– Как ты можешь говорить о ней таким обыденным тоном! Она – ангел. Ангел! Она ничего не говорила про меня во время обеда?

– Говорила.

– И что же она сказала?

– Я запомнил одну ее фразу. Она сказала, что считает тебя красавцем.

Бинго в экстазе закрыл глаза. Потом взял в руки блокнот.

– А теперь проваливай, старина, будь другом, – сказал он, и лицо его приняло отсутствующее выражение. – Мне нужно кое-что написать.

– Написать?

– Стихи, если тебе непременно нужно знать. Господи, я бы все отдал, – с горечью сказал Бинго, – чтобы ее звали не Синтия, а как-то иначе. Просто рехнешься, пока подберешь рифму. Как бы я развернулся, если бы ее звали Джейн!

На следующий день, когда за окном сияло раннее утро, а я еще лежал в постели, жмурясь от блеска солнечных лучей на туалетном столике, и поджидал Дживса с утренним чаем, что-то тяжелое плюхнулось мне на ноги, и голос Бинго оскорбил мой слух. Бездельник, как видно, поднялся ни свет ни заря.

– Выметайся, – сказал я. – Оставь меня в покое. Я не в состоянии никого видеть, пока не выпью чаю.

– Если Синтия смеется, – сказал Бинго, – голубеют небеса; как алмаз, блестит роса; вторит соловьиной трели свист пастушеской свирели, если Синтия смеется. – Он откашлялся и переключился на вторую передачу: – Если Синтия грустит…

– Что за чушь ты несешь?

– Это стихотворение, я написал его прошлой ночью для Синтии. Хочешь послушать дальше?

– Не хочу!

– Не хочешь?

– Нет. Я еще не пил чай.

В эту секунду вошел Дживс, и я с радостным криком принял из его рук чашку с животворным напитком. После нескольких глотков я взглянул на окружающий мир более благосклонно. Даже Бинго уже не так сильно осквернял пейзаж. После первой чашки я ощутил себя другим человеком и не только позволил дурню дочитать до конца его чертову ахинею, но даже раскритиковал рифмовку четвертой строчки пятого стиха. Мы все еще препирались по этому поводу, когда дверь распахнулась и в комнату ввалились Клод и Юстас. Вот что меня убивает в сельских нравах: в такую несусветную рань жизнь в доме уже бьет ключом. Мне доводилось гостить в загородных домах, где хозяева регулярно вторгались в мои безгрешные сны в шесть тридцать утра и предлагали сбегать на озеро искупаться. Слава богу, что в Твинг-Холле меня хорошо знают и дают спокойно позавтракать в постели. Близнецы явно были рады меня видеть.

– Берти, старичок! – воскликнул Клод.

– Молодчина! – воскликнул Юстас. – Преподобный сказал нам, что ты приехал. Так и знал, что мое письмо тебя расшевелит.

– Можешь всегда смело ставить на Берти, – сказал Клод. – Спортсмен до мозга костей. Ну как, Бинго тебе уже все рассказал?

– Ни единого слова. Он…

– Мы обсуждали другую тему, – поспешно перебил меня Бинго.

Клод ухватил с подноса последний кусок хлеба с маслом, а Юстас налил себе чашку чая.

– Дело вот в чем, Берти, – сказал Юстас, поудобнее устраиваясь в кресле. – Ты уже знаешь из письма, что в этом богом забытом месте нас здесь девять несчастных, мы готовимся к экзаменам под началом Хеппенстола. Конечно, приятно потеть над латынью и греческим, когда жара градусов под сорок в тени, но иногда человеку нужно расслабиться. А в этой дыре, как на грех, нет никаких условий для культурного отдыха. Так вот, у Стеглза родилась идея. Стеглз тоже из нашей группы и, между нами, довольно мерзкий тип. Но нужно отдать ему должное – это была его идея.

– Какая идея?

– Ты ведь знаешь, сколько в здешних краях священников. В радиусе шести миль больше десяти деревушек, в каждой деревушке – своя церковь, в каждой церкви по приходскому священнику, и по воскресеньям все они произносят проповеди. На следующей неделе – в воскресенье, двадцать третьего августа – мы открываем тотализатор и проводим гандикап мест-

ных проповедников. Принимать ставки будет Стеглз. Продолжительность проповеди каждого из священников будет засекаться доверенным судьей-хронометристом, и выигрывает тот, кто прочтет самую длинную проповедь. Ты получил программу скачек?

– Я ни черта в ней не понял.

– Ну и болван: там же указаны форы и текущие ставки для каждого из участников. Если у тебя нет программы под рукой, вот тебе еще одна. Взгляни на нее внимательно. Тут все разжевано. Дживс, дружище, не хотите попытать счастья?

– Сэр? – спросил Дживс, он только что вплыл в спальню с моим завтраком.

Клод объяснил ему схему. Дживс, как всегда, все моментально понял, но в ответ лишь отечески улыбнулся.

– Спасибо, сэр, пожалуй, нет.

– Но ты-то примешь участие, Берти? – спросил Клод, запихивая в рот булочку с беконом. – Просмотрел список? Теперь скажи: ты ничего особенного не заметил?

Разумеется, заметил. Сразу же, едва взглянул.

– Это же верная победа старины Хеппенстола, – сказал я. – На блюдечке и с бесплатной доставкой. В здешней округе нет ни одного проповедника, кто бы мог дать ему восемь минут форы. Ваш приятель Стеглз, я вижу, просто осел, если оценил его шансы подобным образом. Когда я занимался с Хеппенстолом перед поступлением в Оксфорд, он редко говорил в церкви меньше получаса, а его коронная проповедь на тему «О любви к ближнему» длилась по крайней мере сорок пять минут. Он что, утратил былой пыл?

– Ничего он не утратил, – сказал Юстас. – Расскажи ему, Клод, как все вышло.

– Значит, так, – сказал Клод, – в первое воскресенье, как мы приехали в Твинг, мы пошли в здешнюю церковь, и Хеппенстол произнес проповедь, которая не длилась и двадцати минут. А дело вот в чем. Стеглз не обратил внимания, да и сам преподобный сперва не заметил, но мы с Юстасом видели, как по пути на кафедру он выронил из папки с текстом проповеди несколько страниц. Потом он, конечно, обнаружил брешь, на секунду запнулся, но быстро нашелся и дочитал проповедь до конца. Вот почему у Стеглза сложилось впечатление, будто двадцать минут – это его предел. В следующее воскресенье мы прослушали Такера и Старки, оба разливались соловьем больше тридцати пяти минут, и Стеглз составил программу скачек в том виде, в каком ты ее видишь. Ты непременно должен участвовать, Берти. Беда в том, что я сейчас на мели, у Юстаса ни гроша за душой, и у Бинго в кармане пусто, поэтому тебе придется выступить в качестве спонсора нашего синдиката. И не надо, пожалуйста, корчить такую физиономию! Это же верное дело, осталось лишь нагнуться и подобрать наши денежки. Ладно, нам пора. Подумай и к вечеру позвони мне. И если ты нас подведешь, Берти, мое кузенское проклятие да падет… Идем, Клод.

Чем дольше я размышлял, тем больше мне эта затея нравилась.

– Ну как, не соблазнились, Дживс? – спросил я.

Дживс ласково улыбнулся и выплыл из комнаты.

– Дживс напрочь лишен спортивного азарта, – заключил Бинго.

– Зато я не лишен. И готов участвовать. Клод прав – деньги, можно сказать, сами плывут в руки.

– Вот и молодец! – воскликнул Бинго. – Теперь и для меня забрезжил свет в конце тоннеля. Скажем, я ставлю десятку на Хеппенстола и выигрываю. Тогда я смогу поставить через две недели на Белую Стрелу в двухчасовом забеге в Гатвике. Получаю выигрыш и ставлю все на Выхухоль в забеге час тридцать в Льюисе. Выигрываю кругленькую сумму, с которой отправляюсь десятого сентября в Александра-Парк, где мне обещали шепнуть на ухо стопроцентный верняк.

Это напоминало «Быстрый и надежный способ заработать миллион фунтов».

– А уж тогда, – продолжал Бинго, – я могу смело идти к дяде. Ведь он большой сноб и, когда узнает, что я беру в жены графскую дочь…

– Послушай, старик, – не выдержал я, – тебе не кажется, что ты несколько опережаешь события?

– Нет, отчего же. Конечно, окончательно еще ничего не решено, но она призналась, что я ей нравлюсь.

– Что?!

– Она сказала, что ее привлекают самостоятельные, мужественные, красивые мужчины, при этом спортивные, деятельные, обладающие сильным характером и честолюбием.

– Ради всего святого, проваливай, – сказал я. – Дай мне спокойно доесть яичницу.

Встав с постели, я сразу же поскакал к телефону и велел Юстасу прервать на время свои штудии и срочно поставить на твингского рысака – по десятке за каждого члена синдиката. После обеда Юстас позвонил мне и доложил, что сделал все, как я сказал, причем по более выгодной ставке семь к одному: расценки повысились по причине слухов из хорошо осведомленных кругов, что преподобный подвержен сенной лихорадке и сильно рискует, совершая утренние прогулки по цветущему лугу. В воскресенье утром я убедился, что мы на верном пути: старина Хеппенстол закусил удила и выдал на-гора тридцатишестиминутный монолог «О вреде суеверий». Во время проповеди я сидел рядом со Стеглзом и заметил, что он побледнел. Стеглз был недомерок с крысиной мордочкой и бегающими глазками, весьма недоверчивый тип. Не успели мы выйти из церкви, как Стеглз официально заявил, что впредь ставки на преподобного Хеппенстола будут приниматься из расчета пятнадцать к восьми, и с раздражением добавил, что не мешало бы обратить внимание «Жокей-клуба» на такой подозрительный разброс в результатах, хотя теперь, конечно, уже ничего не докажешь. Такая грабительская ставка мгновенно охладила пыл игроков – ясно было, что большие денежки нам тут не светят. Наступило затишье, но во вторник после обеда, когда я прогуливался перед домом с сигаретой, к крыльцу подкатили на велосипедах Клод и Юстас, и я сразу понял: им не терпится сообщить важные новости.

– Берти, мы должны действовать, – взволнованно выпалил Клод. – Надо что-то придумать, иначе мы влипли!

– А что случилось?

– Не что, а кто: Г. Хейворд, – мрачно сказал Юстас. – Участник из Нижнего Бингли.

– Мы его с самого начала не принимали в расчет, – сказал Клод. – Проглядели его. Вот всегда так. Стеглз его проглядел. Мы все его проглядели. А сегодня утром проезжаем мы с Юстасом через Нижний Бингли и видим: в церкви венчание. Надо, думаем, зайти проверить, в какой Г. Хейворд форме, вдруг это темная лошадка.

– Слава богу, что мы там оказались, – сказал Юстас. – Он толкнул речь на двадцать шесть минут – Клод засек по своему хронометру. И это на деревенской свадьбе! Представляешь, что будет, когда он развернется по-настоящему?

– У нас только один выход, Берти, – сказал Клод. – Ты должен выделить дополнительные средства, нам нужно подстраховаться и поставить на Хейворда.

– Но…

– Это наш последний шанс.

– Мы столько поставили на Хеппенстола – а теперь все псу под хвост!

– Но что же делать? Ты же не станешь утверждать, что наш преподобный в состоянии выиграть у Хейворда при такой форе?

– Вот оно, нашел! – воскликнул я.

– Что ты нашел?

– Я понял, как обеспечить выигрыш фавориту. Сегодня же загляну к Хеппенстолу и попрошу в качестве личного одолжения прочесть в воскресенье его коронную – «О любви к ближнему».

Клод и Юстас посмотрели друг на друга, как те парни в стихотворении, – «в немом оцепенении».

– Послушай, а ведь это выход! – сказал Клод.

– Причем гениальный выход, – сказал Юстас. – Кто бы мог подумать, Берти, что ты на такое способен.

– И все же… – сказал Клод. – Допустим, эта проповедь и вправду нечто, но четыре минуты форы…

– Ничего страшного, – возразил я. – Я сказал, что проповедь на сорок пять минут, но я ошибся. Теперь я вспомнил, что никак не меньше пятидесяти.

– Тогда действуй! – сказал Клод.

Вечером я все уладил. Старик Хеппенстол с радостью согласился. Он был польщен и тронут тем, что я до сих пор помню его проповедь. Признался, что ему давно хочется снова ее прочесть, но он опасается, не длинновата ли она для сельской паствы.

– В наше суетное время, мой дорогой Вустер, – сказал он, – даже деревенские прихожане, которые не столь сильно заражены извечной спешкой, как столичные жители, даже они предпочитают проповеди покороче. Мы частенько спорим с моим племянником Бейтсом – к нему скоро перейдет приход моего давнего друга Спеттигью в Грэндл-бай-де-Хилл. Он считает, что в наш век проповеди нужно писать в форме яркого, краткого и доходчивого обращения к пастве, минут на десять – двенадцать, не более.

– Я и сам не люблю длинных речей, – сказал я. – Но при чем тут ваша проповедь «О любви к ближнему»? Уж ее-то длинной никак не назовешь.

– Целых пятьдесят минут.

– Не может этого быть!

– Ваше удивление, мой дорогой Вустер, для меня чрезвычайно лестно. Тем не менее смею вас уверить, что именно столько эта проповедь длится. А может быть, ее стоит несколько сократить, как вам кажется? Так сказать, подрезать ветви и проредить крону? К примеру, я мог бы опустить пространный экскурс в проблему брачных отношений у древних ассирийцев.

– Оставьте все как есть, слово в слово, иначе вы все испортите, – совершенно искренне сказал я.

– Что ж, мне очень приятно, что вы так думаете, я непременно прочту эту проповедь в ближайшее воскресенье.

Я всегда говорил и буду повторять до конца моих дней, что делать ставки, не располагая достоверной информацией из конюшни, безрассудно, бессмысленно и просто глупо. Никогда не знаешь, что из этого выйдет. Если бы все придерживались золотого правила ставить на «заряженную» лошадь, гораздо меньше молодых людей сбивались бы с пути истинного. В субботу утром, когда я доедал завтрак в постели, в комнату вошел Дживс.

– Мистер Юстас просит вас к телефону, сэр.

– Господи, Дживс, что стряслось, как вы думаете? – Должен признаться, что к этому времени нервы у меня уже стали ни к черту.

– Мистер Юстас не просветил меня на этот счет, сэр.

– Как вам показалось, он чем-то встревожен?

– Судя по голосу – в высшей степени, сэр.

– Знаете, что я думаю, Дживс? Наверняка что-то случилось с фаворитом.

– А кто фаворит, сэр?

– Мистер Хеппенстол. У него все шансы на победу. Он собирается прочесть свою знаменитую проповедь «О любви к ближнему» и должен опередить прочих участников с большим отрывом. Боюсь, с ним что-то случилось.

– Вы все узнаете, если поговорите по телефону с мистером Юстасом, сэр. Он ждет.

– И в самом деле!

Я накинул халат и вихрем промчался по лестнице в холл. Едва я услышал голос Юстаса, я понял: мы влипли. В голосе Юстаса звучала мука.

– Берти?

– Да, привет.

– Целый час тащишься к телефону! Слушай, Берти, все накрылось. Фаворит спекся.

– Не может быть!

– Увы. Всю ночь кашлял у себя в конюшне.

– Этого только не хватало!

– Случилось то, чего мы боялись. У него сенная лихорадка.

– Черт бы его побрал!

– Сейчас у него врач, и через несколько минут его официально вычеркнут из списка участников. Вместо него на старт выйдет младший священник прихода, а на него надежды никакой. За него предлагают сто против шести, и никто до сих пор не поставил. Что будем делать?

Я молча обдумывал ситуацию.

– Послушай, Юстас, сколько сейчас дают за Г. Хейворда? – спросил я.

– Всего четыре к одному. Думаю, произошла утечка информации, и Стеглз что-то пронюхал. Вчера вечером он вдруг резко снизил расценки.

– Ладно, четыре против одного должно хватить. Поставь еще по пятерке на Г. Хейворда за каждого члена синдиката. Так мы по крайней мере не прогорим.

– Если он победит.

– Что значит «если»? Ты говорил, он верняк, второй после Хеппенстола.

– Я начинаю сомневаться, что на свете вообще есть такая штука, как верняк, – мрачно отозвался Юстас. – Говорят, вчера преподобный Джозеф Такер показал великолепное время в тренировочном забеге на собрании матерей в Баджвике. Как бы там ни было, это наш единственный шанс. Ну, пока.

Я не входил в число официальных судей-хронометристов и имел возможность отправиться на следующее утро в любую церковь по своему усмотрению; естественно, я без колебаний выбрал Нижний Бингли. Правда, это в десяти милях от нас, и, значит, придется встать ни свет ни заря, но я одолжил у одного из слуг велосипед и покатил в церковь. До сих пор мне приходилось верить Юстасу на слово, что этот Г. Хейворд такой резвый скакун; я опасался, что в тот день, во время венчания, они переоценили его форму. Однако все мои сомнения рассеялись, едва он поднялся на кафедру. Юстас не ошибся – это было нечто. Высоченный, тощий, с седой бородой, он прямо со старта продемонстрировал высокий класс: после каждой фразы делал длиннейшие паузы, без конца откашливался, и уже через пять минут я не сомневался, что предо мной – победитель. Его привычка неожиданно замирать и в недоумении оглядывать церковь принесла нам несколько лишних минут, а на финишной прямой он меня окончательно покорил: уронил пенсне и долго молча шарил руками по полу. На двадцатиминутной контрольной отметке он лишь по-настоящему вошел в темп, двадцатипятиминутный рубеж он миновал без малейших признаков усталости. И когда он финишировал великолепным спуртом, секундомер показывал тридцать пять минут четырнадцать секунд. При положенной ему форе можно было не сомневаться, что победа у него в кармане. Преисполненный чувства бла-

гожелательности и bonhomie[7] ко всему человечеству, я вскочил на велосипед и покатил домой обедать. Когда я вернулся, Бинго разговаривал по телефону.

– Прекрасно! Отлично! Замечательно! – радостно восклицал он. – Что? Нет, насчет него можешь не беспокоиться. Ладно, я передам Берти. – Он повесил трубку. – А, Берти, привет, – сказал он. – Это Юстас звонил. Все в порядке, старина. Поступило сообщение из Нижнего Бингли. С большим отрывом победил Г. Хейворд.

– Я и не сомневался. Сам только что приехал оттуда.

– А, так ты там был? А я ездил в Баджвик. Такер отлично прошел всю дистанцию, но что он мог сделать при такой форе. У Старки заболело горло, и он сошел с круга. Робертс из Фейл-бай-де-Уотер пришел третьим. Молодчина Хейворд! – с нежностью произнес Бинго, и мы вместе вышли из дома на лужайку.

– Значит, известны уже все результаты? – спросил я.

– Все, кроме Гэндл-бай-де-Хилл. Но насчет Бейтса можно не беспокоиться. У него ни малейшего шанса. Кстати, бедняга Дживс продул свою десятку. Ну не дуралей?

– Дживс? Что ты хочешь сказать?

– Подошел ко мне сегодня утром, когда ты уже уехал в Бингли, и попросил поставить за него десять фунтов на Бейтса. Я объяснял ему, какая это глупость – все равно что выбросить деньги в помойку, но он и слушать не хотел.

– Прошу прощения, сэр. Эту записку принесли для вас сегодня утром после вашего отъезда.

Рядом стоял неизвестно откуда взявшийся Дживс.

– А? Что? Какую записку?

– Ее принес дворецкий преподобного мистера Хеппенстола, сэр. Она пришла слишком поздно, и я не смог вам ее вручить, сэр.

Бинго принялся отечески наставлять Дживса – советовал впредь не делать ставок, не разузнав, в какой форме находится лошадь. Мой вопль заставил его прикусить язык на середине фразы.

– Какого черта? – недовольно спросил он.

– Все пропало! Ты только послушай!

И я прочитал ему записку:

> «Твинг, Глостершир
> Дорогой Вустер!
>
> Как вы, вероятно, уже знаете, по не зависящим от меня обстоятельствам я не смогу выступить с проповедью «О любви к ближнему», которую вы, со столь лестной для меня настойчивостью, просили меня прочесть. Тем не менее мне не хочется лишать вас этого удовольствия, так что, если вы придете на утреннюю службу в церковь в Гэндл-бай-де-Хилл, вы сможете услышать, как эту проповедь прочтет мой племянник Джеймс Бейтс. По его настоятельной просьбе я передал ему текст проповеди – честно говоря, у меня были для этого дополнительные причины. Дело в том, что племянник претендует на должность директора престижной частной школы, и к настоящему времени список кандидатов сократился до двух человек, так что речь идет о выборе между ним и его соперником.
>
> Вчера вечером Джеймс случайно узнал, что председатель правления школы собирается в воскресенье прийти на службу в его церковь, чтобы оценить его ораторские способности – решающий критерий при выборе кандидата на этот пост. Я пошел ему навстречу и передал текст проповеди

[7] Добросердечности *(фр.)*.

«О любви к ближнему», о которой он, подобно вам, всегда отзывался самым лестным образом. У него не хватит времени, чтобы написать полноценную проповедь вместо той краткой речи, с которой он – в соответствии со своей ложной, как мне кажется, теорией – собирался обратиться к сельской пастве, и я решил помочь мальчику.

Надеюсь, что после его проповеди у вас останутся столь же приятные воспоминания, как – по вашим словам – у вас сохранились после моей.

Засим остаюсь искренне ваш,
Ф. Хеппенстол.

P. S. Из-за сенной лихорадки у меня сильно слезятся глаза, поэтому я диктую это письмо моему дворецкому, Брукфилду, который и доставит его вам».

Когда я дочитал до конца, наступила тишина, всеобъемлющая и почти осязаемая, как зимний туман в горах. Бинго несколько раз беззвучно икнул, на его лице отразилась целая гамма самых разнообразных чувств. Дживс негромко, деликатно кашлянул, точно овца, у которой в дыхательное горло попала травинка, и продолжал безмятежно любоваться пейзажем. Первым заговорил Бинго.

– Чтоб мне провалиться, – хрипло прошептал он. – Значит, вы ставили на «заряженную» лошадь!

– Полагаю, что это именно так называется, сэр, – сказал Дживс.

– Но каким образом, черт побери, вам удалось получить секретную информацию из конюшни? – сказал Бинго.

– Все очень просто, сэр, – ответил Дживс. – Когда Брукфилд принес для вас записку, он рассказал мне о ее содержании. Мы с ним давние приятели.

Лицо Бинго изобразило одновременно тоску, муку, ярость, отчаяние и обиду.

– Ну, знаете, я вам скажу, это уж слишком! – закричал он. – Читать чужую проповедь! Это нечестно! Непорядочно!

– Нет, старичок, – сказал я, – ты несправедлив. Не вижу здесь никакого нарушения правил. Священники сплошь и рядом так поступают. Вовсе не обязательно, чтобы они сами сочиняли свои проповеди.

Дживс снова кашлянул и невозмутимо взглянул мне в лицо.

– В данном случае, сэр, если мне позволено будет высказать свое мнение, следует быть особенно снисходительным. Не надо забывать, что место директора школы очень много значит для молодой четы.

– Для четы? Какой еще четы?

– Для преподобного Джеймса Бейтса и леди Синтии, сэр. Как мне сообщила горничная ее светлости, они уже несколько недель помолвлены – так сказать, в предварительном порядке: его светлость дал свое согласие с условием, что мистер Бейтс сумеет получить солидную и хорошо оплачиваемую должность.

Бинго позеленел, как болотная трава.

– Она выходит за него замуж?

– Да, сэр.

Снова наступило молчание.

– Пожалуй, я пойду пройдусь, – сказал Бинго.

– Как же так, старичок, – сказал я, – время обедать, вот-вот прозвенит гонг.

– Не нужны мне никакие обеды! – сказал Бинго.

Глава 14
Честная игра

Жизнь в Твинге потекла своим чередом. Заняться здесь нечем, особых развлечений и чего-то из ряда вон ждать не приходится. Самым крупным событием здешней культурной жизни в обозримом будущем был ежегодный школьный праздник. Оставалось лишь бродить по окрестностям, играть в теннис и всеми силам избегать общества Бинго.

Последнее особенно важно для всякого, кому дорог душевный покой: после помолвки Синтии бедняга Бинго едва не рехнулся от горя; он то и дело подкарауливал меня, чтобы излить свою скорбь. Наконец я не выдержал – он ввалился ко мне в спальню, когда я наслаждался завтраком в постели. После обеда или после хорошего ужина я могу стерпеть его стоны, но только не во время завтрака. Мы, Вустеры, всегда готовы к состраданию и сочувствию, но всему есть предел.

– Послушай, старина, – сказал я. – Знаю, твое сердце разбито, и все такое прочее, и с удовольствием послушаю об этом как-нибудь в другой раз, но…

– Я хотел поговорить совсем о другом.

– О другом? Вот это молодец!

– Я похоронил прошлое, – сказал Бинго. – И не будем больше о нем вспоминать.

– Хорошо, не будем.

– Душа моя разрывается от горя, но, прошу тебя, не надо об этом.

– Договорились.

– Не обращай внимания на мои муки. Забудь о них.

– Уже забыл.

Наконец-то он начал рассуждать разумно.

– Берти, я пришел спросить, – сказал он и вытащил из кармана листок бумаги, – не хочешь ли ты снова попытать счастья.

Чем-чем, а спортивным азартом бог Вустеров не обидел. Я проглотил последний кусок сосиски, подложил под спину подушку и приготовился слушать.

– Продолжай, бледнолицый, – сказал я. – Твои слова меня не на шутку заинтересовали.

Бинго развернул листок и положил его на кровать.

– Как тебе известно, на следующей неделе проводится ежегодный школьный праздник, – сказал он. – Лорд Уикеммерсли предоставляет свое поместье. Будут разные игры, метание кокосовых орехов, фокусник, чай под навесом. А также спортивные состязания.

– Да, Синтия мне говорила.

Бинго поморщился:

– Пожалуйста, не упоминай при мне это имя. Я же не каменный.

– Извини.

– Как я уже говорил, эта петрушка начнется в следующий понедельник. Ну как – рискнем?

– Рискнем? Чем рискнем?

– Я про спортивные состязания. Стеглз так хорошо заработал на проповедниках, что решил устроить тотализатор на школьных состязаниях. Пари будут приниматься как по первоначальным ставкам, так и перед выходом на старт, по желанию игроков. Мне кажется, дело стоящее.

Я нажал на кнопку звонка.

– Мне нужно посоветоваться с Дживсом. Я никогда не ввязываюсь ни в какие игры, не узнав его мнения. Дживс, – сказал я, когда он бесшумно вплыл в спальню. – Как насчет того, чтобы сплотиться?

– Сэр?

– Приведите ваш мозг в боевое положение. Нам требуется ваш совет.

– Хорошо, сэр.

– Давай, Бинго, расскажи, в чем дело.

Бинго изложил суть.

– Что вы на это скажете, Дживс? – спросил я. – Стоит рискнуть?

Дживс задумался.

– Я склонен поддержать эту идею, сэр, – сказал он.

Этого для меня достаточно.

– Отлично, – сказал я. – Значит, мы создаем синдикат. Я предоставляю деньги, вы – ваш гениальный мозг, а Бинго… А что ты можешь вложить в общее дело, Бинго?

– Если ты за меня поставишь, я подскажу победителя в беге в мешках для матерей, – сказал Бинго. – А после выигрыша с тобой рассчитаюсь.

– Прекрасно. Ты возглавишь отдел информации. А какие виды включены в программу?

Бинго сверился с бумажкой.

– Первым пунктом стоит забег на пятьдесят ярдов для девочек младше четырнадцати.

– Что вы на это скажете, Дживс?

– Ничего не могу сказать, сэр. Полное отсутствие информации.

– Следующий вид программы?

– «Животное и картошка», смешанные пары, мальчики и девочки всех возрастов.

Что-то новенькое, во всяком случае, для меня. Никогда не слышал о таких состязаниях.

– А что это?

– Очень азартная штука, – сказал Бинго. – Участники выступают парами, каждой паре дается картофелина и присваивается имя какого-нибудь животного. Предположим, ты выступаешь в паре с Дживсом. Дживс стоит неподвижно и держит в руках картофелину. Тебе на голову надевают мешок, твоя цель – найти Дживса; при этом ты мяукаешь, как кошка, и Дживс тоже мяукает. Другие участники мычат, как коровы, хрюкают, как свиньи, или лают, как собаки, и так далее.

Я прервал его монолог.

– Для любителей домашних животных, может, оно и весело, – сказал я. – Но в целом…

– Совершенно справедливо, сэр, – сказал Дживс. – Я бы не рискнул.

– Невозможно ничего предсказать.

– Вот именно, сэр. Очень сложно оценить форму участников.

– Продолжай, Бинго. Что там дальше?

– Состязание матерей – бег в мешках.

– Ага! Это уже лучше. Тут у тебя есть какие-то сведения.

– Верная победа миссис Пенуорти, жены владельца табачной лавки, – сказал Бинго. – Вчера я зашел купить сигарет, и она призналась, что три раза выигрывала подобные соревнования на ярмарке в Вустершире. Она совсем недавно переехала в эти края, и здесь никто не догадывается о ее талантах. Мисс Пенуорти пообещала пока держаться в тени, так что расценки могут оказаться весьма выгодными.

– Ну что, поставим по десятке, Дживс?

– Стоит попробовать, сэр.

– «Яйцо на ложке», открытый забег для девочек, – прочел Бинго.

– Как насчет яиц?

– Думаю, пустая трата средств, сэр, – сказал Дживс. – Все в один голос утверждают, что победит прошлогодняя чемпионка, Сара Миллз, и ставки на нее будут соответствующие.

– Она и впрямь так хороша?

– В деревне говорят, что она безукоризненно несет яйцо, сэр.

– Есть еще бег с препятствиями, – сказал Бинго. – На мой взгляд, рискованная штука. Все равно что делать ставки на Гранд-нэшнл. Конкурс отцов на лучшее украшение шляпы – тут тоже трудно что-либо предсказать. Остается бег на сто ярдов для певчих церковного хора мальчиков на приз приходского священника; к состязанию допускаются все участники хора, у которых ко второму воскресенью после Крещения не сломался голос. В прошлом году легко победил Уилли Чамберз при форе пятнадцать ярдов. В этом году его скорее всего не допустят к соревнованиям. Не знаю, что и сказать.

– Позвольте мне высказать свои соображения по этому поводу, сэр.

Я с интересом наблюдал за Дживсом. Никогда прежде я не видел его в таком возбуждении.

– У вас такой вид, словно вы получили туза в прикупе, Дживс.

– Получил, сэр.

– Козырного?

– Именно так, сэр. Могу со всей уверенностью утверждать, что победитель забега на сто ярдов находится с нами под одной крышей, сэр. Я говорю про мальчика-слугу, Харольда.

– Харольд? Это тот жирный коротышка в пуговицах, что целыми днями слоняется по дому? Ну, знаете, Дживс, никто больше меня не ценит ваше мнение по части спортивной формы, но будь я проклят, если у Харольда есть хоть малейшие шансы. Он похож на перекормленного купидона и, как ни посмотришь, вечно спит на ходу.

– У него фора тридцать ярдов, а он может победить и без форы. Мальчишка – прирожденный спринтер.

– С чего вы взяли?

Дживс прочистил горло, и в глазах у него появилось мечтательное выражение.

– Я не меньше вашего удивился, сэр, когда впервые обнаружил у него эти феноменальные способности. Как-то утром я погнался за ним, хотел дать ему подзатыльник…

– Господи, Дживс! Вы?!

– Да, сэр. Мальчик чрезмерно прямодушен, он позволил себе оскорбительные замечания по поводу моей внешности.

– И что же он сказал?

– Не помню, сэр, – сухо сказал Дживс. – Но нечто оскорбительное. Я хотел его проучить, но он без труда опередил меня на добрых двадцать ярдов и скрылся.

– Но это же просто фантастика, Дживс! Хотя постойте – если он такое чудо природы, почему никто в деревне об этом не знает? Он же наверняка играет с другими мальчиками?

– Нет, сэр. Харольд – слуга его светлости и не желает водиться с деревенскими.

– Ага, он к тому же сноб.

– Он придает большое значение различию между классами, сэр.

– А вы твердо уверены в его выдающихся спринтерских способностях? – спросил Бинго. – Я хочу сказать, в таких делах нужно знать наверное.

– Если вы желаете лично убедиться, сэр, мне ничего не стоит устроить пробный забег.

– Признаться, так мне было бы спокойнее, – сказал я.

– Тогда, если мне будет позволено взять шиллинг из тех денег, что лежат на туалетном столике…

– Зачем вам шиллинг?

– Я дам его Харольду с условием, что он сделает какое-нибудь оскорбительное замечание по поводу величественной походки второго лакея, сэр. Сам Чарльз чрезвычайно высокого мнения о своей выправке и наверняка заставит нашего бегуна показать все, на что он способен. Если вы соблаговолите подойти через полчаса к окну в коридоре на втором этаже, которое выходит на задний двор…

Никогда в жизни я так быстро не одевался, как в тот раз. Обычно я наряжаюсь не спеша, с большой тщательностью: по нескольку раз перевязываю галстук, разглядываю, как сидят брюки; но в то утро я был так возбужден, что мне было не до галстуков. Я надел первое, что подвернулось под руку, и уже за четверть часа до назначенного срока стоял у окна вместе с Бинго.

Окно в коридоре выходит на мощеный внутренний двор, обнесенный высокой оградой с проходом в виде арки. До арки ярдов двадцать, за стеной начинается дорога и через тридцать ярдов скрывается в густом кустарнике. Я поставил себя на место парнишки и попытался представить, что бы я стал делать, если бы за мной гнался второй лакей. Очевидно, мне бы не оставалось ничего иного, как дунуть со всех ног к кустарнику и спрятаться в чаще. А для это нужно пробежать не менее пятидесяти ярдов. Что ж, превосходная проверка. Если старине Харольду удастся добежать до кустов прежде, чем его настигнет второй лакей, ни один певчий в Англии не сможет дать ему тридцать ярдов форы на стоярдовой дистанции. Я дрожал от нетерпения, мне казалось, что прошла целая вечность, как вдруг снаружи послышались неясные звуки, и на задний двор выкатилось нечто похожее на голубой шар, облепленный множеством пуговиц, и понеслось к арке с резвостью мустанга-трехлетки. Через две секунды на сцене появился второй лакей и изо всех сил припустил за ним.

Это было великолепно. Просто великолепно. Мальчишка не оставил сопернику никаких шансов. Задолго до того, как второй лакей пробежал половину дистанции, Харольд уже скрылся в зарослях и швырял оттуда камни в своего преследователя. Я отошел от окна, потрясенный до глубины души; встретив на лестнице Дживса, я от волнения едва не схватил его за руки.

– Дживс, – сказал я. – Вы меня убедили. Вустер ставит на этого мальчика последнюю рубашку.

– Очень хорошо, сэр, – сказал Дживс.

Игра на тотализаторе в небольшом местечке имеет один недостаток: напав на золотую жилу, нельзя по-настоящему развернуться – другие игроки тотчас пронюхают и заподозрят неладное. Физиономия у Стеглза прыщавая, но котелок варит нормально, и если бы я поставил на Харольда действительно крупную сумму, он тотчас же понял бы, что тут дело нечисто. Я все же рискнул сделать приличные ставки для всех участников синдиката, хотя гораздо меньше, чем мне хотелось. Стеглз явно забеспокоился. Он даже начал расспрашивать в деревне о Харольде, но ничего не узнал и в конце концов, видимо, решил, что я полагаюсь на тридцатиярдовую фору. Больше всего ставок делалось на победу Джимми Гуда, получившего фору в десять ярдов (выплата семь к одному) и на Александра Батлерта с форой в шесть ярдов (одиннадцать к четырем). За прошлогоднего фаворита Уилли Чамберса предлагали два к одному, но никто пока на него не поставил.

Мы решили не полагаться на волю случая в таком серьезном деле и, оформив пари на прекрасных условиях – сто к двенадцати, принялись серьезно тренировать Харольда. Это оказалось весьма утомительным делом, теперь я понимаю, отчего все знаменитые тренеры так угрюмы, молчаливы, с печатью пережитых страданий на лицах. Оказалось, что мальчишку ни на секунду нельзя оставлять без присмотра. Мы твердили ему о грядущей славе, о том, как будет гордиться его мать, когда узнает, что он выиграл настоящий кубок, – все без толку. Как только он понял, что тренироваться означает не курить, не обжираться макаронами и делать физические упражнения, он всеми силами старался увильнуть от тренировок, и только благодаря неусыпной бдительности нам удавалось держать его хоть в какой-то форме. Что касается собственно тренировок, мы – с помощью второго лакея – наладили отработку коротких спуртов по утрам. Пришлось, конечно, раскошелиться, но тут уж ничего не поделаешь. Гораздо труднее было заставить его соблюдать спортивный режим. Попробуйте держать мальчишку в форме, если, стоит дворецкому отвернуться, он прикладывается к бутылке в буфетной или

кладет в карман пригоршню турецких сигарет из курительной комнаты. Оставалось надеяться лишь на его выдающийся спринтерский талант.

Однажды вечером Бинго вернулся после гольфа и рассказал историю, которая меня не на шутку встревожила. После обеда он – со спортивно-оздоровительными целями – брал с собой на гольф Харольда в качестве подносчика клюшек.

Сначала дуралей Бинго воспринял это происшествие лишь с комической стороны. Можно сказать, весь искрился весельем, когда мне рассказывал.

– Послушай, сегодня днем я чуть со смеху не лопнул, – сказал он. – Ты бы видел физиономию Стеглза.

– Стеглза? А что случилось?

– Он буквально остолбенел, когда увидел, как бегает Харольд.

Сердце у меня сжалось от мрачных предчувствий.

– Только этого не хватало! Ты что же, позволил Харольду бежать при Стеглзе?

У Бинго лицо вытянулось.

– Черт возьми, я, кажется, свалял дурака, – мрачно сказал Бинго. – Впрочем, я тут ни при чем. Мы со Стеглзом играли в гольф и, когда закончили партию, зашли в бар гольф-клуба выпить, а Харольд остался на улице с клюшками. Через пять минут выходим, смотрим – мальчишка на гравиевой дорожке отрабатывает дальний удар: изо всей силы лупит по камням лучшей клюшкой Стеглза. Когда он нас увидел, то бросил клюшку и с быстротой молнии скрылся за горизонтом. Стеглз просто онемел. Должен сказать, я и сам был поражен. Он еще никогда так не бегал. Досадно, конечно, что так вышло; но, с другой стороны, – повеселел Бинго, – какое это имеет значение? Ставки сделаны, причем на отличных условиях. Даже если все узнают о талантах Харольда – не велика беда. Он выйдет на старт фаворитом, нам это никак не повредит.

Мы с Дживсом переглянулись.

– Повредит, если он вовсе не выйдет на старт.

– Совершенно верно, сэр.

– Что вы хотите сказать? – спросил Бинго.

– А то, что Стеглз может вывести его из строя до начала забега, – ответил я.

– Ах, черт! Об этом я не подумал. – Бинго побледнел. – Ты это серьезно?

– Вполне. Во всяком случае, попытается. Стеглз на все способен. Отныне, Дживс, мы будем беречь Харольда как зеницу ока.

– Конечно, сэр.

– Неусыпная бдительность, верно?

– Именно так, сэр.

– Дживс, а вы не согласитесь ночевать в его комнате?

– Нет, сэр.

– Понятно, я бы и сам не согласился, если на то пошло. Но, черт меня подери, – сказал я, – мы сами себе накручиваем бог знает что! Нервы совсем развинтились. Так не пойдет. Как может Стеглз навредить Харольду, даже если решится?

Но Бинго был безутешен. С ним всегда так: чуть что, ему сразу все видится в мрачном свете.

– Есть множество способов вывести фаворита из строя, – замогильным голосом произнес он. – Ты просто не читаешь романы про скачки. В книге «Смерть на финише» лорд Джеспер Молверерас чуть было не вывел из игры Красотку Бетси: подкупил главного конюха, чтобы тот подложил в седло кобру в ночь перед скачками.

– Как велики шансы, что Харольда укусит кобра, Дживс?

– Полагаю, они ничтожно малы, сэр. И даже если это произойдет, будучи близко знакомым с этим молодым человеком, смею утверждать, что опасность угрожает исключительно самой змее.

– И все же – неустанная бдительность, Дживс.

– Разумеется, сэр.

Должен признаться, что после этого Бинго стал просто невыносим. Согласен, когда у тебя в конюшне фаворит предстоящих крупных скачек, нужно принять меры предосторожности; но, на мой взгляд, Бинго явно перестарался. Башка у него была битком набита романами про скачки. А в этих книжках, насколько я понял, прежде чем лошадь дойдет до старта, делается не менее десятка попыток вывести ее из игры. Бинго буквально не отлипал от Харольда. Ни на секунду не выпускал беднягу из виду. Конечно, для него выигрыш значил очень много: он сможет бросить работу гувернера и вернуться в Лондон; и тем не менее совсем не обязательно было две ночи подряд будить меня в три часа: в первый раз ему пришло в голову, что Харольда могут отравить и поэтому мы должны сами готовить для него пищу, а во второй раз ему послышались подозрительные шорохи в кустах.

В довершение всех бед он заявил, что в воскресенье, накануне состязаний, я должен пойти на вечернюю службу в местную церковь.

– Какого черта мне туда идти? – возмутился я; должен признаться, я не большой любитель вечерних проповедей.

– Видишь ли, сам я пойти не могу. Меня здесь в воскресенье не будет. Сегодня уезжаю в Лондон с Эгбертом. – Эгберт – это сын лорда Уикеммерсли, подопечный Бинго. – Он едет в гости куда-то в Кейт, и мне нужно посадить его на поезд на Чаринг-Кросском вокзале. Ужасно досадно. Я вернусь только в понедельник днем. Скорее всего, пропущу большую часть состязаний. Так что теперь все зависит от тебя, Берти.

– Но почему кто-то из нас должен тащиться на вечернюю службу?

– Осел! Ты забыл, что Харольд поет в церковном хоре?

– Ну и что с того? Я что, должен следить, чтобы он не свернул себе шею, когда будет брать верхнее ля?

– Дурак! Стеглз тоже поет в хоре. А вдруг он замыслил какую-то подлость?

– Какая чушь!

– Ты полагаешь? – сказал Бинго. – А вот в романе «Фенни, девушка-жокей» злодей похитил наездника, который должен был скакать на фаворите, в ночь накануне скачек, а лошадь никого другого не подпускала, и если бы героиня не переоделась в его форму…

– Ну хорошо, хорошо. Впрочем, может, проще вообще не пускать Харольда в церковь в это воскресенье?

– Нет, он обязательно должен там быть. Ты, должно быть, воображаешь, что этот треклятый отрок – кладезь добродетелей и всеобщий любимец? Репутация у него в деревне самая скверная. Он столько раз пропускал занятия в хоре, что священник пообещал: еще один прогул – и он его выставит. Хороши мы будем, если его исключат из хора накануне состязаний!

Возразить на это было нечего, пришлось мне тащиться в церковь.

Ничто не вызывает такого умиротворения и такой дремоты, как вечерняя служба в деревенской церкви. Чувство заслуженного покоя после прекрасного дня. Старина Хеппенстол возвышался на кафедре, и его монотонный блеющий голос навевал приятные мысли. Дверь в церковь была открыта, и аромат деревьев и жимолости смешивался с запахом плесени и воскресной одежды прихожан. Вокруг в покойных позах посапывали фермеры; дети, которые в начале службы ерзали и вертелись, в изнеможении откинулись на спинки скамеек и впали в коматозное состояние. Сквозь витражные стекла в церковь проникали лучи заходящего солнца, с деревьев доносилось щебетание птиц, в тишине чуть слышно поскрипывали платья прихожанок. Полное умиротворение. Именно это я и хотел сказать. На душу мою сни-

зошли мир и покой. И на души всех присутствующих тоже. Вот почему, когда грянул взрыв, показалось, что наступил конец света.

Я говорю «взрыв», потому что по произведенному впечатлению это можно сравнить лишь со взрывом. Только что вокруг царила дремотная тишина, нарушаемая лишь блеянием Хеппенстола, толкующего о долге перед ближними, и вдруг истошный пронзительный вопль штопором ввинчивается вам промеж глаз, пробегает по позвоночнику и выходит наружу через подошвы башмаков.

– И-и-и-и-и-и! О-о-и-и! И-и-и-и-и-и!

Казалось, нескольким тысячам поросят одновременно прищемили хвосты; в действительности это визжал наш друг Харольд, с ним случился какой-то странный припадок. Он подпрыгивал на месте, хлопал себя рукой между лопаток и, набрав полные легкие воздуха, принимался визжать с новой силой.

В разгар проповеди во время вечерней службы такое не может остаться незамеченным. Прихожане вышли из транса и полезли на скамейки, чтобы лучше видеть. Хеппенстол замолк посреди фразы и обернулся. И только церковные сторожа не потеряли присутствия духа, бросились по проходу к Харольду, который все еще продолжал вопить, и вывели его прочь. Они скрылись в ризнице, а я взял шляпу и направился к служебному входу, полный самых мрачных предчувствий. Я так и не понял, что же произошло, но что-то подсказывало мне: без Стеглза здесь дело не обошлось.

Служебный вход оказался заперт, а когда его наконец открыли, служба уже закончилась. Хеппенстол стоял в окружении певчих и церковных служащих и с жаром отчитывал злосчастного Харольда. Я застал конец его пылкой речи.

– Паршивый мальчишка! Как ты посмел…

– У меня очень чувствительная кожа!

– Какое мне дело до твоей кожи…

– Кто-то сунул мне жука за шиворот!

– Какая чепуха!

– Я чувствовал, как он там ползает…

– Чушь!

– Да, звучит не слишком убедительно, – услышал я чей-то голос.

Рядом со мной стоял Стеглз, черт бы его побрал. На нем был белоснежный стихарь, или сутана, или как там это у них называется, выражение лица строгое и укоризненное. Я сурово на него взглянул, но этот наглец даже бровью не повел.

– Это вы сунули ему жука за шиворот! – закричал я.

– Я? – сказал Стеглз. – С чего вы взяли?

Судьба Харольда была решена, и Хеппенстол огласил приговор:

– Я не верю ни единому твоему слову, дрянной мальчишка! Я тебя предупреждал, хватит, мое терпение лопнуло. Ты исключен из хора. Ступай прочь, несчастный!

Стеглз потянул меня за рукав.

– В таком случае, – сказал он, – эти ваши ставки… вы понимаете… Мне очень жаль, но плакали ваши деньги, старина. Надо было делать ставку прямо перед забегом. Я всегда говорил, что это самый надежный способ.

Я смерил его долгим взглядом. Не скажу, чтобы очень любезным.

– А еще говорят о Честной Игре! – сказал я, постаравшись вложить в свои слова как можно больше яда.

Дживс принял удар стойко, но, думаю, в глубине души он был уязвлен.

– Мистер Стеглз весьма изобретательный молодой джентльмен, сэр.

– Вы хотите сказать жулик, каких свет не видел.

– Пожалуй, это более точное определение. Тем не менее в большом спорте сплошь и рядом прибегают к подобным трюкам, тут уж ничего не поделаешь.

– Я восхищен вашей несокрушимой стойкостью, Дживс.

Дживс поклонился.

– Теперь вся надежда на миссис Пентуорти, сэр. Если она оправдает восторженные отзывы мистера Литтла и подтвердит свой высокий класс, наш выигрыш компенсирует наши потери.

– Слабое утешение, ведь мы рассчитывали сорвать большой куш.

– У нас есть возможность закончить сезон с положительным балансом, сэр. Перед отъездом я убедил мистера Литтла поставить от имени нашего синдиката, в который вы столь любезно согласились меня включить, сэр, небольшую сумму на победителя в беге с яйцом.

– На Сару Миллз?

– Нет, сэр. На темную лошадку, за нее предлагают очень хорошие выплаты. Я говорю о Пруденс Бакстер, сэр, дочери главного садовника его светлости. Ее отец уверяет, что у нее очень твердая рука. Она ежедневно носит ему из дома кружку пива на обед и, по его словам, ни разу не расплескала ни капли.

Что ж, видно, рука у этой Пруденс и вправду твердая. Но вот скорость? С такими опытными соперницами, как Сара Миллз, все решит скорость, тут без хороших спринтерских данных делать нечего.

– Я прекрасно понимаю, что у нее не слишком много шансов на победу, сэр. И тем не менее, мне кажется, стоит рискнуть.

– Вы, надеюсь, поставили и на призовое место?

– Да, сэр. И на победу, и на призовое место.

– Тогда все в порядке. Я знаю, что вы никогда не ошибаетесь.

– Большое спасибо, сэр.

Обычно я стараюсь держаться от школьных праздников подальше. Тоска смертная. Но тут дело было настолько серьезным, что я пересилил себя и направился в парк. Мои опасения насчет убогости мероприятия оправдались в полной мере. День выдался погожий, и в парке было не протолкнуться от окрестных крестьян. Дети сновали взад и вперед. Я стал пробираться сквозь толпу к месту финиша бега в мешках, как вдруг какая-то девочка взяла меня за руку. Мы не были представлены, но она, видимо, сочла, что мне будет интересно послушать про ее куклу, которую она только что выиграла в лотерею «Тяни на счастье», и принялась болтать о ней без умолку.

– Ее зовут Гертруда, – сказала она. – Каждый вечер я буду ее раздевать и укладывать спать, а утром будить и одевать, а вечером снова раздевать и укладывать спать, а на следующее утро будить и одевать…

– Послушай, дорогуша, – сказал я. – Все, что ты говоришь, ужасно интересно, но нельзя ли покороче? Мне обязательно надо посмотреть, как закончится этот забег. Я поставил на него все свое состояние.

– Я тоже участвую в состязаниях, – сказала она, решив на время отойти от кукольной тематики и поддержать светскую беседу.

– Вот как? – сказал я. Я слушал ее вполуха, пытаясь разглядеть сквозь просветы в толпе, что делается на финише. – В каких состязаниях?

– В беге с яйцом на ложке.

– В самом деле? Ты, случайно, не Сара Миллз?

– Еще чего, – с презрением сказала она. – Я Пруденс Бакстер.

Естественно, это сообщение перевело наши отношения в другую плоскость. Я взглянул на нее с интересом. Так, значит, она из нашей конюшни. Должен признаться, вид у нее совсем не спринтерский. Маленького роста и весьма упитанная. Немного не в форме, на мой взгляд.

– Значит, ты Пруденс, – сказал я. – Знаешь что, ты бы не носилась без толку по жаре. Побереги силы, старушка. Присядь в тенечке и отдохни.

– Мне не хочется сидеть.

– Во всяком случае, успокойся.

У Пруденс, как видно, была манера перепархивать с одной темы на другую, как бабочка с цветка на цветок.

– Я хорошая девочка, – сказала она.

– Не сомневаюсь. Надеюсь, что ты хороша и в беге с яйцом на ложке.

– Харольд – плохой мальчик. Харольд шумел в церкви, и ему не разрешили прийти на праздник. Так ему и надо, – продолжала эта достойная представительница прекрасного пола, с добродетельным видом наморщив носик, – потому что он плохой мальчик. Он дергал меня за волосы, в пятницу. Харольд не пойдет на праздник. Харольд не пойдет на праздник. Харольд не пойдет на праздник, – пропела она, да так ловко, что получилась настоящая песенка.

– Пожалуйста, не сыпь мне соль на рану, милая дочь садовника, – взмолился я. – Сама того не подозревая, ты затрагиваешь весьма болезненную тему.

– А, дорогой Вустер! Я вижу, вы уже подружились с этой юной леди?

Хеппенстол прямо-таки сиял от радости. Этакий радушный хозяин – душа общества.

– Как приятно видеть, мой дорогой Вустер, – продолжал он, – что молодые люди принимают такое горячее участие в наших скромных сельских праздниках.

– Вы так считаете? – сказал я.

– Уверяю вас. Даже Руперт Стеглз. Должен признаться, за сегодняшний день мое мнение о Стеглзе значительно изменилось к лучшему.

Мое – нет. Но я промолчал.

– Между нами говоря, прежде я считал Руперта Стеглза эгоцентричным юношей, мне казалось, он не способен просто так, по доброте душевной, сделать приятное ближнему. А сегодня я наблюдал, как он дважды за прошедшие полчаса угощал в буфете миссис Пенуорти, жену нашего уважаемого владельца табачной лавки.

Я пошатнулся, но устоял на ногах. Я вырвал свою руку из цепкой ручонки юной Бакстер и, как заяц, понесся к тому месту, где должен был состояться финиш бега в мешках. У меня было ужасное предчувствие, что и здесь не обошлось без подлых трюков. Неожиданно я увидел Бинго и ухватил его за рукав.

– Кто победил?

– Не знаю. Я не заметил, – с горечью сказал он. – Во всяком случае, не миссис Пенуорти, черт бы ее побрал. Знаешь, Берти, такого мерзавца, как Стеглз, еще свет не видел. Как он про нее пронюхал – ума не приложу, но он догадался, что она опасна. И знаешь, что сделал? Заманил бедную женщину в буфет за пять минут до старта и так обкормил тортом с чаем, что она спеклась через двадцать ярдов. Разлеглась отдохнуть прямо на дорожке. Слава богу, у нас есть Харольд.

У меня рот раскрылся от изумления.

– Харольд? Так ты ничего не знаешь?

– О чем я не знаю? – Бинго позеленел. – Ничего я не знаю. Я пять минут как приехал. Прилетел сюда прямо со станции. А что случилось?

Я ему все рассказал. Он уставился на меня невидящим взглядом, потом издал глухой стон, нетвердой походкой зашагал прочь и скрылся в толпе. Бедняга. Для него это страшный удар. Неудивительно, что он так расстроился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.